

АВТОР ВСТУПЛЕНИЯ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

САРА
НЕЙ

И

МЕГАН
КУИНН

~~С ЛЮБОВЬЮ~~

~~Искренне~~

твоя

~~Дорогой мистер...~~ нет, слишком формально.

~~Привет, сладкий~~ нет, еще рановато.

Тому, кого это касается,

Я полностью откровенна, но прежде чем ты продолжишь читать этот e-mail, хочу, чтобы ты знал, что сегодня вечером я выпила достаточное количество алкогольных напитков, чтобы захмелеть. Три маргариты, два шота и одно пиво, потому что выпивка была бесплатной.

Думаю, важно быть искренней и честной со своими коллегами, верно?

Вот и я пишу все честно. Я пьяная, но честная. Или просто опьянела от вожделения? Тебе решать.

Ты мне так нравишься, что это затуманивает мой рассудок и заставляет делать то, на что я бы никогда не решилась трезвой. Например, написать это письмо.

Я безнадежно, глупо, как школьница, втюрилась в тебя, хотя ты последний мужчина на земле, в которого я должна влюбляться. Ты знал, что люди в офисе называют тебя садистом? Эгоистом. Бесчувственным, высокомерным мудаком. Ты лаешь, но не кусаешь, и я тебя не боюсь. Дело в том, что я бы хотела, чтобы ты оставил следы на моей коже, пока мы бы лежали обнаженные под простынями.

Хочу, чтобы однажды ты увидел во мне кого-то большего, нежели одного из своих сотрудников.

И, раз уж мы откровенничаем, этот темно-синий костюм, который ты носишь... с белоснежной рубашкой... Мне действительно хочется ослабить твой галстук и показать тебе, кто тут босс.

С любовью;

искренне;

твоя.

***САРА НЕЙ И МЕГАН КУИНН
С ЛЮБОВЬЮ, ИСКРЕННЕ, ТВОЯ***
Серия: *Вне серии*

Группа: vk.com/yourbooks12

Переводчик: Мирослава М.

Редактор: Аида Н.

Вычитка и оформление: Виктория К.

Обложка: Виктория К.

ПЕЙТОН

Вивиан: *Господи, почему он такой мудака?*

Кимберли: *Тебе не кажется, что лучше спросить: «Бедный Джордж, почему он постоянно неподготовлен?»*

Пейтон: *Джордж проводит больше времени возле кофемашины, нежели за компьютером. Вот почему. И посмотрите, какой он радостный. Как милый маленький Санта Клаус.*

Вивиан: *Вздых. Жена Джорджа готовит самый вкусный яблочный пирог.*

Кимберли: *Ох, черт, Вивиан, берегись. Ты следующая жертва.*

— Вивиан, какие результаты проведенного вами исследования? — Мужской голос прерывает наш групповой чат, и наша неподготовленная коллега, запинаясь, открывает заметки на своем iPad.

Кимберли: *Вот блин! Вив — уже не жилец.*

Пейтон: *Ой, мне плохо. Она краснеет.*

Кимберли: *Да, Вив. Ты ТАК краснеешь.*

Пейтон: *Вив, видела бы ты свои уши...*

Кимберли: *Может быть, если бы сам дьявол не дышал ей в затылок, она бы так сильно не потела.*

Пейтон: *Честно говоря, у нас совещание в самом разгаре. Она должна быть подготовленной, а не делать вид, что строчит заметки, когда сама болтает в чате.*

Кимберли: *Посмотрите, какой он сердитый. У него из ноздрей дым идет.*

Пейтон: *Ага... Посмотрите на его лицо. Он похож на дракона, который хочет поджечь всю комнату.*

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на босса со своего места за столом для совещаний, длинная деревянная столешница служит монолитным буфером между нами. Он во главе стола, демонстрирует в зале свою власть и подвешенный язык, словно воин — острый меч.

Никто не застрахован от его презрительного отношения.

Наблюдаю, как начальник отчитывает мою подругу из отдела маркетинга — ее маленький офис находится двумя этажами ниже моего, — кладет обе ладони на стол и наклоняется к ней.

— У меня нет новых идей, с которыми можно было бы работать. Какого хр... — Он замолкает, сдерживая себя от мата, и делает глубокий вдох, чтобы начать сначала, прежде чем провести большой мужской ладонью по темным волосам. — Чем, черт возьми, вы занимаетесь в своих кабинетах весь день? Таращитесь в гребанные окна в ожидании вдохновения? Ради всего святого, я не хочу, чтобы вы сидели в офисе. Покорите гребаную гору. Это компания, занимающаяся отдыхом на открытом воздухе, вашу мать. Выйдите на улицу.

Начальник пригвозждает жестким, бесстрастным взглядом огромного, мускулистого парня по имени Брэнсон.

— Инновации — это одна из твоих обязанностей, Брэнсон. Возьми палатку, установи эту чертову штуковину и найди способ ее улучшить.

Босс тяжело дышит. Он в ярости.

— Смотрите. Я знаю, что только закончился сезон отпусков, и вы все на расслабоне, но если мы не добьемся прогресса в наших разработках для увеличения продаж, то закончим этот финансовый год в полной заднице.

Он бурчит, его глубокий голос эхом отдается от стен, пока мы все сидим молча, затаив дыхание.

Вивиан: Э-э, девочки? Думаете, боссу все еще нужны мои заметки?

Кимберли: *К черту твои заметки, Вив. Не говори больше ни слова, если твои «заметки» не являются настоящими заметками.*

Пейтон: *Уверена, ты упустила момент до того, как он встал и начал расхаживать, как тигр в зоопарке.*

Вивиан: *Слава богу. Мне было нечего добавить.*

Наблюдаю через стол, как Вивиан с облегчением горбится, лукавая улыбка играет на ее накрашенных губах цвета жевательной резинки. Ее длинные изящные пальцы постукивают по iPad, лежащему на столе, и я знаю, что ее следующее сообщение адресовано не нам.

Кимберли: *Ты ничего не записывала, потому что была так сосредоточена на флирте с парнем в сети, у которого... как ты выразилась...*

Пейтон: *Грудные мышцы похожи на мясные стейки?*

Кимберли: *Да, тот парень. «Парень мясной стейк».*

Вивиан: *Как тут устоять. Пришлось флиртовать.*

Пейтон: *Ты даже не знаешь, выглядит ли он так в реале.*

Вивиан: *Кого волнует, как он выглядит на самом деле? Он — идеальное отвлечение.*

— Я хочу, чтобы вы все заползли обратно в свои коморки в офисе, вытащили голову из задницы и придумали идеи к полудню. Это лето проходит под лозунгом — жить «дикарем». Наша целевая демографическая группа — Гарри может предоставить данные — миллениалы (прим. пер. миллениалы — люди, родившиеся накануне Миллениума, во временном промежутке с 1984 по 2000 год (по другим данным — 1981 по 1996 год.) и яппи (прим. пер. яппи — сленговое слово, означает зажравшихся деток богатых родителей). Если вы не знаете, что такое яппи, погуглите. Если вам не дано понять, как это сделать, заберите свое барахло с рабочего стола.

При упоминании своего имени Гарри бледнеет, его лицо невзрачно в отличие от его клетчатой рубашки с короткими рукавами грязно-зеленого цвета. Его шея приобретает грязно-бордовый оттенок, что только подчеркивает участок щетины, который он пропустил, когда брился этим утром.

Кимберли: *Девочки, вы только что это видели? Гарри вытер лоб. Он действительно потеет.*

Пейтон: *Ага, я видела, это жесть. Он выглядит так, словно его вот-вот вырвет. Вы ведь слышали, что произошло, да?*

Вивиан: *Нет, что случилось?*

Пейтон: *Ходят слухи, что в рекламном тексте, который он редактировал для журнала «Mountain Man Magazine» было три ошибки.*

Кимберли: *НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!*

Вивиан: *ТРИ?? Оооооо, чееерт...*

Пейтон: *Да, три.*

Наш босс прожигает Гарри парой невероятно серых глаз, что я сама начинаю испытывать стыд, хотя они и не направлены в мою сторону.

Хвала богу.

Начальник поднимает три пальца.

— Как ты мог допустить, чтобы три гре... — Он снова останавливает себя, проводя большой рукой по густым взъерошенным волосам. — Как ты мог допустить, чтобы после редактуры осталось три ошибки? У тебя одна задача, Гарри. Одна. Чтобы мы не выглядели неучами.

Босс прав, в рекламе не более ста слов.

— Мне очень жаль, Рим. В тот день, э-э, у меня болела голова. — Гарри ёрзает с носовым платком в руке. Его подарила ему жена, на нем вышиты его инициалы и сердечко — милый платок, достойный кляпа. Жаль, что он использует его, чтобы вытереть пот, струящийся с висков от нервов.

Гарри это не идет, да и вообще кому-либо.

— У меня от тебя голова разболелась. — Шеф опускается на стул, обхватив голову руками.

— Мне жаль, Рим, я...

— Нет, Гарольд, это мне жаль. — Смысл его слов как нельзя более ясен: *Мне жаль, что я нанял тебя. Я сожалею об этом. Я уволю тебя, если ты еще раз облажаешься, черт возьми.* — Второго шанса не будет.

Босс выпрямляется во весь рост, обращаясь к миньонам, сидящим в зале.

— Ради всего святого, кто-нибудь, дайте мне какую-нибудь идею к полудню.

Мои пальцы, готовые печатать очередное сообщение моим друзьям, замирают.

Сейчас десять пятнадцать.

Ему нужны идеи к полудню.

У меня назначена встреча с ним в одиннадцать.

Дерьмо.

Когда я отрываюсь от маленького экрана в своих руках, встречаюсь взглядом с парой стальных глаз. Черные брови, непроницательное выражение лица. Пухлые губы, производящие впечатление.

Он *такой симпатичный.*

Даже, можно сказать, красивый.

Такая расточительность на одинокого мужчины.

Всё ещё свободного.

Когда наши взгляды встречаются — это продолжается слишком долго, чтобы назвать случайностью, — жар поднимается вверх по моей груди, шее, а затем по щекам. Мое лицо краснеет, и я прижимаю к нему ладонь.

Тоже теплое.

Я дрожу.

У меня назначена с ним встреча в одиннадцать.

И ему не понравится то, что я скажу.

РИМ

Какого хрена она так пялится на меня?

Она не сказала ни единого гребаного слова за — смотрю на часы — три минуты.

Позволяю секундам тикать, несмотря на её дискомфорт или, возможно, из-за него, я и позволяю молчанию затянуться на неприлично долгое время. Неудобные и сложные ситуации — это то, что у меня получается лучше всего, в этом я мастер.

Тик.

Так.

Не беспокойся — говорит ей моя язвительная улыбка. *У меня вагон времени.* Целых двадцать минут отведенных только для неё, по её просьбе, чтобы она сидела здесь и тратила мое драгоценное время. Жду, когда она откроет свой симпатичный ротик и выскажет свои мысли.

Вместо этого она ёрзает на своем стуле, серая юбка, которую она не может натянуть ниже, облегает её бедра. Юбка тесная и чопорная, дополненная строгой белой рубашкой на пуговицах. Черные очки чопорно сидят на кончике её носа, темные брови над оправой приподняты в удивлении.

Она не похожа ни на одного специалиста по маркетингу, которого я когда-либо встречал, и я, конечно, понятия не имел, что на меня работает кто-то похожий на неё

Подо мной.

Четырьмя этажами ниже.

Она выглядит как чертов бухгалтер. Или секретарь. Или директор подготовительной школы Восточного побережья.

Поворачиваюсь в своем кожаном кресле, прежде чем взять ручку со стола и зажать между пальцами, рассматриваю её полузакрытыми глазами.

Изображаю скуку.

Хотя на самом деле это не так.

Нажимаю на колпачок один раз, второй, наблюдая, как большие карие глаза этой женщины следят за моими движениями с другой стороны моего громадного стола. Её брови нахмурены, тонко завуалированное терпение на исходе.

Пейтон.

Черт, когда я увидел это имя в своем расписании, решил, что в мой кабинет войдет мужчина. Каково же было мое удивление, когда изящная рука, тихонько стучащая в дверной косяк, принадлежала женщине, которая сидела сегодня утром за столом в моем конференц-зале.

Во время совещания она переписывалась по мобильному телефону. Ставлю на это свое правое яйцо.

Смотрю на лист бумаги, вглядываясь в каждую букву её имени. Я никогда не беседовал и не встречался с этой женщиной с тех пор, как она работает в моей компании.

За все пять лет.

Даже с солидным послужным списком достижений — по словам моей секретарши — она никогда не была в моем кабинете. Пейтон как-там-её, чью фамилию я бл*дь не могу

выговорить и даже пытаться не буду.

Зачем утруждать себя? Она уже одной своей чопорной ногой вышла за порог компании, которую я создал.

Раскрываю губы, избавляя нас от страданий.

— Ваш руководитель знает, что вы здесь?

— Ещё нет, — начинает Пейтон, выпрямляя спину и выпячивая грудь в накрахмаленной рубашке. — Я хотела... — Она замолкает, нервно вздыхая.

— Почему вы сначала не обратились в отдел кадров? Таков протокол.

Мне нравится быть прямолинейным. Предпочитаю прямоту, а не бред сивой кобылы в сладкой упаковке, независимо от того, какой вкус мне предлагают.

— Я хотела лично сообщить вам за две недели. Подумала, что это будет по-человечески.

По-человечески.

Она серьезно, черт возьми? Кто так делает?

— Вы *увольняетесь*. Думаете, мне есть дело до того, ведете ли вы себя по-человечески? — Или вежливо? Или она пытается быть *тактичной*?

Этим чертам не место в моем кабинете.

Это компания, а не детский сад. Мы здесь, чтобы зарабатывать деньги, а не потворствовать задетым чувствам.

Пейтон снова замолкает, прежде чем неуверенно произнести:

— Я подумала, что, поскольку это ваша компания, мне не подобает сжигать мосты.

Не подобает.

Разве она не чертовски очаровательна? Вдруг представляю, что она родом с маленького городка в глуши США, где родители учат своих детей хорошим манерам и проводят время вместе по выходным. Семейные вечера кино и вся эта сентиментальная ерунда.

Фыркаю, щелкая ручкой.

Пейтон. Что это за имя такое?

Мужское имя, вот что.

— Вы не хотите сжигать мосты, — повторяю я с издевкой, мусоля лист бумаги кремового цвета, который она положила на мой стол, когда заявила сюда. Её заявление об увольнении напечатано на бумаге для резюме. — Я не просто сжигаю мосты. Я осушаю реки и заливаю их бетоном.

Затем я иду в поход вдоль берегов останков рек. У меня компания, занимающаяся активным отдыхом, поэтому найти палатку будет несложно.

Пейтон кривит губы от удивления, шока или отвращения из-за моей откровенности, точно не знаю.

Бегло просматриваю бумагу в руках.

— Здесь не сказано, где вы будете работать дальше. Вам не нужно рекомендательное письмо? Потому что должен сказать, Пейтон, — откидываюсь на спинку кресла, позволяя ему скрипеть на своих ржавых, старых петлях, — увольнение — это никчемный способ выжать из меня что-нибудь.

Она качает головой, её темные волосы, собранные в аккуратный пучок на затылке, не шевелятся ни на дюйм. Не хватает только сетки для волос.

Блуждаю взглядом от кончиков её блестящих кожаных туфель, к воротнику накрахмаленной классической рубашки в то время, как она сидит напротив меня.

Прищуриваюсь.

— Вы всегда так одеваетесь на работу?

Пейтон смотрит на свою блузку, прикасаясь к жемчужной пуговице, застегнутой на шее.

— Да, когда у меня важная встреча.

— Это компания, занимающаяся отдыхом на *открытом* воздухе, черт возьми, а у вас на голове пучок, как у библиотекаря.

Она напрягается, её взгляд падает на голубой шелковый галстук, завязанный вокруг моей шеи, на пиджак на широких плечах, без сомнения мысленно называя меня лицемером. Мне пофиг, это моя компания. Я делаю всё, что, черт побери, хочу, и у меня тоже сегодня днем важная встреча с рекламщиками. Я не собираюсь появляться в гребаной клетчатой рубашке лесоруба с закатанными до локтей рукавами.

Пейтон теребит золотую серьгу в виде кольца.

— Я подумала, что наша встреча сегодня утром требует немного дополнительных усилий.

— Что ж, вы могли бы избавить себя от лишних хлопот. Когда кто-то увольняется из «Roam, Inc», у меня больше нет на него времени.

— Но, Рим, я надеялась... — Она называет меня по имени вместо фамилии, поднимая руку, чтобы заправить за ухо прядь волос, которой там нет — нервная привычка, которую я заметил, она повторяла уже несколько раз. Но Пейтон не может провести пальцами по волосам, потому что они собраны в этот гребаный бабский пучок. — Я пришла, предполагая, что, хотя я и ухожу, мои услуги все же могут быть вам полезны.

— Ваши услуги? — С моих губ невольно срывается смешок, губы расплываются в ухмылке.

Когда я думаю об услугах, в моей голове одни пошлости: эскорт, минет и распутные женщины. Подайте на меня в суд за то, что я сразу подумал о сексе.

Она, наверное, прочитала мои мысли, отражающиеся в моих глазах, потому что начинает хлопать ресницами, а кожа на её обнаженной шее становится ярко-красной.

— Да, мои услуги в качестве *дизайнера*. Я, наконец...

— Уверен, мы и без вас прекрасно справимся, — перебиваю её, будучи взбудораженным, воодушевленным блеском в её глазах. Она уходит и у нее хватает наглости рекламировать свою субподрядную работу?

*Я, бл*дь, так не думаю, сладкая.*

Наклоняюсь вперед, сложив руки на столе, рукава моей классической рубашки закатаны до локтей.

— Я успешен потому, что не трачу своё время на сочувствие ко всем, кто в этом нуждается. Это бизнес, а не хобби. И поскольку вы настояли на этой небольшой встрече, позвольте мне просветить вас в кое-чем, если хотите, дам вам ценный совет, который, возможно, пригодится на следующей работе.

— Я-я слушаю.

Смеряю Пейтон суровым взглядом.

— Даже не думайте о том, чтобы работать на конкурентов.

Пролистав документы на своем столе, тычу пальцем на пункт в контракте о недопущении конкурентных действий; тот контракт, который она подписала в первую неделю своего пребывания в «Roam, Inc».

Это нерушимый и безотзывный пункт, действующий в течение одного года после

увольнения, и я не боюсь добиваться его исполнения в принудительном порядке.

Ага. Если она будет работать на конкурентов, я заберу у неё всё, чего бы мне это не стоило.

Её подбородок слегка приподнимается.

— Я бы никогда.

Мои губы изгибаются в улыбке.

— Все так говорят.

Пейтон пристально смотрит на мой рот несколько секунд, а затем качает головой.

— Я больше не буду ни на кого работать. Наконец-то я буду работать на себя. И если вы не уважаете моё решение, то, наверное, я недооценила вас.

Наклоняюсь вперед, сцепив руки на столе.

— Недооценили меня?

— Мне казалось, вы прогрессивный. Как человек, основавший свою собственную компанию с нуля, я думала, может быть, вы дадите мне шанс.

Пейтон встает, протягивая мне манильскую папку (*прим. пер. Манильская папка — желтоватая папка, представляющая собой плотный лист, сложенный вдвое, её изображение используется ОС Windows как символ папки*).

— Мои работы в области графического дизайна хороши. Даже фантастичны. Если вы этого не видите, то ладно. Вы... вы...

Мои брови взлетают чуть ли не к макушке.

— Я что?

— Тупица. — Сказав последнее слово, она встает, выглядя раздраженной, и покидает мой кабинет. *Тупица? Да ради бога, я слышал и похуже.*

Когда Пейтон уходит, я просматриваю контакты компании на ноутбуке, щелкая мышкой. Мне нужно узнать о ней больше.

Пейтон Левек.

Я трижды неправильно напечатал её чертову фамилию, прежде чем, наконец, получилось без ошибок.

Нажимаю кнопку Enter.

ПЕЙТОН

Звук закрывающейся за мной двери Рима Блэкберна выводит меня из ступора. Из тумана *иллюзий*, который я каким-то образом создала и погрузилась в него последние несколько недель, думая, что, возможно — только возможно, — босс захочет нанять меня в качестве подрядчика, как только я уйду из компании.

Я делала ставку на то, что он даст мне шанс.

Что, черт возьми, только что там произошло?

Я что, только что была в кабинете мистера Отдых на открытом воздухе, чтобы уволиться с папкой, полной дизайнерских проектов? Чтобы представить ему мою новую компанию? Чтобы *пялиться* на его крепко сжатую челюсть, в то время как он обсыпал меня оскорблениями?

Да, все так и было.

О боже, все так и было.

И я прямо в лицо назвала босса тупицей. Честно говоря, выражение его лица навсегда

останется в моей памяти. И я сомневаюсь, что это оскорбление послужит для меня хоть в малейшей степени хорошим предзнаменованием. Говорила о том, что не хочу сжигать мосты.

Но он даже слова вставить не дал.

Ну, может быть, несколько — я заикнулась пару раз.

Молодец, Пейтон. Отлично представила «Fresh Minted Designs», потеряв свою опору, когда она нужна больше всего. Как теперь добиться успеха?

— Как все прошло?

Мчусь мимо Лорен, помощницы Рима, но её театральный шепот останавливает меня.

Она склонилась над холодной каменной стойкой, оглядывая холл, а затем смотрит на меня, подзывая пальцем, чтобы я подошла ближе.

— Ну? Как все прошло? Ты была там недолго.

Бросаю взгляд в сторону кабинета Рима Блэкберна, моё лицо отражает поражение.

— *Не так, как я ожидала. И теперь я знаю, почему у него такая фамилия (прим. пер. первая часть фамилии «black» — переводится, как «черный»).*

Его личность такая же черная, как и его душа.

Вздвогнув, Лорен вновь манит меня пальцем, чтобы я подошла еще ближе. Мне больше нечем заняться с тех пор, как я только что уволилась, поэтому выполняю её маленькую команду, упираясь бедром в гранитную стойку, громко вздыхая.

Она кривится.

— Настолько плохо, да?

— *Хуже.*

— Я не слышала никаких криков. Насколько это было плохо?

Мои брови подсакивают вверх.

— Крики?

— Ну да, ты *уходишь*. Увольняешься. Рим Блэкберн не бывает милым с людьми, которые покидают компанию.

Это для меня не новость. Я только что видела все воочию.

— Ты уведомила его о своем намерении отработать две недели?

— Нет. Разговор зашел в тупик, когда он начал говорить о пункте в моем контракте о недопущении работы на конкурентов.

Лорен смеется, щелкая по клавиатуре.

— Да, когда кто-то увольняется, Рим обычно заставляет людей освободить свой стол немедленно. Не удивляйся, если к тому моменту, когда ты зайдешь в свой кабинет, коробка уже будет упакована.

— Да неужели? Я бы никогда не догадалась. — Слова слетают с моих губ, пропитанные сарказмом, который я не в состоянии скрыть, но мой желудок сжимается.

Надеюсь, босс позволит мне отработать две недели. Они мне *нужны*.

— Рим построил эту компанию на крови, поте и слезах, с нуля...

— Милая, я знаю. — Наклоняюсь, чтобы хлопнуть Лорен по плечу. — Ты не должна защищать его. Я понимаю. Ничего личного. Это бизнес. Я просто хотела бы, чтобы он дал мне шанс...

Дальше по коридору открывается дверь.

Его дверь.

Лорен застыла, её пальцы сразу же начинают быстрее бегать по клавиатуре.

Я замираю.

Мои плечи напрягаются, спина выпрямляется, чувства обостряются, и я внезапно нахожусь в состоянии повышенной готовности.

Его одеколон резкий и мужественный, с аурой власти — смешанный в легко узнаваемый и до смешного опьяняющий аромат, *и о чем, черт возьми, я вообще говорю?*

Рим Блэкберн — это леса, реки и приключения.

Он — восхищает.

Он — кретин.

Рим Блэкберн — долбаный придурок.

В коридоре меняется энергия, витавшая в воздухе. Владелец этих властных шагов приближается к нам с Лорен и останавливается прямо за моей спиной.

— Мисс Ллл... — Мудак даже не пытается произнести мою фамилию. Как будто это слишком сложно? — Что вы всё ещё здесь делаете? Разве вы не должны уведомить своего руководителя о последних двух неделях?

Я не должна освобождать свой стол. Я не должна освободить свой стол.

— Левек. Произносится, как Ле-век.

— Что это?

— Моя фамилия.

Проницательные, интенсивные серебристые глаза сужаются, легкая щетина покрывает его сильную точеную челюсть. Рим скрещивает руки, бицепсы бугрятся под дорогой тканью синей рубашки на пуговицах, ноги на ширине плеч.

Такая поза заставляет комнату казаться меньше, теснее, высасывая весь воздух.

— Ле-век, — повторяет он, пробуя мою фамилию на губах. На своих великолепных пухлых губах.

— Да.

— Тогда почему, черт возьми, она пишется по-другому?

— Это французский язык (*прим. пер. фамилия героини пишется на французском — Lévêque*).

Он прищуривается еще больше — если это вообще возможно — и сжимает челюсть, засовывая руку в карман.

— Лорен, пожалуйста, проводи мисс Выпендрейницу Ле-Век к лифту. Часы тикают, отсчитывая время её пребывания здесь.

— Да, мистер Блэкберн. — Бросив извиняющийся взгляд в мою сторону, его помощница встает, спеша выполнить приказ босса, и торопливо ведет меня к лифтам в двадцати футах от своего стола, подталкивая меня вперед, положив руки на мои плечи.

— Мне так жаль. Поговорим позже, — шепчет она, тыча ногтем рубиново-красного цвета на кнопку «вниз». Двери автоматически разъезжаются, открывая черные и хромированные стены.

Войдя внутрь, я оборачиваюсь и нажимаю на кнопку своего этажа, который находится на четыре этажа ниже.

— Сначала в отдел кадров, мисс Выпендрейница, — с ухмылкой напоминает Рим. — Такой порядок вещей.

Он указывает на потолок.

Придурок.

Высокий, с широкими плечами и узкой талией, самое лучшее в нем — его задумчивый

взгляд. Меня влечет к нему, как пчелу на мёд, и это безумно интригует.

Когда двери лифта начинают закрываться, в поле зрения появляется Рим, засунув руки в карманы своих идеально отутюженных брюк, и он наблюдает за мной, нахмутив красивые темные брови.

Просто потому, что я чувствую необходимость быть любезной — несмотря на то, как грубо он со мной общался, — когда дверь передо мной закрывается, я беззвучно произношу:

— Спасибо, мистер Блэкберн.

Радуюсь, зная, что последнее слово за мной.

Улыбаюсь.

Только когда дверь захлопывается, я опускаю плечи и прислоняюсь к стене для поддержки, прерывисто дыша.

Предупредить начальника об увольнении за две недели и так достаточно сложно, но сообщить эту новость такому человеку?

Еще сложнее.

Все могло бы пройти лучше.

Все пошло совсем не так, как я себе представляла, проигрывая сценарий в уме. Или когда я репетировала речь перед своей собакой, спасенной дворняжкой, которую назвала Скоттом, потому что мне кажется, что давать своим питомцам имена людей забавно.

— *Скотт и мистер Блэкберн. Большое спасибо, что согласились встретиться со мной сегодня, я знаю, что ваше время драгоценно. — Прочищаю горло. — О, что? Вам понравилась моя юбка? (хихиканье) Большое спасибо. Я выбирала её специально для вас.*

Но ему не понравилась моя юбка, он высмеял её. Я запинаясь, не смогла донести до него свою мысль и с треском провалилась.

Я представляла, что всё пройдет намного лучше. На самом деле, это были мечты.

Рим должен был меня расхваливать и благодарить. Радоваться новому сотрудничеству. Для дальнейшего роста. Возможно, мы бы «дали друг другу пять», профессионально пожали руки или стукнулись кулаками в знак заключения сделки.

Поправляю твидовую облегающую юбку-карандаш, и, чувствуя, как плотно прилегает ткань, немного опускаю змейку, чтобы можно было вздохнуть свободно, а затем расстегиваю две верхние пуговицы на своей удушающей блузке.

Смущенная испытанием, через которое только что прошла, я возвращаюсь в свой маленький кабинет, который на самом деле представляет собой лишь пресловутую кабинку, мимо которой проходит множество зевак и невероятно любопытных коллег.

Словно проходной двор.

Скрипучие колесики кресла подстраиваю к пластиковой подложке, защищающей ковер в офисе, и они катятся вперед, когда я сажусь. Наклонившись, потираю лоб рукой и раз за разом прокручиваю в голове нашу встречу.

Непринужденная, но угрожающая поза Рима Блэкберна. Движение его длинных пальцев, когда он играл с той проклятой ручкой. Узкая талия в хорошо сшитых брюках, когда он наблюдал, как двери лифта закрываются передо мной. Легкий беспорядок на голове, волосы растрепанные, как будто несколько мгновений назад Рим дергал за гладкие каштановые пряди, принимая решение для компании из списка Fortune 500 (*прим. пер. Fortune Global 500 (по-русски Форчун-500) — рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит выручка компании*), которую он создал с нуля.

И эти глаза.

Темные брови нависли над омутами нетривиального серебристого цвета — не синего, не серого... *серебристого* — на этот раз я смогла достаточно близко определить его цвет.

Они приобретали более темный мшистый цвет по мере того, как он все больше злился на меня.

На меня.

Ах.

Рим Блэкберн бессердечный, нахальный и расчетливый. И все же, в тот краткий миг, когда мы встретились взглядами, я увидела мимолетную уязвимость в его глазах, скрываемую за жестким внешним видом.

Проблеск...

Тук-тук.

Еще до того, как я успеваю поднять голову, чтобы посмотреть, кто стучит в стену моей кабинки, я знаю, что это моя лучшая подруга Женевьева.

— Ну, как все прошло? — Женевьева работает в ИТ отделе «Roam, Inc», она очень поддерживала мое решение уйти из компании, чтобы создать свой собственный бренд и основать консалтинговую фирму.

Жен садится на маленький шкафчик в моем «кабинете», скрестив ноги и готовая слушать.

Медленно поворачиваясь в кресле, а затем наклоняюсь к ней. Поджимаю губы.

— А как ты думаешь всё прошло?

Её лицо искажается.

— Пожалуй, не очень хорошо? — она отвечает вопросительным предложением. — Мистер Блэкберн не выглядит понимающим парнем. Он все время слишком зол.

Это преуменьшение года.

— Боже, Жен, я так облажалась. Я растерялась, и даже не успела рассказать о своих идеях или планах. — Качаю головой. — О чем, черт возьми, я думала? Рим Блэкберн блестяще закрыл мне рот прежде, чем я успела произнести хоть слово. — Я смеюсь еще сильнее, с каждым вздохом эта встреча кажется все более комичной.

— По крайней мере, у него красивый рот, — поддразнивает моя подруга.

— Он даже не знал мою фамилию, а значит, понятия не имел, кто я такая. Потрясающе.

Мои слова вызывают у Женевьевы смехок.

— Блэкберн кажется таким совершенным. Как он мог перепутать твою фамилию?

— Он не мог произнести её, и даже не стал пытаться выговорить правильно. — Пожимаю плечами. — Или, может быть, это был его способ нанести мне последний удар, прежде чем я уйду.

Моя преданная и поддерживающая подруга гладит меня по спине.

— Он выставил себя мудаком. — Женевьева покачивает ногой, обутой в туфлю на высоком каблуке. — Эй. Послушай. Забудь о нем. Ты увольняешься, и, когда уйдешь, то надерешь задницу любому, преуспевая в других компаниях, делая себе имя, и он пожалеет, что отказался от тебя.

Качаю головой с улыбкой на лице.

— Блэкберн не будет жалеть. Ты — глупышка.

Женевьева считает это комплиментом.

— Говорю тебе, он пожалеет.

Взяв скрепку, я играю с металлом, а затем разгибаю её — моя нервная привычка. Когда

я была маленькой, засовывала металл в рот, прижимая к зубам, и притворялась, что ношу брекеты. Сейчас я взрослая, поэтому положила погнутый металл обратно на стол.

— Были какие-нибудь сплетни в последнее время, о которых мне нужно знать?

Женевьева знает *все*. И, на мой взгляд, у неё лучшая работа в компании.

Она следит за учетными записями работников, которые обмениваются мгновенными сообщениями, отслеживая любые неправомерные действия или нецелевое использование времени. Создает новые учетные записи сотрудников и пишет электронные письма.

Удаляет старые. Выборочно делает скриншоты рабочих столов коллег.

По сути, она глаза и уши «Roam, Inc».

Какая самая приятная часть её работы? Никто точно не знает, чем она занимается. Все думают, что она время от времени настраивает рабочие телефоны и ремонтирует компьютеры, а это значит, что она может накопать на коллег настоящий компромат.

— Хммм, — мычит подруга, постукивая пальцем по подбородку. — У Кэлвина из финансового отдела есть подружка, которой в понедельник вставляют импланты, и он за все платит.

— Ты врешь.

Она качает головой.

Я тихо смеюсь, немного завидуя, мои плечи трясутся.

— А как насчет Роуз и Блейна?

Женевьева берет мятную конфету из моей вазочки для конфет и кладет её в рот, сминая обертку в пальцах, прежде чем выбросить в мусорное ведро, рядом с моим столом.

— Всё ещё топчутся на месте. Он не признается, что влюбился в неё по уши, а она скрывает, что целовалась с ним, когда они были пьяны на последней офисной вечеринке. Похоже, старое доброе упрямство стоит на их пути к настоящей любви.

— Какой позор. — Выбросив испорченную скрепку в мусорное ведро, хватаю другую.

— А Салли, которая начисляет зарплату? Она все еще говорит всякую чушь обо мне Джессике?

Подруга закатывает свои ярко-голубые глаза.

— *Обязательно*. Сказала, что сегодня ты оделась как бомж и пошла в кабинет босса, чтобы попытаться трахнуть его. — Она тихо фыркает. — Как будто кто-то захочет этого холодного самовлюбленного эгоиста.

Прикусываю уголок губы, опустив глаза. *Кто-то* может захотеть его трахнуть.

На самом деле, одна девушка сразу пришла мне в голову.

Я.

Я, я, я.

Я бы трахнула Рима Блэкберна в мгновение ока.

Моя подруга продолжает болтать, ничего не подозревая. Боже, если бы она знала, что я думаю о нашем боссе? Она бы умерла.

— Эй! — Женевьева воспрявает духом, выпрямляя спину, сидя на картотечном шкафу.

— Завтра вечером всё в силе? Будем праздновать твоё тридцатилетие?

Она возбужденно хлопает в ладоши.

Некоторые люди боятся наступления тридцатилетнего возраста, но не я.

Я рада, что мне уже за двадцать, и готова к тому, чтобы ко мне относились более серьезно. Готова начать свой бизнес. Готова к новой главе в своей жизни, несмотря на немного неблагоприятное начало.

— Всё в силе. Мне нужно выпить чего-нибудь покрепче.

Моя подруга хихикает.

— Крепкий напиток и твердый член внутри тебя.

— Поверь мне, этого не произойдет.

— Почему бы нет?

Потому что. По какой-то неизвестной причине мы с моей вагиной хотим одного мужчину.

Мужчину, который определенно не хочет меня, и это Рим Блэкберн.

РИМ

— Можешь убрать ноги с моего стола? — Мой друг Хантер закатывает глаза, ему пофиг, что его грязные ботинки оставляют гравелистый песок на моем ковре и столе.

Он игнорирует меня.

— Кто засунул шило в твою задницу? Ты ведешь себя, как сучка, больше, чем обычно.

Я тоже его игнорирую.

— Сегодня утром было не собрание, а цирк какой-то. Ты был бы полезен.

— И что я бы делал?

— Не знаю. Оказал моральную поддержку? Не дал мне съехать с катушек?

Хантер О'Рурк — ДИТ, директор по инновациям, и его основная обязанности тестировать новые идеи, создаваемые нашей командой разработчиков.

Внедрять инновации. Или в данном случае — обнаруживать ошибки в разработке. Изобрели новую палатку? Он возьмет ее в дикую природу и будет спать в ней. Нужно протестировать новый инвентарь для занятия альпинизмом? О'Рурк тот парень, который взберется на стену.

Нужно прыгнуть с моста на новом тросе? О'Рурк.

Он мой лучший друг и голос разума.

Он чокнутый, но это факт, поскольку зарабатывает на жизнь сплавом на плоту по бушующим водам.

— Ты слетел с катушек на собрании? Это так не похоже на тебя. — Друг закатывает глаза, затем наклоняется и роется в моей записке с конфетами Brach's (*прим. пер. Brach's — производитель конфет*), которые я храню в маленьком серебристом оцинкованном ведре. Он громко разворачивает карамель, намеренно шурша бумагой, чтобы вывести меня из себя.

Прищуриваю глаза.

— Ладно, возможно, я немного преувеличиваю, но, клянусь чертовым господом богом, я не знаю, кто нанял некоторых сотрудников.

Ухмыляясь, Хантер кладет конфету в рот и жует.

— Хмм. Ты?

Имитирую звук сирены.

— Неправильный ответ. Отдел кадров. Мои работники должны быть лучшими из лучших, но ни у кого из них не было ни единой гребаной идеи. Затем у меня была встреча с Пейтон Левек, которая стала еще одной гребаной катастрофой в мой и без того дерьмовый день. — От моего внимания не ускользает, что я произношу ее чертову фамилию *правильно*, каждый слог слетает с моих губ плавно, как у нее. Нежно. Причудливо.

— Ты только что выругался четыре раза.

Господи, Хантер — заноза в моей заднице.

— А ты слушал?

— Пытаюсь, но я понятия не имею, кто этот чувак Пейтон.

— Пейтон — женщина. И она уволилась сегодня утром.

Подала в отставку. *Уволилась.*

Одно и тоже.

— П*здец, дружище, это отстой. Ты упаковал ее барахло и попросил охрану выпроводить ее?

— Нет. Она отработает полные две недели.

Темные брови моего друга приподнимаются.

— У тебя жар? Мне измерить твою температуру? — Он встает и тянется через стол, целясь ладонью мне в лоб.

Отталкиваю его руку.

— Прекрати.

О'Рурк смеется, кладет в рот еще одну мою конфету, жует, и, наклонив голову, изучает меня.

— Я должен увидеть эту цыпочку.

Нет, не должен.

— Почему?

Его брови поднимаются от тона моего голоса.

— Ты, очевидно, запал на нее, иначе вышвырнул бы ее задницу на улицу, как поступил с другими свалившими сотрудниками.

Усмехаюсь, переключая свое внимание на монитор компьютера.

— Что ты, бл*дь, несешь? — Я запал. Я даже не знаю ее. — Это бизнес, а не гребаная служба знакомств. Не сри там, где ешь — вот для чего нужно правило на запрет служебных романов. — Прищуриваюсь, глядя на Хантера.

— Ты читал трудовой распорядок компании?

Друг машет рукой.

— Трудовой распорядок — это чушь собачья, и ты это знаешь.

Мои глаза все еще прищурены.

— Почему? Потому что ты его нарушаешь?

Он снова смеется.

— Поверь мне, если бы здесь был кто-то, кого я хотел бы трахнуть, никакое дурацкое правило «*Не трахать*» меня бы не остановило.

Прекрасно.

Но Хантер еще не закончил копаться в дерьме и пускать в мою сторону идиотские комментарии.

— Значит, эта цыпочка оставила тебя в подвешенном состоянии... Ты, черт возьми, понятия не имел до вашей встречи, кем она здесь работала. Итак, ты не выставил ее, потому что... *почему?* Она закончит свою работу через две недели, почему бы просто не выгнать ее?

Я вздыхаю, откидываюсь на спинку стула и ослабляю галстук, который надел только для того, чтобы произвести впечатление на инвесторов. Он ужасающе синего цвета на фоне моей синей рубашки с закатанными до локтей рукавами.

Отодвинув клавиатуру в сторону, наклоняюсь вперед, упираясь в деревянный стол. Сжимаю руки.

Стреляю в Хантера раздражительным взглядом.

— Мне нечем ее заменить. Ты что, не слушал? Сегодняшняя встреча утром была гребаным цирком. Если она уйдет, мне п*здец.

Мы будем сотрудничать с «Outdoor Ecosphere», и она нужна мне для маркетинга.

— Но ты говорил, что маркетологи — отстой.

— Она не в маркетинговой команде, она занимается всеми социальными сетями, и

справляется хорошо. — Я неохотно признаю последнюю часть, на самом деле кривя губы.

Откуда я знаю? Я, как идиот, исследовал нашу компанию в интернете больше получаса, просматривая наш веб-сайт, Instagram и Twitter.

Ее посты аккуратные, фирменные и своевременные, комментарии умны и забавны, но в то же время профессиональны.

Так же, как и ее личные страницы.

И я знаю это, потому что тоже чертовски тщательно изучил их.

*Бл*дь.*

*Бл*дь.*

*Бл*дь.*

— Значит, ты просто позволишь ей остаться. — Хантер *жует*. Глокает.

Жует.

Хлюпающий звук пережевываемой липкой карамели вызывает у меня желание перегнуться через стол и задушить его.

— Да. — Щелкаю карандашом, чтобы занять руки, пока он не скатывается со стола и не падает на пол.

— И у тебя нет никакого интереса чпокать ее.

Поднимаю голову и свирепо смотрю на друга.

— Почему ты так себя ведешь?

Хантер О'Рурк пожимает плечами, одетый в клетчатую фланелевую рубашку.

— Почему ты ведешь себя, как сучка?

У нас с Хантером есть своя история; только ему сходит с рук называть меня сучкой, в основном потому, что я знаю, что веду себя как мудака. Я, на самом деле, грубиян.

Ни для кого не секрет, что я безжалостный ублюдок. Я не люблю жизнерадостных людей. Или быть жизнерадостным.

Или людей.

Да, определенно не люблю людей.

Но я люблю О'Рурка, как брата, хотя большую часть времени он колоссальный придурок.

Мы познакомились в средней школе, когда его семья переехала в соседний дом, большой фургон подъехал к дому, который пустовал целых четыре месяца, за несколько недель до начала занятий.

Он вылез из кабины вместе с грузчиками, встал на бордюр и, прикрывая лицо руками, уставился на дом. Забрался в кабину и вернулся с бейсбольной перчаткой.

Хантер несколько раз постучал по кожаному материалу, прежде чем привлечь мое внимание, затем поднял перчатку, пожимая плечами.

У меня был мяч, и я побежал за ним.

Швырнул его в маленького засранца изо всех сил.

Что было, когда он поймал его?

Остальное — история.

В старших классах мы оба играли в бейсбол. Попадали в неприятности из-за всякой хрени, начиная от разбитых окон наших родителей и заканчивая побегом из дома, а также напивались в хлам и выходили на улицу после комендантского часа.

В старшей школе Хантер расставался с моими подружками вместо меня, в колледже я бросал его девчонок. Он стал чувствительным парнем — ему не наплевать на чувства людей.

Но мне?

Вообще по фигу. *Все еще.*

Я надрывал задницу в универе: у меня была полная учебная нагрузка, и я выполнял одну дерьмовую работу за другой. Учился. Инвестировал.

Я был уравновешенным парнем.

Примерным.

Кайфоломщиком, в то время как Хантер — тусовщиком. *Трахал все, что шевелилось.*

Я думал о бизнесе, обучался на магистра, а он баловался случайными дерьмовыми подработками. Честно говоря, мне кажется, он ждал, что я придумаю план, который привел бы нас обоих в бизнес.

И я это сделал.

«Roam, Inc».

Название, созвучное с моим именем, — идея О'Рурка (иногда у него бывают хорошие идеи).

Я провел два года, надрывая задницу в аспирантуре, неугомонный, как уж на сковородке.

Хотел приключений, но нуждался в гребаной *работе*. Любил проводить время на открытом воздухе. Исследовал свои границы и пределы, желая адреналинового кайфа.

Я хотел *путешествовать по миру* (прим. пер.: название компании Roam переводится, как «путешествовать»). *Имя героя на англ. Rome*).

Рим.

Мое имя ассоциируется с моим брендом, это то, кем я сейчас являюсь. Компания — это я, а я — компания. Вот почему меня вывело из себя, что мисс Белая и пушистая уволилась без оглядки. Глядя в мое лицо, черт возьми. Кто так делает?

— Почему я такой? — Хантер смотрит на меня, в ожидании склонив голову набок, сложив пальцы домиком у рта.

— Хм?

— Ты спросил, какого хрена я такой. — Он делает воздушные кавычки, произнося слово «такой». — Вытащи голову из задницы. — Гад смеется, откидывая голову назад. — Кто, черт возьми, эта девчонка?

Девчонка?

С натяжкой.

Пейтон уже женщина — застенчивая, но отчасти дерзкая женщина.

— Почему у тебя все связано с женщинами и сексом?

— Это неправда. Я просто знаю, что тебе ничего не перепадает. Может быть, нам стоит пойти куда-нибудь потусить в эти выходные, взять инициативу в свои руки. Чувак, я вижу, как сперма вздула вены на твоих висках. Тебе нужно потрахаться, дружище.

Он прав. Нужно.

Но, в отличие от О'Рурка, я разборчив. Мне нужна более безупречная женщина, чем те дешевки, которых он подбирает в баре. Кто-то классный, кто не потребует ничего взамен, кроме быстрой езды на моем члене.

Оргазм в один конец, а после входная дверь моего таунхауса (прим. пер.: *малоэтажный жилой дом или общественное здание на несколько многоуровневых квартир, как правило, с изолированными входами, то есть без общего подъезда*).

Кто-то, кто не только убирается из моей кровати сразу после секса, но и делает это

молча.

Сложно найти такую женщину в городе, где все знают, кто я такой.

Мое проклятое лицо со слоганом компании наклеено на городском автобусе. В прошлом году один гений маркетинга захотел извлечь выгоду из моей привлекательной внешности — изобразил мое лицо в комплекте с глобусом и сердцем вокруг него. Наверное, я был пьян в хлам, когда подписывался на это, потому что, Господи Иисусе. Женщины.

Они безжалостны.

Проводя своей огромной ладонью по лицу, поворачиваюсь в кресле и фыркаю, глядя на своего лучшего друга.

— Сделай мне одолжение — не говори о сексе на работе. Это непрофессионально.

— Это непрофессионально, — передразнивает Хантер, сжав переносицу, его голос звучит так, будто он вдохнул гелий. — Где это вообще сказано в трудовом распорядке компании?

— Страница восемь, — напоминаю я ему с невозмутимым видом.

— Верно. Ты написал эту хрень. — Никогда не видел, чтобы взрослый мужик закатывал глаза больше, чем он.

— Нет. Это сделал *юридический* отдел.

Плечи Хантера поднимаются и опускаются, в то время как он рассматривает свои ногти.

— То же самое.

— Не то же самое, — выдавливаю я. — Почему ты споришь со мной?

Друг полностью игнорирует меня и переходит к новой теме:

— Когда хочешь выйти куда-нибудь на этих выходных? Пошли в Skeeters. Я слышал, у них играет группа.

Последнее, чем я хочу заниматься, это слушать, как играет неизвестная гребаная группа, когда у меня в голове раздаются голоса, кричащие о сжатых сроках. Я хочу лишь немного чёртовой тишины и покоя, а Хантер полон решимости сделать мою гребаную жизнь невыносимой.

— Я подумаю об этом.

— Подумай хорошенько. — Он делает паузу. — А еще лучше подумай своим членом.

Хмыкаю.

Я уже много лет не позволяю *этому* отростку управлять мной. Ни разу со времен колледжа, и уступал ему только тогда, когда делал перерывы в учебе, чтобы выпить, повеселиться и утолить свой сексуальный аппетит.

Хантер приводил желающих девушек в мою комнату в общежитии, так что мне даже не приходилось выходить. Девушки, которые охотно вставали на колени и отсасывали мне.

Умело. Бесстрастно.

— Как давно у тебя был секс?

Прошли месяцы.

У кого есть на это чертово время?

Я усмехаюсь.

— Я не буду обсуждать это с тобой.

Хантер снова смеется, и этот звук действует мне на нервы.

— Месяцы, держу пари.

Он неумолим.

Что делает его идеальным партнером по бизнесу.

И раздражающим другом.

Заложив руки за голову, сцепляю пальцы.

— О, и у тебя так много свободного времени, что ты регулярно трахаешься?

Его самоуверенная ухмылка слегка померкла.

— Я трахаюсь больше, чем ты.

Это правда.

Мои мысли возвращаются к Пейтон Левек и последней фотографии, которую она опубликовала в своем аккаунте в Instagram. Волосы собраны в беспорядочную кучу на голове. Широкая улыбка. Она на пешей прогулке по лесу с отвратительно выглядящей дворнягой и фирменной тростью «Roam, Inc».

Я удовлетворенно кивнул, обратив внимание на эту маленькую деталь. Мне нравится преданность бренду.

— Мы закончили? Мое терпение на исходе.

— Нет, пока ты не согласишься пойти со мной по барам на этих выходных. Мы так тусили целую вечность назад.

Так и есть.

— Я подумаю об этом.

— Я заеду за тобой завтра в девять.

— *В девять?* — Мой голос звучит так, будто я в ужасе? В это время я уже в постели.

— Господи боже, Рим, перестань вести себя как семидесятилетний старик.

Иногда я чувствую себя таковым, когда груз ответственности ложится на мои широкие плечи.

— Братан, признайся. Тебе не мешает выпить.

Ненавижу, когда Хантер прав, поэтому спорю.

— У меня есть пиво в холодильнике под столом.

— *Настоящий* алкоголь.

Мои губы кривятся в легкой улыбке.

— Ладно.

Хантер хохочет, наконец-то убирая свои гребаные ботинки с моего стола из орехового дерева.

— Чувак, это было проще, чем я думал.

Дерзкий придурок.

— Убирайся к черту из моего кабинета.

Он покидает кабинет, громко смеясь, и я замечаю, как Лорен прячет улыбку, прикрываясь папкой с документами.

Твою мать.

ПЕЙТОН

— За именинницу!

Дзынь.

— За свободную и готовую на все!

Дзынь.

Мы поднимаем рюмки, наполненные красной смесью, известную под названием Swedish Fish (*прим. пер.: Swedish Fish (дословно переводится, как «Шведская рыба») — алкогольный напиток, в составе которого: клубничная водка, вишневая водка, фруктовый пунш, гранатовый сироп и лед*). Я не знаю, какие там ингредиенты, но после второй рюмки, кого это, черт возьми, вообще волнует?

Я бы не прочь выпить еще парочку.

Подзываю пальцем бармена и заказываю еще по одной.

— За Пейтон.

Дзынь, дзынь, дзынь... и алкоголь скользит по горлу. Легко. Обжигающе.

Жжет как раз в меру.

Я морщусь, сжимая губы. Зажмуриваю свои голубые глаза, глотаю жидкость, кожу покалывает — все запреты скоро полетят в трубу.

Это моя ночь, и после той недели, что у меня была, я буду ею наслаждаться.

Опускаем рюмки на столешницу с громким стуком, мой узкий круг друзей широко улыбается мне в ответ, пока мой взгляд блуждает по столу.

Ох, мои девочки — я так сильно их люблю.

И... ладно. Сегодня вечером я эмоциональна.

Даже сентиментальна?

Определенно пьяна.

Напилась в стельку.

Я хихикаю, наблюдая за Жен, Вивиан и Кимберли, тремя девочками, с которыми, как мне кажется, я выросла в «Roam, Inc».

Не только в профессиональном плане, но и в личном.

За те несколько лет, что я проработала в компании, мы стали близкими подругами. Быстро подружались. Доверяем друг другу тайны.

Боже, я люблю этих ребят.

Девочек. Ребят.

Уф!

Вы понимаете, о чем я...

Мы с Женевьевой начали работать в компании одновременно, вскоре после нас наняли Вив и Ким, которые обе работают в отделе маркетинга, одном из самых сложных отделов в «Roam, Inc». Рим очень требователен, побуждает к проявлению изобретательности, нестандартному мышлению и к тому, чтобы мы были первооткрывателями, а не последователями.

Этот отдел постоянный объект его оскорбительного отношения.

Строгие и категорические требования Рима — одна из причин, по которой мы

проводим наши девчачьи посиделки в одной и той же, обитой красной кожей, кабинке в задней части Skeeters в Сохо (*прим. пер.: Сохо — район Манхэттена*), перекусывая их всемирно известным попкорном с копченой морской солью и потягивая приготовленные вручную коктейли по завышенным ценам, а туфли на высоких каблуках лежат кучей под столом.

Но сегодня всё иначе.

Сегодня мы отмечаем мой тридцатый день рождения. Вот и мне стукнуло тридцать.

Боже, я бы хотела, чтобы в моей жизни было больше грехов.

Больше секса. Больше перепихона.

Больше оргазмов.

Слава богу, мой громкий вздох заглушается шумом бара. *Я не хочу быть прежней Пейтон в свой день рождения.*

— Добро пожаловать в клуб «Распутная тридцатка», — говорит Жен, хватая несколько штучек попкорна с середины стола и засовывая их между своими губами, покрашенными рубиново-красной помадой. — Тебе понравится.

Сжимаю пальцами бокал с Маргаритой, которую заказала из меню коктейлей, а затем выпиваю её, и вишнево-ревеневая горькая жидкость попадает в нужное место, наполняя мой плоский живот волной тепла.

У меня есть предел в алкоголе — три стопки, если я выпью на рюмку больше, то точно переступлю границу.

Мой предел — хорошее настроение. Я сижу, сложив руки, смотрю на людей, которые пьянее меня, и развлекаюсь. Мой предел не позволяет мне надраться.

И сдерживает от принятия неверных решений.

— Думаю, тридцать мне идет. — Разглаживаю руками облегающее черное платье, которое сегодня привлекло внимание многих мужчин на работе.

К сожалению, тот мужчина, который я бы хотела, чтобы обратил на меня внимание, так и не появился на моём этаже.

Как обычно.

Черт, мне не везет.

А зачем ему показываться? Рим вызывает нас в свой кабинет только в том случае, если хочет с нами поговорить. Или сделать выговор, и за все пять лет, что я работаю в «Roam, Inc», меня ни разу не вызывали к нему.

Может быть, я немного злюсь, потому что сегодня выглядела адски хорошо. Он что, надорвался бы, если б вырвался из своего кабинета и мельком увидел меня?

— Тридцать — это новые двадцать пять. — Поправляю свои темные волосы.

— Крошка, в тридцать ты выглядишь потрясающе, — соглашается Ким, поднимая свой бокал в мою сторону. — Как и твои сиськи, прости за прямоту.

Выпячиваю грудь.

Зерна попкорна разлетаются во все стороны, когда Вив указывает на мои сиськи — она с трудом держит свой бокал с алкоголем, — взглядом просверливая дырку в моей груди с дерзкой улыбкой на лице.

Я выжидающе приподнимаю брови.

Следующие слова Вивиан не разочаровывают, когда она невнятно громко их произносит:

— Теперь нам нужно устроить тебе перепихон в честь дня рождения.

— Наш подарок тебе.

Их подарок мне... О, черт, нет.

Моё и без того разгоряченное лицо пылает.

— Только не говорите, что вы наняли мне проститута, — шиплю я в ужасе, перегибаясь через стол, чтобы они могли меня услышать.

Они так громко разговаривают, что теперь и я не сдерживаюсь.

— Ш-ш, расслабься. — Пьяная Вивиан отмахивается от меня. — Боже, нет, у меня нет на это денег...

— Но если бы они у нас были, мы бы точно его наняли, — добавляет Жен.

Шаткий кивок.

— Абсолютно точно.

— Мы найдем тебе здесь мужчину, с которым можно перепихнуться.

Вив хлопает в ладоши, запрыгивая на сиденье, отчего вся скамья подпрыгивает.

— Да, да. Мы в восторге от этой идеи. — Подруга высовывает голову из кабинки, полна решимости оценить толпу мужчин в переполненном баре. — Давайте посмотрим, вон там парень с густыми бакенбардами, выглядит многообещающе.

— Бакенбарды для оборотней, — объявляет Ким, садясь на её колени, чтобы получить лучший обзор. — А как насчет мистера Солнечный Штат со светлыми волосами и в солнцезащитных очках? Он выглядит трахательно.

О. Господи.

— Вы не могли бы говорить потише?

— Расслабься. — Вив похлопывает меня по руке. — Нас никто не слышит.

— Солнцезащитные очки в баре? — Женевьева фыркает от смеха, наблюдая за парнем в розовом поло и солнцезащитных очках. — Он либо полный придурок, либо под кайфом и не хочет, чтобы люди знали об этом. Следующий.

Проницательный взгляд Вивиан устремляется на барную стойку... скользит к бильярдным столам... сканирует столы в задней части зала. Затем она поднимает руку и издает звук «м-м-м», словно ждет, когда её вызовут отвечать на уроке.

Жен говорит с невозмутимым выражением лица:

— Да, Вив, мы можем тебе помочь?

— Что думаете о том парне? Тот, что в темном костюме?

Она указывает куда-то, и я опускаю её руку.

— Здесь двадцать парней в темных костюмах, давай конкретнее. — Кимберли делает глоток своего напитка, закатывая глаза.

— Девочки... — начинаю я вяло, будучи беззащитной перед ними.

Видите ли, дело в том, что я не люблю заниматься сексом со случайными незнакомцами — это область деятельности Вивиан, а не моя. Какая еще причина? Я глупо желаю разделить страстную ночь с одним мужчиной, который даже не знал о моем существовании до вчерашнего дня, когда я увольнялась, несмотря на то, что мы много раз находились вместе в одной комнате, никак не нарушая политику запрета служебных романов или всё же нарушая.

Прокручиваю в голове некоторые правила Трудового распорядка компании с угрюмым выражением лица:

«Ни один работник «Roam, Inc» не может встречаться с другим работником, который разделен более чем одним уровнем по иерархической лестнице. Это правило также

касается сотрудников, которые подчиняются коллеге своего начальника, занимающего аналогичный пост в другом отделе».

А потом стало ещё хуже, благодаря дополнению к документу, разосланного всего тридцать дней назад:

«Ни один работник «Roam, Inc» не может встречаться с другим работником, который подчиняется коллеге своего начальника, занимающего аналогичный пост в другом отделе».

Я читала эти правила не менее сотни раз.

Принимала желаемое за действительное.

Фантазировала.

«Сотрудники «Roam, Inc», которые не соблюдают правила Трудового распорядка, будут подвергаться мерам дисциплинарного характера вплоть до немедленного увольнения».

Слово «увольнение» немного приводит в чувство.

Я пью из стоящего передо мной бокала, не обращая внимания на свои границы, а затем качаю головой, когда Вивиан толкает меня локтем в ребра, выводя из ступора.

— Хм?

— *Вон* тот. — Тон её голоса непоколебим. Она уверена на сто процентов. — Тот, вшитом на заказ пиджаке с взлохмаченными волосами. У него умопомрачительно великолепная челюсть...

— *Ёшкин...*

— Кот.

Мои подруги ахают. Матерятся.

Прячутся.

Все три мои подруги падают на свои задницы и пытаются найти укрытие.

— Что за вечно любящий... Какого фига он здесь делает? — Кимберли дышит, прикладывая салфетку к лицу. Чтобы *замаскироваться*?

— Наглость с его стороны. — Вив прикрывается кардиганом, как будто это плащ-невидимка. — Это наш бар, а не его.

Глаза Джен угрожающе сощурились, она уставилась на меня, прячась за миской с попкорном.

— Блин, прикрой лицо, или он тебя увидит.

Должно быть, они напились в хлам.

— О ком вы болтаете? — Я делаю еще глоток, пребывая в блаженном неведении.

— Пэй, прикрой свое лицо, черт возьми. — Кимберли хмуро смотрит на меня, бросая соломинку в мою сторону. — Там наш босс-ворчун.

Босс-ворчун?

— Это чертов Рим, ты, пьяная идиотка, — говорит Жен, ударяя меня по ноге под столом.

Когда его имя слетает с её губ, глубоко в моей душе загорается искорка радости.

Рим...

Рим здесь.

Я оборачиваюсь и замечаю его.

Вот он.

Его двое.

Они оба такие симпатичные, что я едва могу это вынести.

Подождите. *Его двое?*

Этого не может быть, *и, о боже, я так пьяна.*

Сидя на барном стуле, Рим одной ногой опирается на перекладину стула, а другая будто приросла к полу. Он держит на весу стеклянный стакан; его хватка крепкая, но небрежная. Галстука нигде не видно, несколько верхних пуговиц на белоснежной рубашке расстегнуты.

Уф.

Боже, он безумно горячий. *Почему я считаю единственным мужчину в мире, которого не могу заполучить, таким чертовски великолепным?*

Его челюсть напряжена, губы поджаты, он внимательно изучает толпу, брови нахмурены, глаза ни на чем не концентрируются, просто наблюдают.

Он кого-то ждет или просто наслаждается атмосферой?

— Почему ты не прячешься? — спрашивает меня Кимберли с неподдельным страхом в голосе.

— Ты сдурела? Он нас увидит.

Есть кое-что, чего они не знают. Мне хочется сказать — *«Вы не понимаете. Я хочу, чтобы он увидел меня».*

Я практически отчаянно нуждаюсь в этом. Что на самом деле на меня не похоже — совсем не похоже. Да, прошло много времени с момента моего последнего перепихона, как красноречиво выразились мои подруги ранее. Но в Риме Блэкберне есть что-то таинственное, что заставляет мое сердце биться чаще. От этого у меня по коже бегут мурашки. *Он загадка, и я хочу развернуть его многочисленные слои.* Признаю, что его одежда — это первый слой, который я хочу развернуть... но всё же.

Хочу, чтобы он увидел моё короткое черное платье с более глубоким вырезом, чем мне следовало надевать сегодня в офис. Глубже, чем тот, который считается уместным на рабочем месте.

Хочу, чтобы он обратил внимание на длину моих волос, на то, как волнистые кончики достигают выпуклости моей груди.

Хочу, чтобы он увидел ярко-красную помаду, которой я часто красила губы и наносила повторно, надеясь и молясь, что, возможно, только *возможно*, он придет на мой этаж и мельком меня увидит; интересно, как бы выглядели мои губы вокруг его члена и после исследования его тела.

Красные поцелуи на наверняка красивой, крепкой груди.

Прессе.

Ключице.

Я вздыхаю — *пьяная*, взгляд расфокусирован — и наблюдаю, как мой босс с серьезным выражением лица оглядывает толпу. Он обращает внимание на каждого, неспешно потягивая что-то похожее на ром или бренди со льдом и медленно поворачивая голову в нашу сторону.

Моё тело замирает, губы приоткрываются, грудь вздымается. Затаив дыхание, я желаю, чтобы он хоть раз взглянул на меня. Только разочек.

Посмотри на меня.

Я сижу здесь.

Взгляни на меня.

Но он этого не делает.

Он не замечает меня — конечно, — его холодный, оценивающий взгляд проходит мимо меня, как будто я сливаюсь со всеми остальными в этом месте. Во мне нет ничего

особенного, я никогда не выделяюсь из толпы.

Так же, как на работе.

Допив свой напиток и с грохотом поставив стакан на барную стойку, Рим бросает несколько купюр и застегивает пиджак, прежде чем направиться к двери, оставляя меня в возбужденном и растерянном состоянии.

Я смотрю ему вслед, как щенок смотрит в окно на хозяина, который уходит из дома.

Это так драматично.

Боже, я пьяна.

«Виной этому алкоголь», — говорю я себе.

Все еще прячась и пытаюсь слиться с кабинкой, я тяжело вздыхаю и делаю глоток своего напитка.

— Девочки, он ушел. Больше не нужно прятаться.

Выглядывая из своих жалких укрытий, мои подруги подтверждают, что горизонт свободен, прежде чем занять свои места.

— Я думала, он никогда не уйдет, — выдыхает Жен.

Я надеялась, что он останется...

— Мы были на волоске от смерти. Он почти увидел нас. — Вивиан вытирает лоб.

Я хотела, чтобы он увидел меня...

— Да, Пейтон чуть нас не спалила, — огрызается Кимберли, бросая попкорн в рот. —

Она пялилась на него.

Не могла ничего с собой поделаться...

— Может быть, я хотела, чтобы он меня увидел, — выпаливаю я, и, кажется, выпивка развязывает мой язык.

— Что ты только что сказала? — Реплика Жен.

Румянец заливает мои щеки.

Я только что намекнула на одну из своих самых глубоких и темных тайн: *я ужасно неуместно втрескалась в Рима Блэкберна.*

— Ёперный театр. Ты неуместно втрескалась в Рима Блэкберна? — Вив слово в слово повторяет мое пьяное чистосердечное признание.

— Я сказала это вслух?

Кимберли смеется.

— Ага.

— Подождите... — Вивиан поднимает руку, призывая остальных замолчать.

— Пейтон, тебе нравится Рим?

Вот и всё, правда открылась. Несмотря на то, что по моим венам течет изрядное количество алкоголя, я всё ещё чувствую себя беззащитной и выставленной напоказ.

Потому что, когда я говорю «никто», я имею в виду, что ни один человек в офисе не любит Рима.

Он там не для того, чтобы заводить друзей; а, чтобы зарабатывать деньги и развивать свою компанию.

Играя с салфеткой, гоняя её по столу, и опустив глаза, отвечаю:

— Ну, вы знаете... Рим действительно привлекательный.

— Привлекательный? — спрашивает Вив недоверчиво. — Я имею в виду — он горячий, но... он изверг.

Да, он бывает мудаком.

Но, может быть, именно это мне в нём и нравится.

У моих подружек не хватает такта говорить по очереди, они громко кричат в унисон, чтобы я их услышала, потрясают меня своими мнениями о том, какой ужасный Рим:

Он грубый.

Он высокомерный мудака.

Он тиран.

Ага, я в курсе. Но есть в нём и что-то такое, чего никто не видит — уязвимая сторона, которую я хочу узнать.

Меня тянет к нему, как мотылька на пламя, и я не могу понять, почему.

Но я знаю одно.

Я не просто втрескалась в него; я без ума от него. *И, боже, я надеюсь, что это признание останется в моей голове, пожалуйста, не дай мне выболтать этот секрет.*

— Давайте сменим тему, хорошо? А также не нужно искать мне парня. Я не хочу ни с кем спать из присутствующих здесь.

— Потому что ты хочешь переспать с боссом, — чуть ли не кричит Жен.

— Возможно. — Мой голос звучит застенчиво, в ответ слышу ворчание — они не могут с собой совладать. *Уф.*

— Послушайте, я считаю, что Рим горячий, и одна страстная ночь нас не убила бы. Боже, его руки... хочу, чтобы они блуждали по всему моему телу... — Под действием алкоголя и принятием желаемого за действительное, я продолжаю болтать: — Хочу знать, каково это, когда плоть сжимают эти сильные гигантские руки. Ух. Хочу, чтобы он посасывал мою шею, понимаете? Каково это, когда этот засранец командует моим телом? — Оглядываюсь на опарашенные лица подруг. Пожимаю плечами. — Я не думаю, что хочу слишком многого, как считаете?

Никто не говорит ни слова.

У Жен отвисает челюсть.

— Хочешь покувыркаться с боссом?

Киваю.

Я хочу покувыркаться с боссом.

Так сильно.

— Вау. — Вивиан бросает на меня мечтательный взгляд, губы Кимберли кривятся в неподобающей для леди ухмылке, а Жен...

Что, черт возьми, делает Жен?

Опустив голову, подруга печатает на своем вездесущем iPad с самой широкой улыбкой на лице, она улыбается сама себе. Она помешанная на технологиях, стучит по клавиатуре, быстро нажимая на экран, теплое свечение освещает её красные губы и симпатичное личико.

Проходят секунды.

А затем...

Она поворачивает экран в нашу сторону, показывая пустое электронное письмо, готовое к набору текста.

— Я не въезжаю, что ты делаешь, — говорю пьяная я. — Почему ты рассылаешь электронные письма по работе во время празднования моего дня рождения?

— Это подарок *на* твой день рождения. Тебе от меня. Итак, с днем рождения, — объявляет Жен, протягивая мне iPad.

Будучи под градусом, я смотрю вниз, на свои колени, и вижу планшет, который ослепляет меня. Моргаю, фокусируя взгляд.

— Э-э, что это?

Когда я таращусь на подругу, экран освещает её чересчур довольное выражение лица.

— Я сделала тебе анонимный адрес электронной почты в «Roam, Inc» — Она толкает меня указательным пальцем. — Давай, Пэй, напиши Риму, что ты чувствуешь.

— Что? — Мои брови взлетают до линии роста волос. — Ты рехнулась?

— Да, это плохая идея. — Кимберли допивает свой напиток.

— Типа, очень, очень плохая.

— Почему? — Жен скрещивает руки с оскорбленным видом.

— Потому что её могут уволить, вот почему.

Жен кладет ей в рот кусочек попкорна.

— Босс разрешил ей отработать две недели... и кого это волнует? Он не узнает, кто отправитель, и это самый приятный момент.

Ещё больше попкорна попадает в пищевод Кимберли.

— Кроме того, не похоже, что Блэкберн собирается с ней сотрудничать, как только она уйдет, он — мудака. Слишком упрям.

Кимберли медленно кивает, воодушевляясь этой идеей.

— Да... да. Я — за. Да. Сделай это, Пейтон. Отправь ему электронное письмо. Напиши что хочешь оттрахать его до потери пульса.

— Я не... я не хочу трахать его до потери пульса. — Хочу, чтобы это сделал он.

Мои пальцы нависли над мигающим на экране курсором, ожидая команды. Я уставилась на него, прикусив нижнюю губу, затем бросаю взгляд на дверь.

На ту самую дверь, из которой только что вылетел Рим, не оглянувшись.

— Сделай это, Пэй.

— Сделай.

Сделай.

Я хочу.

Я хочу, чтобы он знал, что я чувствую.

Мой палец парит над клавиатурой. Делаю ровный вдох, снова прикусив нижнюю губу, покрашенную красной помадой.

Меня бросает в жар.

Мысли затуманены.

И я начинаю печатать.

РИМ

Еб*ный О'Рурк.

Я убью его, когда увижу в следующий раз.

Засуну ему в глотку одну из этих гребаных карамелек и заставлю подавиться ею.

Давай выйдем. Потусуемся. Тебе нужно что-то предпринять. Давай я помогу тебе с кем-то перепихнуться.

Не то чтобы мне нужна была помощь, но я купился на чушь О'Рурка, а затем этот придурок кидает меня.

Меня.

Он, бл*дь, оставляет меня в баре, а я выгляжу как болван, когда осматриваю далеко не блестящее заведение, которое он выбрал, в поисках своего друга.

Но О'Рурка нет.

Никаких признаков ублюдка.

Позже получил от него сообщение о том, что он встретил какую-то женщину в другом баре и на пути к ней домой. Предложил перенести встречу. Цитирую его слова: *Дружище, не поверишь, но я встретил близняшку, и она слаба на передок. Выпей за мой счет. Вычти из моей следующей зарплаты.*

Из его следующей зарплаты? Только через мой труп.

Вместо того чтобы идти в бар, я мог бы сидеть за своим столом и разбираться с растущей стопкой бумаг, выясняя, как оставаться на шаг впереди; гарантируя, что моя компания создаст следующую лучшую вещь для отдыха на открытом воздухе.

Вернувшись домой, отправляю сообщение своей помощнице Лорен, велю ей прийти в офис пораньше, принести кофе и быть готовой к работе.

Лорен не обрадовалась — это было видно по тому, как она резко поставила кофе на мой стол, коричневая жидкость выплеснулась из маленького отверстия на белую крышку, — затем сузила глаза и отвернулась от меня.

Фальшиво улыбнувшись плотно сжатыми губами и кивнув, она вышла за дверь, оставив меня с кучей электронных писем.

Черт, я сегодня не в настроении для её поведения.

Массирую виски указательными пальцами, глядя в монитор.

Просматривая свой почтовый ящик, удаляю весь мусор. Спам. Отмечаю несколько срочных писем, на которые, как я уже знаю, нужно ответить, тяну полосу прокрутки вниз, непрочитанные письма от незнакомых отправителей привлекают моё внимание в первую очередь, темы пестрят, чтобы выделиться на фоне остальных:

В поисках следующего большого маркетингового хода?

Позвольте мне заняться вашим бизнесом.

Ознакомьтесь с новыми инвестициями.

Рим, я безумно хочу с тобой покувыркаться.

Денвер: новое злачное место отдыха.

Высокая доля в акционерном капитале.

Мои губы кривятся в презрительной усмешке, когда я начинаю удалять весь спам,

который попадает в мой почтовый ящик каждый день, пробегаю глазами по колонке «тема», чтобы случайно не удалить действительно важное письмо.

Подождите.

Назад.

Моя рука замирает, перестает нажимать на кнопку «удалить».

Я снова тяну полосу прокрутки вверх и просматриваю темы, пока кофе попадает на вкусовые рецепторы моего языка, обжигая горло.

Я безумно хочу с тобой покувыркаться.

Я правильно прочитал это дерьмо? Оно адресовано конкретно мне с адреса электронной почты «Roam, Inc».

Снова прищуриваю глаза, глядя на тему, не в силах выкинуть это слово из головы.
Покувыркаться.

Покувыркаться.

Перепихнуться.

Потрахатьсья.

Господи, я сексуально озабоченный.

Откинувшись на спинку кресла, небрежно оглядываю свой кабинет, как будто кто-то наблюдает за мной, затем наклоняюсь вперед, всё ещё размышляя, стоит ли открывать это письмо.

Под темой видны лишь слова «Того, кого это касается».

Сжимаю губы и веду дискуссию сам с собой, открывать ли?

Будучи слишком любопытным, прикусываю внутреннюю сторону щеки, открываю письмо и поддвигаюсь поближе к экрану, чтобы получше рассмотреть.

Тому, кого это касается,

Ты не представляешь, как я нервничаю, печатая эти строки, но я должна признаться.

Потому что больше не могу терпеть. Не могу прожить и дня, не сказав тебе, что я чувствую, когда ты проходишь мимо меня.

Я... полностью откровенна, но хочу, чтобы ты знал, что сегодня вечером я выпила достаточное количество алкогольных напитков, чтобы захмелеть.

Три маргариты, два шота и одно пиво — потому что выпивка была бесплатной и потому что я праздновала. Хотя тебя это вряд ли волнует.

Думаю, важно быть искренней и честной со своими коллегами, верно? И полностью откровенной, да, Рим?

Я работаю на тебя.

Вот наконец-то я сказала правду. Я пьяная, но честная. Или просто опьянела от возжеления?

Тебя решать.

Ты мне так нравишься, что это затуманивает мой рассудок и заставляет делать то, на что я бы никогда не решилась трезвой. Например, написать это нелепое электронное письмо.

Я безнадежно, глупо, как школьница втюрилась в тебя, хотя ты последний мужчина на земле, в которого я должна влюбляться. Ты знал, что люди в офисе называют тебя садистом? Эгоистом. Бесчувственным, высокомерным мудаком. Ты лаешь, но не кусаешь, и я тебя не боюсь. Дело в том, что я бы хотела, чтобы ты оставил следы на моей коже, пока

мы бы лежали обнаженные под простынями.

Хочу, чтобы однажды ты увидел во мне кого-то большего, нежели одного из своих сотрудников.

И, раз уж мы откровенничаем, этот темно-синий костюм, который ты носишь... с белоснежной рубашкой... Мне действительно хочется ослабить твой галстук и показать тебе, кто тут босс.

Я безумно хочу покувыркаться с тобой, что чувствую нашу близость на вкус.

€любовью;

искренне;

твоя.

Читаю второй раз.

Сжимаю губы в жесткую линию. Это что, черт возьми, шутка какая-то?

Если да, то это ни хрена не смешно. У меня есть правила для такого рода неправомерного поведения.

Я читаю и перечитываю письмо, затем отрываю взгляд от своего стола, и поворачиваю стул так, чтобы посмотреть в большое панорамное окно на дальней стене.

Отодвинув кресло, встаю и опускаю жалюзи на стеклянной стене — только это стена отделяет меня от всех остальных работников в офисе.

Мне не нужно, чтобы кто-то видел сейчас моё шокированное выражение лица, и я не хочу, чтобы кто-то из женщин наблюдал за мной...

Дерьмо.

Кто-то наблюдал за мной.

Может это Лорен? Прищуриваю глаза, изучая её раздраженные движения. Всё ещё злая с самого утра.

Определенно не Лорен.

Думаю, она скорее оторвет мне яйца одним махом, нежели напишет любовное письмо.

Подождите, это любовное письмо?

«Я безумно хочу покувыркаться с тобой».

Безусловно, не любовное письмо, если только поколение миллениалов сейчас не выражаются так поэтично.

Вот почему я против служебных романов. Эта херня творится прямо здесь.

Возмущенный, я сажусь и откидываюсь на спинку кресла, делая шрифт крупнее, чтобы я мог читать письмо, и, заложив руки за голову, пробегаю глазами по возмутительным строчкам — одна за другой.

Что это за хрень?

Ты знаешь, что люди в офисе называют тебя садистом? Эгоистом. Бесчувственным, высокомерным мудаком?

Да, бл*дь, я знаю, большое спасибо.

Я не глухой, не слепой, и мне насрать, что кто-то думает о том, как я управляю своей компанией. Я такой, какой я есть, и никто меня не изменит.

И, раз уж мы откровенничаем, этот темно-синий костюм, который ты носишь... с белоснежной рубашкой...

Провожу рукой по лацканам упомянутого темно-синего костюма — надел его для одной деловой встречи, которая будет у меня сегодня днем, — расправляю пальцами

накрахмаленный воротник классической рубашки. Яркий синий галстук.

Я безумно хочу покувыркаться с тобой.

Анализирую глазами это маленькое предложение; член в моих отутюженных брюках шевелится.

Безумно покувыркаться с тобой.

Покувыркаться.

Господи Иисусе, со мной не может это происходить прямо сейчас.

Провожу рукой по волосам, из глубины моих легких вырывается измученный вздох. Бросаю ещё несколько долгих взглядов и протягиваю руку, нажимая пальцем на кнопку внутренней связи с Лорен.

— Да, мистер Блэкберн.

Сколько раз я просил её не называть меня так?

Десятки.

— Можешь зайти сюда с блокнотом? Мне нужно, чтобы ты кое-что записала.

Это электронное письмо настолько неприемлемо, что граничит с сексуальными домогательствами, его нужно рассматривать в масштабах всей компании. Да. Это пересечение всех границ. И если бы оно было отправлено кому-то еще в этой компании, полетели бы головы.

Головы полетят.

Пристально смотрю на адрес электронной почты.

HandsRomingMyBody@RoamIncscom(прим. пер.: *hands roaming my body* — руки Рима блуждают по моему телу; *roming* — выдуманное слово героиней, составлено из имени главного героя *Rome* и *roaming* — блуждать)

Мало того, что название странное, так еще и адрес служебный, твою мать. Выдуманный. Сугубо сексуальный. Руки Рима блуждают по моему телу.

И бесцеремонная игра с моим именем.

В таких случаях компании подают в суд. Последнее, что мне нужно, это плохая реклама из-за неудачной шутки, которая может разорить мою компанию.

Лорен требуется всего несколько минут, чтобы ворваться в мой кабинет, её настроение улучшилось — слава богу. Она закрывает за собой дверь и садится на стул, держа iPad в руке наготове, как всегда делает, когда собирается писать под диктовку.

— Мне нужно, чтобы ты кое-то записала.

— Начну, как будете готовы, босс.

На мгновение бросаю взгляд на ослепительно белый компьютерный монитор, ноздри раздуваются.

Я безумно хочу с тобой покувыркаться.

Приоткрываю губы.

— Эм-м-м...

Лорен ждет.

Прочищаю горло.

— Недавно я получил очень возмутительное электронное письмо...

Лорен открывает рот и перебивает, заговорщически наклоняясь вперед. Понижает голос почти до шепота:

— Правда? Это была угроза взрыва?

— Нет. — Поджимаю губы. — Как я говорил... — Мельком смотрю на iPad. — Недавно

я получил возмутительное электронное письмо, которое не только ставит под угрозу некоторые правила компании, но и репутацию «Roam, Inc» в целом.

Глаза Лорен расширяются, но она продолжает молчать.

Я безумно хочу с тобой покувыркаться.

Я месяцами ни с кем не кувыркался.

— Наша репутация поставлена под угрозу, — повторяю я.

— Вы... только что это говорили.

— Да?

— Ну, не совсем такими словами, но да. Вы повторяетесь.

— Тогда отредактируй текст вместо меня. Пришлешь мне черновик.

Быстрый кивок.

— Хорошо.

— Как я говорил... — Что, черт возьми, я говорил? Не могу оторвать взгляд от этой гребаной строчки — она сводит меня с ума и бесит одновременно. — Как я уже говорил.

— Как вы говорили. — Лорен сдерживает улыбку.

Это бессмысленно. Я не могу сосредоточиться.

— Знаешь что? Я сам набросаю текст и отправлю тебе.

Теперь её улыбка превратилась в полноценную ухмылку.

— Конечно.

Это Лорен?

Нет. Выбрасываю эту мысль из головы. Определенно не Лорен. У неё есть парень, да? Я действительно должен уделять больше внимания этому дерьму. Нет, черт возьми, я не должен, это не моя работа — узнавать о чьей-либо личной жизни после того, как они взяли отгул на день.

Указательным пальцем барабаню по рабочему столу.

— Мне также нужно поговорить с кем-то из отдела ИТ. Не могла бы ты прислать начальника, эм....

Я понятия не имею, как его зовут.

Хантер был прав — большинство моих сотрудников нанимает отдел кадров, и мне действительно нужно больше вникать в эту область, чтобы подобная хрень не ускользала от меня.

Я, бл*дь, понятия не имею, кто заведует моим техническим отделом.

— Карла Джонсон, сэр.

Сэр.

Подавляю желание закатить глаза.

— Пожалуйста, соедини меня с миссис Джонсон сегодня днем.

— Мисс.

— Что?

— Мисс Джонсон не состоит в браке, сэр. Она не замужем.

Господи, боже мой, зачем она мне это рассказывает?

— Меня не интересует семейное положение мисс Джонсон, Лорен. Мне нужен её интеллект.

Чтобы она назвала мне имя. Решила гребаную проблему: кто создал этот фейковый аккаунт?

— Да сэр. Я сообщу вам, когда она освободиться.

Мне чертовски нужно выпить, а сейчас только девять утра.
П*здец.

ПЕЙТОН

Боже милостивый.

Что это за глухой звук? Остановите его. Пожалуйста, кто-нибудь, остановите.

— Ммммм, — стону я, перекатываясь на бок, кудри, которые я накрутила для вчерашнего вечера, прилипли к моему лицу. — Остановите этот непрекращающийся звук.

Уткнувшись лицом в подушку, трясусь кулаком в воздухе, прося помощи у небес.

Жжжжжж.

Жжжжжж.

Жжжжжж.

— Я убью кого-нибудь, — ворчу я в подушку. Алкогольное дыхание прошлой ночи поражает меня, и я вскидываю голову, волосы закрывают глаза, словно шторы.

— Тпру, зубная щетка, немедленно, — говорю я, ни к кому не обращаясь.

Неконтролируемый стук, моя голова раскалывается при каждом звуке. Бум. Бум.

Бум, заставляющий мой желудок совершать нежелательные кульбиты. И как раз тогда, когда я думаю, что это жужжание никогда не закончится... оно стихает.

— Господь воскрес, — воспеваю я, засовывая голову обратно в подушку, и вскоре после этого выдаю приглушенное «аллилуйя».

Вчера вечером я сильно напилась. В стельку.

Настолько сильно, что я не могу вспомнить ни черта, кроме того, как засунула себе в нос два попкорна и высморкала их через весь стол в напиток Жен.

Господи...

Добро пожаловать в тридцать лет.

Жжжжжж.

Жжжжжж.

— О, ради всего святого. — Поднимаю голову, пытаюсь найти источник шума, и тут замечаю мобильник на тумбочке.

Кто, черт возьми, звонит мне?

Я протягиваю руку и пытаюсь выдернуть кабель из телефона, но в итоге выдергиваю всю зарядку из розетки. По крайней мере, у меня хватило ума зарядить мобильный прошлой ночью.

Нажав кнопку «Принять», подношу телефону к уху и бормочу:

— Что?

— Пейтон? — С другой стороны раздается встревоженный голос Жен. Я не виню её, моё «что» звучало так, будто у меня за ночь выросли яйца.

— Да, что ты хочешь?

— Э-э, ты взяла сегодня больничный?

— Что? Нет... что ты...

Ох, блин.

— Бл*дь! Сколько сейчас времени? — Я вылезаю из постели, моё платье-бюстье спущено с одной стороны, открывая правую грудь всем соседям, которые могут заглядывать в мои окна. Зарядка телефона болтается, ударяя меня в живот.

— Ммм... девять?

О, нет.

О, нет. О, нет. О, нет.

Опоздания на работу недопустимы. Об этом сказано в подробном и очень хорошо составленном руководстве для сотрудников, и прямо сейчас я понимаю, что опоздаю как минимум на полчаса.

Бегая по квартире, я раздеваюсь, не заботясь о том, увидит ли кто-нибудь меня голой в этот момент, и бегу в ванную, где включаю кран и начинаю обливать своё тело водой, позволяя ей каскадом стекать на кафельный пол, впечатляющий подвиг, потому что я всё ещё разговариваю по телефону.

— Кто-нибудь заметил?

— Несколько человек спросили, где ты. Я сказала им, что ты в уборной и у тебя проблемы с желудком.

— Господи. Хорошо. Я выйду через десять минут.

— Пэй, мы должны...

— Я не могу говорить, мне нужно освежить дыхание, у меня во рту будто кот сдох. До скорой встречи. Прошу тебя, выпей кофе за моим столом.

Я вешаю трубку, смачиваю мочалку и, быстро намочив её, тру лицо. Ни на что другое времени нет.

Собираю волосы в небрежный пучок, подкрашиваю глаза тушью и надеваю первое, что вижу в моем шкафу.

Болит голова или нет, мне нужно быть на работе, СЕЙЧАС же.

— Батюшки, ты хоть смотрела на себя в зеркало? — спрашивает меня Жен, идя рядом со мной с чашкой кофе, когда мы направляемся в мою кабинку.

— Нет. А что? У меня мешки под глазами? — Указательным пальцем провожу под глазами, возвращая свое лицо к жизни. Я на секунду взглянула в зеркало, и, увидев, что напоминаю покойника, решила, что сегодня утром туда лучше не смотреть.

Судя по реакции Жен, возможно, мне следовало взглянуть на себя ещё раз.

Глаза Жен расширяются, на её лице отражается неподдельный ужас.

— Я думаю, тебе стоит пойти в уборную.

Делаю паузу, испугавшись не только взгляда Жен, но и того, что все вокруг не могут оторвать от меня глаз.

Тяжело сглотнув, спрашиваю я в легкой панике.

— Все плохо?

Шепча краем рта, Жен говорит:

— Я видела женщин на одну ночь покрасивше.

Женщин на одну ночь? Что за...

Она говорит о...

Проститутках?

Дерьмо.

Сделав крюк, мы направляемся в уборную, Жен следует по пятам, а я, наклонив голову, пытаюсь избежать всеобщих взглядов.

Я не могу выглядеть так плохо, верно?

Когда мы сворачиваем за угол, первое, что я вижу в зеркале, это наряд деловой девушки, который я купила два года назад: коричневый пояс, стягивающий платье-костюм размера оверсайз на моей талии.

В ужасе перевожу взгляд на свое лицо. Волна шока пробегает по моей спине, когда я вижу вчерашнюю помаду, размазанную по моей щеке, тушь на скулах, и накладную ресницу, приклеенную ко лбу.

Как, черт возьми, я не обратила на это внимания?

«Боже правый, похоже, я уснула в мусорном баке».

Отпрянув в сторону, и, пытаясь прикрыть глаза от жуткого беспорядка перед ней, Жен говорит:

— У тебя были дни получше, это точно.

— Что мне делать?

— Прежде всего, сожги это платье. Я имею в виду, где, черт побери, ты его нашла?

— Мне больше нечего надеть, Жен.

Оценивая меня, она постукивает указательным пальцем по подбородку, наконец, в состоянии посмотреть на меня, на ее лице гримаса отвращения.

— Ладно, хорошо, для начала я предлагаю удалить вчерашнюю накладную ресницу. — Подруга срывает одну с моего лба и бросает в мусорное ведро. Широко раскрыв глаза, я провожу пальцами по коже. — В таком случае, думаю, мы поступим так, как в «Правдивой лжи».

— В «Правдивой лжи»? О чем ты говоришь?

— Ну знаешь, когда героиня Джейми Ли Кертис рвет на себе платье, чтобы сделать его более сексуальным, а затем выплескивает себе на голову воду с вазы, чтобы зачесать волосы назад. Сработало с ней, может сработать и с тобой.

Посчитав до десяти и выдыхая, я говорю:

— Это было в фильме, и платье должно разорваться идеально. Эта штука сделана из плащевой ткани, так что нам понадобятся ножницы, чтобы наряд выглядел прилично.

Жен кивает.

— Да, я понимаю, о чем ты говоришь. По крайней мере, закатай рукава, смочи голову водой и сделай тугий пучок на макушке. И, ради бога, умой свое чертово лицо.

Тридцатка стартовала с треском.

Мне требуется ещё десять минут, чтобы привести себя в более презентабельный вид, прежде чем мы возвращаемся в мою кабинку, всё ещё привлекая внимание коллег. Как будто на параде, я любезно киваю и машу тем, кто предпочитает глазеть на нас.

Что б вы подавились. Меня здесь скоро не будет.

Плюхнувшись в кресло, включаю компьютер и тяжело вздыхаю.

— Чуть не попались. — Я смеюсь без энтузиазма, ещё раз оглядываясь, чтобы убедиться, что горизонт чист. — Почему ты всё ещё здесь? У тебя нет работы?

Выглядев чертовски виноватой, Жен говорит:

— Э-э, ты случайно не помнишь что-нибудь из прошлой ночи?

Я качаю раскалывающейся головой и делаю глоток кофе, который дала мне Жен...

Мне нужно заправиться.

Я думаю, будет лучше, если мы все забудем о прошлой ночи... и о сегодняшнем утре.

Когда экран моего компьютера оживает, ввожу свой пароль, открываю электронную

почту, и сразу же появляется тридцать новых писем. Уф, неужели девушка не может сделать перерыв?

Невзначай просматриваю электронные письма, на самом деле не обращая внимания ни на одно из них, пока говорю:

— Я сказала что-то глупое Кимберли? Я не виновата, что большую часть времени у неё в заднице торчит палка.

Продолжаю просматривать электронные письма, одно привлекает мое внимание, которое от Рима. О боже! Служебное письмо.

Когда он посылает их, они обычно пикантны и полны сдерживаемого напряжения.

Какое напряжение уготовано нам сегодня?

Мысленно щелкаю пальцами.

— Нет, ты не обидела Кимберли.

Я указываю на экран, не обращая внимания на Жен.

— Ты читала это? Сообщение от Рима, нашего самого главного босса.

Подруга краснеет.

— Ах да, об этом.

В последнем письме, которое я получила, говорилось, что мы должны использовать копировальные аппараты в рабочих целях... а не для удовольствия.

Боже, это было здорово. Все копировальные аппараты пришлось вымыть профессиональной клининговой службе из-за высокой вероятности попадания половых микробов на кнопки.

— Давай почитаем. — Надеюсь, что письмо о том, что кого-то поймали за чем-то крайне неподобающим.

— Пейтон, подожди.

— Что? — Я поворачиваюсь к Жен, которая постоянно выглядит неловко с тех пор, как мы встретились. Начав беспокоиться, спрашиваю:

— Что происходит?

Подруга заламывает пальцы и говорит:

— Помнишь, как мы напились?

— Да, стук в моей голове не дает забыть об этом. — Похлопываю по своей черепушке.

— Ты случайно не помнишь, как признавалась в своей неугасаемой страсти к... — Ее голос затихает, она с виноватым видом наклоняется вперед и тихо шепчет:

— К Риму?

Призналась в чем?

В неугасающей страсти к Риму?

Я бы никогда.

Может, я и была пьяна, но не настолько...

Мои глаза расширяются, во рту пересыхает, в глубине живота зарождается щемящее чувство страха.

Шоты Swedish fish.

Их было много.

Три маргариты.

Пиво.

Охота на мужчину.

Рим в баре в костюме.

Его потемневший взгляд скользил по мне.

Раздражение и отчаяние поглощают меня.

Признаюсь в своей влюбленности... печатаю электронное письмо на iPad Жен...

СРАНЬ ГОСПОДНЯ. ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО.

— Боже мой. — Я хватаюсь за голову и поворачиваюсь обратно к своему компьютеру, чтобы немедленно открыть письмо от Рима, быстро щелкая мышью, пока чертова штука не выскакивает на моем экране десять раз. Приумножаясь с каждым кликом. — Прекрати, — кричу я компьютеру, когда появляется последнее сообщение.

Просматриваю содержание письма, в то время как мое сердце выпрыгивает из груди.

Отправитель: Рим Блэкберн, президент и главный исполнительный директор

Кому: Сотрудники «Roam Inc»

Информационное письмо RE: Поведение

Доброе утро. В приложении вы найдете руководство для сотрудников с обновленным Разделом 7, в котором внимание акцентируется на ненадлежащем поведении на рабочем месте.

Пожалуйста, следите за своим почтовым ящиком. Мисс Таггерт из отдела ИТ сегодня отправит краткий запрос относительно содержания Раздела 7; все сотрудники должны повторно подписать/подтвердить соглашение о сексуальных домогательствах, личных границах и служебных романах. Напоминаю, что неуместные разговоры, сообщения в чатах и электронные письма недопустимы, т. е. являются основанием для увольнения.

Служебное письмо продолжается. И продолжается.

— Ты... ты думаешь, это как-то связано с тем электронным письмом, которое я отправила Риму прошлой ночью? — Нервно жую ноготь большого пальца — ужасная привычка, которая у меня всегда была.

Жен закатывает глаза и протягивает мне свой мобильный.

— Конечно, речь шла о твоём электронном письме, тупица. *Предлагаю* тебе перечитать то, что ты отправила ему прошлой ночью. И постарайся не обмочиться.

Взяв её телефон, фокусирую свои затуманенные глаза на электронном письме в папке «Отправлено» и читаю, желая провалиться сквозь землю с каждым предложением, которое кажется мне крайне унижительным, а это большинство из них.

Я работаю на тебя.

Я безнадежно, глупо, как школьница, втюрилась в тебя, хотя ты последний мужчина на земле, в которого я должна влюбляться.

Хочу, чтобы однажды ты увидел во мне кого-то большего, нежели одного из своих сотрудников.

Я безумно хочу покувыркаться с тобой.

Вжимаюсь в кресло, подплечники моего платья достигают до ушей.

— Это плохо, да?

Всё ещё скручивая руки на коленях, Жен говорит:

— Ну, пока они не смогут отследить тебя, что практически невозможно, поскольку мы не использовали твоё имя, с тобой будет все в порядке. — *Практически. «Практически невозможно» не придает мне уверенности.*

— А как насчет тебя? Ты создала адрес этой электронной почты.

Она пожимает плечами.

— Не беспокойся обо мне. У меня есть способы обойти все это. — Сделав глубокий вдох, подруга продолжает: — Важно, чтобы мы заставили Кимберли и Вив молчать, поскольку они были там, когда ты сочиняла письмо, и вели себя как можно спокойнее.

— Заставить их молчать? Ты что, состоишь в мафии?

Она пожимает плечами.

— Осторожность никогда не бывает лишней.

— Женевьева. — Я смеюсь, от этого действия у меня болят виски.

Съеживаюсь.

— Я забыла о Вив и Кимберли, но мы не будем заставлять их молчать.

— Они сплетничают обо всем. Вот почему мы должны убедиться, что они ничего не помнят о прошлой ночи.

— Ты действительно пугаешь меня прямо сейчас. Прекрати, чудачка. — Тем не менее, я сажусь и поправляю свое платье-костюм, разглаживая множество складок. — Я возьму еще кофе и заскочу к Вив. Ты не заглянешь к Кимберли вместо меня?

— Окей. — Вставая, Жен поворачивается, чтобы уйти, а затем говорит:

— А что, если... — она делает паузу и прикусывает нижнюю губу, — что, если Рим *ответит* тебе?

Я смеюсь над абсурдностью этой мысли. Рим Блэкберн отвечает мне по электронной почте? Если бы.

— Поверь мне, Жен, он не будет отвечать, — я фыркаю. — Нам не о чем беспокоиться. Этого никогда не произойдет.

РИМ

— О чем, черт возьми, было это письмо? — Хантер врывается в мой кабинет, даже не постучавшись — в этом нет ничего необычного, но все же чертовски неприятно.

У него нет гребанных манер.

Судорожно выхожу из почтового ящика и поправляю галстук, изо всех сил стараясь выглядеть нормально, а не так, как себя чувствую.

Испытываю отвращение.

Заинтригован.

Непринужденный и деловой — вот кто я, а не тот парень, который пытается выяснить, кто прислал мне электронное письмо. Нет, бл*дь. Я даже не буду использовать эту жалкую отмазку, чтобы уделить больше внимания этому письму. И уж точно, вашу мать, не буду анализировать каждое слово и строку.

Здесь не причем тот факт, что меня оно заводит, ведь это письмо может повлиять на благополучие компании. П*здец.

Я кашляю.

Уклоняюсь от вопроса моего друга.

— Когда ты научишься стучать?

Вместо того чтобы обидеться, Хантер плюхается задницей на стул напротив моего стола и принимает свою обычную позу: ботинки лежат на краю моего стола, руки за головой, брови приподняты, а рот изогнут в дерзкой ухмылке.

— Скажи мне, в чем суть твоего письма.

Выравниваю и без того ровную стопку бумаг. Кладу ручку на место. Щелкаю мышкой.

Поджимаю губы. Постукиваю указательным пальцем по рабочему столу.

— У тебя есть результаты бета-тестирования (*прим. пер.: Бета-тестирование — интенсивное использование почти готовой версии продукта (как правило, программного или аппаратного обеспечения) с целью выявления максимального числа ошибок в его работе для их последующего устранения перед окончательным выходом продукта на рынок*) новых палаток? Почему ты здесь?

— *Пфф*, не-а. — Он смеется. — Вчера вечером не было времени занести их в таблицу. Я был занят другим делом. — Хантер шевелит своим темно-коричневыми бровями.

Дырки на его джинсах и темное пятно от кофе на клетчатой рубашке... вместе с рабочими ботинками — это нарушение дресс-кода, и мне следовало бы отправить его домой переодеться, но сейчас мне плевать на его наряд.

— Мне нужны результаты этих тестов, Хантер.

— Да, да, я знаю. — Он отмахивается от меня. — Я займусь ими ради тебя. Расслабься мужик. Кого-нибудь застукали за просмотром порно?

— Нет. — Слава богу.

— Кто-то писал друг другу эротические смс-ки? — Друг шевелит бровями.

— Не совсем, — недовольно ворчу я, откинувшись на спинку стула. — Но довольно близко.

Увлеченный Хантер хлопает в ладоши перед собой. Радостно потирает их.

— Расскажи мне больше.

Хантер — мой лучший друг и доверенное лицо. Я знаю, что, если покажу ему это электронное письмо, он будет держать свой болтливый рот на замке — по крайней мере, перед другими людьми, — но я не сомневаюсь, что он вывалит на меня кучу дерьма по этому поводу, если ему представится такая возможность. Компромат на меня сложно достать, а это отличный материал для высмеивания.

Хер с ним.

Поправляю воротник рубашки.

— Кто-то прислал мне крайне неприемлемое письмо по электронной почте компании. Очень неуместное.

Я говорю как гребаный ханжа.

Словно моя бабушка.

— Неприемлемое? — Поднявшись на ноги, мой лучший друг ровно за две секунды обходит стол, с жадным взглядом заглядывая через моё плечо, чтобы увидеть экран. — Покажи мне. Покажи мне прямо сейчас, черт возьми.

— Перестань дышать мне в затылок.

Взволнованный Хантер игнорирует меня.

— Кто это был? Покажи мне.

— Электронное письмо анонимно.

— Ещё интереснее. Дай мне посмотреть, дай мне посмотреть.

Он толкает меня локтем — умоляет, как пятилетка, — наверное, потому, что у нас нет секретов.

— Это останется между нами, — строго предупреждаю я.

Он кивает.

— Да, да, да.

Смеряю его ещё одним тяжелым взглядом, прежде чем открыть свой ноутбук и дать ему возможность нахально глазеть на светящийся экран и открытый почтовый ящик.

Прожорливые глаза Хантера радостно бегают туда-сюда, как и мои, и на его лице появляется ухмылка, пока он читает. Я читаю вместе с ним и постоянно застреваю на одном предложении: «*Я безумно хочу с тобой покувыркаться*».

Господи Иисусе, кто вообще так говорит?

Трахаться. Перепихнуться. Заниматься сексом.

Но кувыркаться?

Хантер практически прыгает возле меня.

— Ну, черт, это...

— Ужасно? Я знаю. Мне придется...

— Чертовски круто. — Отступив назад, Хантер издает вопль. — Дружище. Как же тебе повезло!

Прямо сейчас он меня раздражает...

— Господи, садись.

На этот раз засранец слушает. Слава богу.

Он почесывает щетину на челюсти, когда возвращается к своему стулу.

Опустив своё гигантское тело на кожаное сиденье, закидывает ногу на ногу и изучает меня.

— Ты ответишь. — Хантер говорит это небрежно, но это заявление словно разрыв

бомбы в моем кабинете.

— Я отвечу? Ты что, спятил? Нет. Я не удостою отправителя ответом.

— Почему нет, черт возьми? — Его голос повышается на октаву; невыполнимая задача, учитывая, насколько он глубокий. — Ты сумасшедший?

Я закатываю глаза.

— Да, О'Рурк, я здесь сумасшедший.

— Да, отчасти так и есть.

— Ты не в себе, если хоть на секунду подумал, что я собираюсь отвечать сотруднику, — я шиплю, и мне все равно.

Хантер потерял свою проклятую голову. Я буквально только что разослал служебное письмо всей компании, предупреждающее сотрудников о неприемлемом поведении. Я, бл*дь, не собираюсь сам вести себя подобным образом.

Он поднимает руки вверх в знак отступления.

— Расслабся. Расслабся. Просто послушай меня две секунды, хорошо?

— Даю тебе две секунды.

— Ладно. Что, если это та девушка из отдела логистики, которая каждую среду надевает розовый кардиган? Она довольно милая в стиле «У меня есть кошки и нет парней».

— Я без понятия, о ком ты говоришь, черт тебя дери.

— Это, мой друг, твоя проблема. Ты не бываешь на нижних этажах. Ты не имеешь представления, кем являются твои сотрудники.

— А ты, полагаю, знаешь?

Хантер фыркает:

— Конечно.

— Я знаю, кто из них самый важный. — Даже для моих собственных ушей я звучу как полный мудака.

Он усмехается:

— Ты напыщенный балабол.

Хантер не ошибается. Ни чуть.

— У меня нет времени знакомиться со всеми моими сотрудниками или отвечать на неподобающие электронные письма.

— Верно, я понял. — Он понимающе кивает. Покровительственно? Не могу сказать.

— *Понял* что? — Тупая боль начинает пульсировать в висках.

— Ты боишься, что это парень.

Вот дерьмо.

Я даже не думал в эту сторону, но теперь, когда он упомянул об этом, семя сомнения зародилось в моем мозгу.

Нахмутив брови, прищуриваюсь, глядя на Хантера.

— Ты, бл*дь, чокнулся? Это письмо написал не парень.

— Это легко может быть парень. Разве ты никогда не смотрел сериал «Одиночество в сети»? Может, кто-то тебя разводит. Вот и всё, что я хотел сказать. Типа, чувак. О. — Он щелкает пальцами и садится немного прямее. — Возможно, это один из твоих конкурентов, пытающийся сбить тебя с толку. Напиши им в ответ, попроси показать фото члена.

Потираю виски, желая, чтобы этот кошмар закончился.

— Теперь можешь убраться из моего кабинета.

— Ладно, ладно, давай пока не будем просить фото члена. Есть простой способ узнать,

женщина ли это. Прочитай мне еще раз, что это были за напитки?

— Ты серьезно?

— Да, не томи. — Он делает жест рукой, ожидая информации.

Вздыхнув, просматриваю электронное письмо и говорю:

— Э-э, три маргариты, шоты Swedish fish и пиво... потому что выпивка была бесплатной.

— Бинго. — Хантер поднимает палец вверх. — Уверен на все сто, что это цыпочка. Ни один уважающий себя гей не стал бы напиваться шотами Swedish fish, а бесплатные напитки получают только женщины. Ты в безопасности, скорее всего, это не развод. — Он выглядит самодовольным. — Хотя сейчас мы играем в совершенно новую игру. Кто эта помешанная на сексе девушка, которая хочет с тобой покувыркаться? Я все еще ставлю на розовый кардиган. Она выглядит так, как будто может быть извращенкой вне работы.

— Почему это ты так решил?

— Она смотрит мне в глаза каждый раз, когда я прохожу мимо.

— Как часто ты проходишь мимо?

— Достаточно часто.

— И она извращенка, потому что смотрит тебе в глаза, — невозмутимо говорю я.

— Она не просто смотрит мне в глаза — она *смотрит* мне в глаза, если ты понимаешь, о чем я.

— Можешь перестать болтать хотя бы на одну гребаную минуту? — Хантер вызывает у меня чертову головную боль. У меня раскалывается голова.

Упираясь локтями в стол, потираю виски.

Я безумно хочу с тобой покувыркаться.

Не могу представить девушку, который каждую среду носит розовый кардиган и присылает мне подобное письмо.

— Тебе определенно нужно ответить. Это единственный способ узнать, кто она.

О, кто-то определенно будет уволен.

— Как насчет того, чтобы я не делал этого, а просто вернулся к своей проклятой работе.

— Нет, моя идея мне нравится больше.

Конечно, потому что Хантер — похотливый придурок.

Он снова встает и подходит к моему столу, отталкивая меня в сторону и решительно пробираясь к компьютеру. Оказавшись на коленях, он пихает меня в грудную клетку, пока у него не появляется пространство для набирания текста. Его пальцы висят над клавиатурой, колеблется.

Хантер начинает печатать, говоря вслух:

— Дорогая, секси-леди...

— Что? Нет. Я бы, бл*дь, *никогда* так не сказал... — Я пытаюсь убрать его со своего пути, но он остается на месте и продолжает печатать.

— Дорогая *Твоя*. Спасибо за ваше письмо.

Мои ноздри раздуваются.

— Ты, черт возьми, серьезно?

Мой друг игнорирует меня.

— Как вы заметили, мое нижнее белье туго скручено и засунуто так глубоко в мою собственную задницу, что рядом со мной довольно часто неприятно находиться рядом.

Закатив глаза, откидываюсь на спинку стула и позволяю этому придурку насладиться

моментом, но, вашу мать, я ни за что не отправлю это электронное письмо.

— Но позвольте мне заверить вас, — Хантер делает паузу, — мои практичные хлопчатобумажные трусы (вероятно, скучного белого цвета) раскрутились из-за вашего письма, и я никогда не чувствовал себя таким свободным. Можно сказать, хожу без трусов. — Ладно, эта часть заставляет меня смеяться. *Идиот.*

— Ваше электронное письмо может быть тем, что мне нужно, чтобы *вытрахать* из меня мудака; я хотел бы вернуть услугу. Как насчет того, чтобы посидеть у меня на коленях во время совещаний по обновлению персонала — которые являются пустой тратой времени каждого сотрудника, когда то же самое можно было бы сделать посредством электронного письма. — Хантер искоса ухмыляется, и я показываю ему средний палец. — Пожалуйста, пришлите мне ксерокопию вашей попки, чтобы я знал, чью задницу посадить к себе на колени.

С уважением, Медвежонок Рим.

P.S.: Давайте потрахаемся.

С широкой, довольной улыбкой Хантер читает свое электронное письмо и уже собирается навести курсор на кнопку «ОТПРАВИТЬ», когда я вскакиваю со стула и шлепаю его по руке.

— Что, черт возьми, ты собирался сделать?

— Отправить, ясен пень. — Он прижимает руку к груди, когда встает. — Почему ты такой раздражительный?

— Почему ты такой извращенец?

— Я не извращенец. Я нормальный. Это тебе нужно расслабиться. Расслабься, мужик. Отдохни. Повеселись. Господи.

— Я не могу отправить такое электронное письмо.

— Но...

Неловко ерзаю в кресле.

— Но... нет.

Друг встает, смахивая пыль с ковра, которая могла попасть на колени его грязных джинсов.

— Если ты не отправишь это письмо, подумай о том, чтобы отправить другое. Что самое страшное может произойти? Ты немного повеселишься, черт побери? Пофлиртуешь? Возбудишься на что-то другое, кроме электронной таблицы?

Дерьмо.

Он прав; однажды я действительно возбудился, когда увидел финансовую таблицу компании на конец года. Это было великолепно и сексуально.

Подайте на меня в суд. Деньги меня заводят, понятно?

Это не преступление.

Медвежья лапа Хантера вцепилась в моё плечо, сжимая.

— Просто подумай об этом.

— Хорошо. — Закатываю глаза, потому что мне больше нечего сказать.

Я не буду отвечать этой женщине.

Кем бы она ни была.

Эта идея смехотворна.

Когда Хантер наконец-то уходит, у него хватает манер захлопнуть за собой дверь, оставляя меня наедине с моими мыслями.

Нет шансов, что прямо сейчас я возьмусь за какую-либо работу. С таким же успехом я мог бы собрать своё барахло и уйти на весь день, но сейчас только середина утра.

Бл*дь.

Его нелепое сообщение светится черно-белым цветом, пародия на любовное письмо. Дешевая имитация флирта. Я бы никогда не сказал ничего подобного.

Я бы сказал...

Что бы я сказал?

Почесываю щетину на подбородке, потому что этим утром у меня не было достаточно времени, чтобы побриться. Волоски темные и грубые, покрывают мою сильную челюсть и подбородок. Колючие.

Что бы я сказал?

Я удаляю чушь, которую только что напечатал мой друг, не сводя глаз с этого мигающего, манящего курсора.

Скажи что-нибудь... будто то говорит он мне. Давай, ты трус.

Я? Испугался?

Это чушь собачья. Я ничего не боюсь, кроме белок, и ни одна душа не знает об этом, кроме меня.

Маленькие мерзавки с глазами-бусинками.

Тому, кого это касается:

Как вы, наверное, поняли, вы вызвали много шума своим небольшим заявлением. Это было непрофессионально и могло быть неверно истолковано как домогательство, что, я уверен, не входило в ваши намерения. Я воздерживался от ответа, главным образом потому, что мне нечего сказать; это недоразумение будет решаться отделом кадров вместе с отделом ИТ, и когда они вас найдут... вы будете уволены.

Ваш босс,

Рим Блэкберн.

Постскриптум: Очевидно, вы были пьяны, когда сочиняли это письмо, и оно является результатом употребления алкоголя.

Вот.

Профессионально. По делу. *Авторитетно?*

Я босс. Я всё контролирую, а не какая-то таинственная женщина, которая, вероятно, работает в гребаном почтовом отделении.

Какого хрена я здесь делаю?

Я говорю себе, что причина в том, что мне нужно лучше контролировать мою компанию.

Ни по какой другой причине.

Не-а.

Обычно я не бываю на нижних этажах; в основном потому, что прячусь в своем кабинете, опустив голову и щелкая по клавиатуре. Или разговариваю по телефону, отвечая на важные звонки.

У меня нет причин идти куда-либо, кроме моего офиса, уборной, зала заседаний или комнаты отдыха, где можно выпить кофе, и работа Лорен заключается в том, чтобы приносить его мне.

Но вот я здесь.

И я чувствую себя тигром, расхаживающим по проходам отдела маркетинга, медленно подкрадывающимся к середине кабинок, улыбаясь, сжав губы, и кивая каждому, кто смотрит в мою сторону.

Все разбегаются, как крысы, убираясь с моего пути.

— *Здравствуйте, мистер Блэкберн.*

— *Ой. О, э-э, мистер Блэкберн. О, Рим. Э-э... Мистер...*

— *Я как раз готовлю этот файл для вас, сэр. Я... Я не забыл, я...*

Несколько бумаг разлетаются в стороны.

Громкий кашель.

В качестве маскировки поднимается множество папок.

С чем я имею здесь дело? Отдел, полный кисок? Господи.

Просматриваю проход, тридцать с лишним кабинок — некоторые пустые, большинство из них заняты — одну за другой, изучая каждое лицо, которое внимательно смотрит на меня. Высматриваю... что-что.

Знак.

Подсказку.

Проблеск виноватого выражения лица.

Её.

Она здесь, в этом отделе, я чувствую.

Облизываю губы, улыбаясь Джорджу Фландерсу, моему самому давнему рекламному директору.

Джордж, может быть, и никудышный старожил, но его жена готовит чертовски классные пироги.

На ум приходит извращенная шутка, которую Хантер однажды рассказал мне о «нарезке пирога», и я хихикаю, заворачивая за угол в комнату отдыха. Она есть на каждом этаже; отделанная плиткой просторная комната с холодильником, несколькими столиками, раковиной, столешницей, микроволновой печью, кофеваркой и кофе-машиной фирмы Keurig. Каждую пятницу доставляют множество закусок и рогаликов.

Я толкаю тяжелую дверь и просовываю голову внутрь, затем останавливаю взгляд на молодой женщине в углу, которая стоит, поднеся журнал к лицу с сэндвичем в руке. Её платье слишком большого для нее размера отвратительного оливково-коричневого оттенка, устаревшая модель, которую я видел только в старых фильмах. Перед ней на столе стоит бутылка газированной воды, и она не слышит, как я вхожу в комнату и прислоняюсь к стойке.

Смотрю на неё, мой взгляд скользит вверх с её скрещенных ног, к одутловатым складкам огромных рукавов её платья, огибающих её локти. Кто она, черт возьми?

И почему она так одета?

Я достаточно прошелся по своей компании, чтобы знать, что никто так не одевается.

Не то, чтобы это действительно имело значение... но... наплечники.

Она не замечает меня, когда я прочищаю горло.

Я отхожу и делаю вид, что завариваю чашечку кофе. Он мне не нужен. Я уже выпил три,

но делаю это, чтобы привлечь её внимание.

Всё ещё.

Ничего.

Что, вашу мать, я должен сделать, чтобы эта цыпочка посмотрела на меня? Взорвать бомбу? И какого хрена я вообще пытаюсь?

— Прекрасная погода сегодня. — Неубедительно.

— М-м-м.... — бормочет она.

— Я мог бы разбить палатку прямо здесь, в этой комнате, — тяжело вздыхаю я.

Её журнал шуршит, когда она переворачивает страницу.

— Ага...

— Черт, мистер Блэкберн, конечно, придурок.

Она фыркает. Смеется.

— Ага.

Вот как. У нас прогресс.

— Вы видели тот галстук, который был на нём вчера?

Она делает глоток из своего стакана с водой.

— Вчера на нём не было галстука.

Журнал трепещет.

Что ж. *Интересно.*

— Не было?

Она игнорирует меня так, как это делает только Хантер.

— Как вы думаете, что его так разозлило, что он написал то электронное письмо?

Страницы журнала неподвижны, он медленно опускается, и её темные глаза сверлят во мне дыры, когда она встречается со мной взглядом. Я вижу, как щеки девушки краснеют, глаза расширяются от ужаса, а зубы прикусывают нижнюю губу.

Пейтон?

Такую Пейтон я никогда раньше не видел: неряшливая и помятая, выглядит немного потрепанной, макияж слегка смазан — или это такой макияж, — одежда помята. Я не знаю, что, черт возьми, это за платье и где она его нашла, но оно п*здец как ужасно и его нужно сжечь.

Позволяю этому неловкому моменту между нами повиснуть, давая ей возможность связать пару слов и спасти ситуацию.

Но она этого не делает.

Сидит ошеломленная.

Таращится на меня.

Рот широко открыт в недоумении, как у карпа.

Я подавляю ухмылку.

— Доброе утро.

— Доброе, — отвечает Пейтон хриплым голосом.

— Тяжелая ночь?

Её ответ — слабая улыбка, которая касается только одной стороны её лица. Натянута?

Она определенно с похмелья.

Ей следовало бы пить кофе, чтобы взбодриться, черт подери, а не воду.

— В следующий раз я был бы признателен, если бы вы позвонили и взяли отгул, а не приходили в офис в виде... — Позволяю незаконченному предложению повиснуть в воздухе,

с удовлетворением отмечая, что она ерзает на стуле. — С другой стороны, вы увольняетесь... сколько осталось? Семь дней? Шесть?

Пейтон прочищает горло.

— Одиннадцать.

Я прислоняюсь к стойке, пока варится кофе, скрестив руки на груди.

— Одиннадцать. — Позволяю цифре слететь с моего языка. — Судя по вашему виду с похмелья сегодня утром, похоже, вы сожалеете о своем решении покинуть такую влиятельную компанию.

Пейтон расправляет плечи... хорошо сложенные плечи.

— Я ни о чем не жалею. — Она закрывает журнал, кладет сэндвич и ловко складывает руки перед собой. — Я очень воодушевлена своим новым начинанием, если вам интересно.

Качаю головой и хватаю свой кофе.

— На самом деле я не хочу знать. Что мне действительно интересно, так это то, почему вы бездельничаете в комнате отдыха, читаете журнал и едите сэндвич, когда еще нет, — бросаю взгляд на свои золотые часы, — даже десяти утра.

Её взгляд мечется. Попалась. С поличным. Она прикусывает щеку, и как раз в тот момент, когда я думаю, что Пейтон будет просить прощение, она расправляет плечи, подносит сэндвич ко рту и откусывает огромный кусок.

Горчица украшает её верхнюю губу, а кусок индейки свисает с хлеба, пока она говорит.

— Если вам действительно интересно знать, мне захотелось перекусить сэндвичем с индейкой в середине утра. — Девушка встает и засовывает журнал под мышку. Взяв воду, она обращается ко мне, трясая своим сэндвичем: — А теперь, если вы не возражаете, мне нужно доесть остатки этой восхитительной вкусной индейки и отправиться в свою кабинку. Кто-то должен заниматься здесь маркетингом.

Самоуверенная, чертовски гордая, она проходит мимо меня, вода капает с распущенных прядей её волос, как будто она только что вышла из душа.

Я наблюдаю, как она уходит, если быть предельно честным, она немного в беспорядке.

Какого хрена она делала сегодня утром, одевалась в гребаной темноте??

И почему у неё такая походка, как будто она находится на подиуме?

Виляет задницей.

Плечи покачиваются.

Затем её шаг замедляется, и она спотыкается о свои проклятые ноги.

Но она удерживает себя от падения. Снова выпрямляясь, исчезает за стеной.

Ухмыляюсь, вспоминая её слова. *Кто-то должен здесь заниматься маркетингом.*

Чертовски дерзкая женщина.

Если бы мне не было интересно узнать, что она наденет в понедельник... возможно, ещё один тренч до лодыжек, я бы уволил её задницу.

Она не единственная в отделе маркетинга.

Сделав глоток кофе, выхожу из комнаты отдыха и иду в противоположном направлении, одна мысль не дает мне покоя: когда Пейтон уйдет, лишусь я высокомерной штучки, или она на самом деле является жизненно важной частью моей компании?

ПЕЙТОН

Поверить не могу, что этот мерзавец оскорбил меня.

Ладно, хорошо — да, я признаю, мне просто не верится, что он сделал это, глядя в мои глаза. Еще одна ложь. Этот парень — мудака; конечно, он будет оскорблять меня прямо в лицо.

Я спешу к столу, который будет моим еще одиннадцать дней, выдвигаю стул, плюхаюсь на него и устраиваюсь поудобнее, руки уже на клавиатуре, прежде чем пододвигаюсь к столу.

Возмущённое «хмм» вырывается из моего горла, когда я слышу мурлыканье своего компьютера, действуя на автомате: проверяю социальные сети компании; добавляю хэштеги к публикациям в Facebook; создаю три поста в Instagram и загружаю новое фото в сторис; добавляю ссылки на покупку спального мешка в опцию смахивания вверх (*при. пер.: проведение пальцем вверх по экрану мобильного устройства*).

Создаю себе заметку — запланировать фотосессию для новой линии женской одежды; это до смешного милые вещи, которые поддеваются под верхнюю одежду. Я расстраиваюсь, потому что у меня не будет скидки, когда компания запустит новую линию бренда.

Выпячиваю нижнюю губу на несколько секунд.

Я буду скучать по этому месту — не только по своим друзьям и людям, с которыми я работаю, но и по самой работе. Это было отличное место работы, несмотря на высшее руководство.

Или из-за него?

Рим Блэкберн, может, и мудака, но он создал здесь нечто замечательное, а это значит, что ему действительно не всё равно, несмотря на наплевательское отношение и едкие замечания. «Roam, Inc» является инновационной, современной и быстро развивающейся компанией.

Здание красивое, в деревенском стиле, но без излишеств. Элегантное, но не стерильное. Комнаты отдыха на каждом этаже. Там всегда убрано. Продукты доставляются каждую неделю и хранятся в холодильнике. Моё любимое занятие — жевать еду, сидя за столиком в углу комнаты отдыха.

Не считая сегодняшнего утра. Что, черт возьми, делал здесь Рим? Он был последним человеком, которого я ожидала увидеть, когда отложила свой журнал, хотя мне стыдно, что я не узнала его голос. Предполагается, что я по уши в него влюблена. Как я могла не понять, что это был он?

Позор.

Он был так же ошеломлен, как и я, когда увидел, что именно я сижу там. Я поняла это по его глазам. Ох, босс пытался скрыть свою реакцию за привычным нейтральным выражением лица, но было невозможно скрыть вспышку шока, когда наши взгляды встретились.

Рим Блэкберн выглядел... заинтересованным.

Или, возможно, виной тому был туман от алкоголя, который так и не рассеялся?

Уф.

Или, возможно, его заинтересовало мое платье. Разглаживаю плотную ткань на ногах, съезживаясь от мерзкого полиэстера, которая облегает меня во всех неправильных местах.

Да, я почти уверена, что Рима больше интересовало, во что, черт возьми, я была одета, чем я сама.

Корплю над своим ноутбуком, настраиваю рекламный пиксель (*прим. пер.: применяется, чтобы отслеживать посещения и поведение пользователей*) и указываю целевую аудиторию для нескольких постов. Зеваю. Смотрю на часы, затем проверяю свою электронную почту.

Как и каждое утро, я просматриваю письма, пробегая пальцем по левому краю монитора, касаясь подушечкой пальца каждого нового сообщения, чтобы не пропустить ничего важного. Просматриваю их по очереди, удаляя те, которые являются мусором, или отправляю их в папку с файлами.

От: Рим Блэкберн.

Замираю.

Сердце сразу начинает бешено колотиться.

Какого фига...

О, блин, Жен добавила поддельный адрес электронной почты в мой профиль Outlook.

Подождите.

Ёшкин кот, он ответил.

Он, черт возьми, ответил.

Расслабься, Пейтон, он будет ругаться.

Не открывай, не открывай, не открывай...

Ничего хорошего из этого не выйдет.

Ничего.

Если бы он узнал, что исходное электронное письмо отправила я, моё барахло и моя задница были бы уже на тротуаре у парадного входа.

Чтобы начать свое дело, необходимы деньги, и мне нужны следующие одиннадцать дней. Мне нужна эта зарплата.

Я не должна открывать его письмо. Возможно, у Рима есть устройство отслеживания, которое сообщит, кто его открыл. *Такое бывает?* Нет, этого не может быть. Жен бы подумала об этом, верно?

Впиваюсь зубами в нижнюю губу, размышляя.

Открывать?

Нет, на самом деле не стоит.

Но...

К черту!

Щелкаю мышкой, открывая письмо, мои лицо и шея пылают, когда я начинаю читать. Моя кожа будто горит.

Но...

Мои глаза не могут читать достаточно быстро. Выговор в письменном виде не тот тип электронного письма, который должен меня напугать.

И все же я цепляюсь за его последнее предложение — постскрипtum, — перечитывая его с ухмылкой: *«Очевидно, вы были пьяны, когда сочиняли это письмо, и оно является результатом употребления алкоголя».*

Как сильно Рим ошибается.

Я была пьяна, но чертовски хорошо знала, что делаю — по крайней мере, мне так кажется. Алкоголь придал мне смелости совершить то, что я хотела сделать целую вечность.

Что ты *на это* скажешь?

Вы были пьяны, значит, не имели это в виду... К такому выводу он пришел?

Прошлой ночью я была пьяна — думаю, все в отделе маркетинга поняли это, судя по моему сегодняшнему виду, — но я имела в виду то, что писала.

Я безумно хочу с ним покувыркаться.

Это правда. Правда, черт возьми. Даже в комнате отдыха, когда оскорбления легко слетали с его губ, мне хотелось сорвать с его шеи этот галстук и лизнуть ключицу, прямо таки впиться в неё зубами.

Прикусываю нижнюю губу, съедая половину блеска, которым Жен покрасила мои губы, чтобы я выглядела презентабельно. Мой курсор завис над кнопкой «Ответить».

Мне действительно не следует.

Нажимать на нее.

Упс. Палец скользкий.

Сомневаюсь.

Медлю.

Взяв телефон, набираю Женевьеву, потому что какого фига я делаю, флиртую с ним в ответном письме? Это непрофессионально, и Рим уже громко и ясно выразил свои чувства по этому поводу.

Жен отвечает после первого гудка.

— Подожди. — Слышу, как скрипит её стул, а затем наступает тишина, и на заднем плане слышен щелчок закрывающейся двери.

— Хорошо. Давай. Поговори со мной.

— Он ответил, — я шепчу, чтобы меня никто не услышал в соседней кабинке.

— Прочитай мне. *Медленно.*

— Тому, кого это касается...

Подруга прерывает меня возмущенным бормотанием.

— Тому, кого это касается? Кто так говорит?

— Ну, я так написала, в своем первом письме.

— И тогда мне тоже не нравилось. Звучит глупо.

Я раздраженно вздыхаю.

— Ты будешь и дальше перебивать? Давай просто предположим, что тебе не понравится всё письмо, хорошо?

Хосспади.

— Ладно. Продолжай.

— Тому, кого это касается. — Прочищаю горло. — Как вы, наверное, поняли, вы вызвали много шума своим небольшим заявлением. Это было непрофессионально и могло быть неверно истолковано как домогательство, что, я уверен, не входило в ваши намерения. Я воздерживался от ответа, главным образом потому, что мне нечего сказать; это недоразумение будет решаться отделом кадров вместе с отделом ИТ, и когда они вас найдут... вы будете уволены. Ваш босс, Рим Блэкберн.

Постскриптум: Очевидно, вы были пьяны, когда сочиняли это письмо, и оно является результатом употребления алкоголя.

Жен некоторое время молчит, прежде чем сказать:

— Он действительно написал слово «постскрипtum»? Или ты так прочитала?

Мои губы растягиваются в легкой улыбке. Гребаный Рим и его формальности. По какой-то причине мне кажется милым, что он на самом деле написал слово «постскрипtum».

— Он написал.

— Вот придурок. — Подруга издает долгий вздох.

— Он не придурок, — громко шепчу я. — Он прециозный.

Оглядываясь назад, можно сказать, что в его электронном письме нет *реального* смысла, просто обычный ответ отдела кадров, очень дипломатичный, очень... босс Рим в своем стиле.

Отсюда чувствую, как Жен закатывает глаза.

— Итак, как собираешься отвечать?

— Я не собиралась. Думаешь, мне следует?

— Пейтон, он ответил тебе по электронной почте, так что не упусти эту возможность.

Не тупи.

— Боже, вот как, спасибо. — Я смеюсь.

— Своим последним предложением он ясно дал понять, что ведет себя, как полный идиот, так что прими это.

— Думаешь, это было намеренно?

Она обдумывает мои слова, и я слышу, как она хмыкает.

— Зная его? Вероятно, нет. Если бы это был кто-то другой, я бы сказала «да». — Жен делает паузу. — Почему я не слышу щелканья твоей клавиатуры?

— Почему ты такая властная?

— Потому что пытаюсь тебе помочь. А теперь дерзай.

— Что я должна написать? — Кусаю ноготь большого пальца.

— Называй его мистер Блэкберн, он это ненавидит.

Я смеюсь.

— Хорошо...

— Не забудь написать, что желаешь покувыркаться с ним. Мужчины любят подобную хрень — даже люди-роботы, такие, как Рим.

— Женевьева.

Я представляю, как она пожимает плечами.

— Пожалуйста, ты знаешь, что это правда. У него палка в заднице.

— Ты собираешься оскорблять Рима или помочь мне?

— Ничего не могу с собой поделаться.

— Я вешаю трубку.

— Подожди. Подожди. Поставь меня в скрытую копию, хорошо (*прим. пер.: скрытая копия — графа, куда помещаются контакты, которые не будут видны другим получателям.*)?

— У тебя серьезные проблемы. Ты знаешь это?

— Ага, ты говоришь мне все это дерьмо. Кто-то идет. Мне пора. Отправь мне копию.

Линия обрывается, и я остаюсь одна.

Глаза прикованы к монитору, губы сжимаются в тонкую линию.

Щелчок.

Щелчок, щелчок, щелчок. Мои руки летают по клавиатуре сами по себе, вся осторожность испарилась вместе с моим заявлением об увольнении, которое теперь подано

В отдел кадров.

Я уже нарушила проклятую деловую этику, и кто знает, сколько еще... почему бы не пойти ва-банк?

Пошло всё на фиг!

Посмотрим, смогу ли я его спровоцировать? По крайней мере, узнаем, смогу ли я заставить могучего Рима Блэкберна испытывать неловкость.

Мистер Блэкберн,

Я уверена, вы думаете, что мне должно быть стыдно за то, что я отправила то электронное письмо, и, возможно, я должна чувствовать себя немного виноватой? Но я не стыжусь и, к сожалению, не испытываю никакой вины. Сюрприз-сюрприз, это было великолепно, и я не буду извиняться за то, что рассказала вам о своих чувствах. Возможно, я сделала это в грубой или вульгарной форме — определенно это не было круто, — но, по крайней мере, я наконец-то призналась.

Я не извиняюсь за свое поведение, потому что похлопываю себя по спине за то, что у меня хватило смелости высказаться.

Еще несколько моментов, прежде чем я закончу это сообщение...

Ты не найдешь меня, но можешь попытаться.

Поскольку ты большой поклонник постскриптумов, вот тебе один: не алкоголь заставил меня написать тебе. Он просто придал мне смелости, в которой я нуждалась, чтобы признаться.

Я всё ещё хочу покувыркаться с тобой. Что скажешь на ЭТО?

С любовью, искренне,

Трезвая.

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Дорогая Трезвая,

Наша переписка должна прекратиться. Это крайне неэтично, неподобающе и противоречит политике компании. Я отправил вам электронное письмо не для того, чтобы добиться вашей реакции. Я ответил только, чтобы предупредить вас и изложить последствия такой переписки. Этот односторонний флирт закончится прямо сейчас.

РМБ

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

Возможно, тогда тебе стоит перестать отвечать мне по электронной почте, если это «так неприлично». И пока ты это делаешь, прекрати лгать себе. Если бы тебе это не нравилось — хотя бы немного, — ты вообще бы не нажимал кнопку «Ответить». Признай это.

СЛИТ (С любовью, искренне, твоя)

Постскриптум: что означают твои инициалы?

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Ваша способность следовать простым указаниям заставляет меня усомниться в вашей способности быть надежным сотрудником.

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

Твоя неспособность ответить на такой простой вопрос, как «Что означают твои инициалы?» подтверждает правильность титула, которым тебя наградили в этом офисе: напыщенная задница.

Постскриптум: Я все еще хочу покувыркаться с тобой, напыщенная задница ты или нет. Или, возможно, потому что ты... судить ещё рано.

РИМ

Щелчок.

Стереть.

Щелчок.

Стереть.

Я верчу ручку, зажатую между пальцами, не сводя глаз со своего компьютера.

Перечитывая её электронное письмо снова и снова.

Напыщенная задница. Меня называли и похуже, и я вел себя ещё хуже. Её слова меня не смущают. По крайней мере, эти слова не смущают.

Именно её постскрипtum заставляет меня усомниться в своем здравомыслии, когда мой палец нависает над кнопкой «Ответить». Это должно закончиться прямо сейчас. Я должен удалить эту ветку электронной почты и начать просматривать макеты, которые Джордж принес мне в офис сегодня утром для нашей новой женской линии.

Вздыхнув, нажимаю красный крестик в верхнем углу и сворачиваю письмо. С глаз долой.

Сосредоточься.

Это безрассудное поведение отнимает у меня слишком много времени.

Макеты. Мне нужно посмотреть макеты. Подношу эскиз к глазам, обращаю внимание на цвета и тип шрифта. Эффектный и...

Я всё ещё хочу покувыркаться с тобой.

Бл*дь.

Тип шрифта. Эффектный и женственный. Картинка могла бы быть и лучше, её можно было бы использовать...

Где её можно было бы использовать? Изучаю фотографию, дерзкая женская задница в штанах для йоги привлекает моё внимание.

Я всё ещё хочу покувыркаться с тобой.

Эти слова нависают надо мной, как дождливое облако, обрушившееся на меня сверху, убивая любой вид трудовой этики, который у меня мог бы быть.

Иисус Христос.

Бросаю макеты и отталкиваюсь от стола, тяжело выдыхая. Встаю и расхаживаю по кабинету, закатывая рукава своей черной рубашки на пуговицах. Сегодня я не надел темно-синий костюм. Не мог. Не хотел, чтобы у той девушки сложилось впечатление, что мне нравятся её комплименты или что я хочу большего.

Но это было заманчиво, чертовски заманчиво.

Шагая взад и вперед, провожу рукой по волосам, изо всех сил пытаюсь понять, что делать с этим письмом. *Ответственный* генеральный директор удалил бы его на хрен и двигался дальше. Сексуально озабоченному генеральному директору, в жизни которого уже много лет не было ни капли вожделения, любопытно узнать, какие еще письма может отправить загадочная женщина.

Я также ломаю голову над тем, чтобы выяснить, кто это.

Хотите знать, насколько я жалок на самом деле? Я провел все выходные, просматривая

наш список сотрудников, разделил их в электронной таблице на мужчин и женщин, затем по семейному положению и в базе данных выделил незамужних женщин.

Затем я начал искать их в социальных сетях, пытаюсь определить тех, у кого были парни.

Это был самый унижительный момент в моей жизни, но, бл*дь, это сводит меня с ума.

Мне удалось собрать группу из двадцати двух женщин.

Двадцать две незамужние женщины, которых нужно проанализировать.

Список лежит на моем столе, распечатан и привлекает моё внимание каждые несколько секунд — это не что иное, как отвлечение внимания и единственная причина, по которой я сегодня ни хрена не работал.

Уставившись на имена в списке и макеты, чешу челюсть, грубая щетина царапает мои пальцы, пока я разрабатываю план.

Если я не могу работать, потому что пытаюсь выяснить, кто эта загадочная девушка, почему бы не попытаться убить двух зайцев одним выстрелом?

Отправляясь на задание, хватаю список со стола и распахиваю двери своего кабинета. Кладу лист на стол Лорен со словами:

— Совещание в зале заседаний совета директоров через десять минут. Все женщины из этого списка обязаны присутствовать. Убедитесь, что макеты стоят на мольбертах.

Вздвогнув, Лорен берет бумагу в руки и быстро просматривает её.

— А что, если они на другом совещании?

Возвращаясь в свой кабинет, говорю:

— Тогда пусть уйдут оттуда.

Дверь захлопывается за мной. Вода, мне нужно немного гребаной воды перед этой встречей.

Я наблюдаю за девушками, внимательно изучаю их, когда они входят друг за другом и усаживаются на черных стульях конференц-зала, сначала заполняя задний ряд. Никто не хочет сидеть впереди. Я не виню их.

Скрестив руки на груди, с хмурым выражением лица стою в стороне, мой пиджак остался в кабинете, так как меня бросило в жар от чувства отчаяния.

Воцарилась тишина. Тихий щелчок закрывающейся двери конференц-зала эхом разносится по небольшому пространству. Отойдя от стены, оцениваю всех. Море блондинок, брюнеток и черноволосых — одна рыжая — сидят передо мной, в их взглядах читается любопытство, некоторые раздражены, некоторые до смерти напуганы, никогда ранее не бывавшие на собраниях. Обычно я не обращаюсь в бухгалтерию с просьбой поделиться своим мнением об эскизах, но, как я уже сказал, у меня скрытые мотивы.

Молча, засунув руки в карманы, хожу по комнате, замечая в женщинах маленькие детали.

Волосы уложены, завиты и сбрызнуты лаком, чтобы ни один волосок не выбился из прически.

Черная тушь под глазами после долгого рабочего дня.

Водолазка, скрывающая всё ещё заметный засос. Хорошая попытка.

Размазанная красная помада.

Очки, которые необходимо вытереть.

Пейтон.

Слишком громко пьет через соломинку.

Накрашенные ногти, стучащие по iPad.

Подождите... Пейтон. Я снова перевожу на неё взгляд, видя, как она выпрямляется на своём месте, вертя ручку в руке, готовая делать заметки. Она не излучает уверенность, но и не съезживается на своем месте, как некоторые другие женщины.

Хмм...

Обогнув стол, ловлю взгляд другой сотрудницы с противоположного конца стола, её глаза опущены, но каждые две секунды она поглядывают на мой пах. Я изучаю её: рыжие волосы, веснушки, украшающие её фарфоровую кожу, и традиционно зеленые глаза, подчеркнутые темной подводкой. Симпатичная.

Я не помню её имени и не припоминаю, чтобы искал её в социальных сетях. Услышала ли она о собрании и сама пришла?

Быстро пересчитываю головы в комнате. Двадцать незнакомых девушек.

Как это возможно, что я не знаю никого по имени, в то время как они работают на меня? Ладно. За исключением Пейтон Левек, а она увольняется из компании.

Делаю мысленную пометку поискать рыжую, когда вернусь в свой офис.

Покашливание одной из женщин привлекает моё внимание к заднему ряду, где сидит Пейтон. Её рука поднята, как будто она в начальной школе, а я учитель.

Какого черта она хочет?

Не в настроении для её выходок, спрашиваю:

— Что?

Ни на гребаную секунду не сомневайтесь, что я не замечаю, как Пейтон тяжело сглатывает, прежде чем задать вопрос:

— В чем смысл в этой встрече? У меня очень важный телефонный звонок через десять минут, и я хотела бы побыстрее начать.

Моя челюсть сжимается, её неподчинение поражает меня, усиливая моё раздражение до опасного уровня.

Заняв позицию во главе стола, опираюсь ладонями о прохладное стекло и пригвождаю её своим взглядом.

— Если у вас проблемы с посещением этого собрания, мисс Левек, то почему бы вам не оказать нам всем услугу и не собрать свои вещи пораньше? Мы прекрасно обойдемся без вас.

Сложившись, словно карточный домик в переносном смысле, она откидывается на спинку, вжимаясь в стул.

— Я отправлю им электронное письмо с сообщением, что меня задержат.

Одариваю её снисходительной улыбкой и обвожу рукой на зал.

— Пожалуйста, напишите им, пока мы ждем вас.

Во время нашей перепалки от моего внимания не ускользают потрясенные вздохи.

Все взгляды устремлены на неё, Пейтон возится со своим телефоном, печатая пальцами со скоростью миля в минуту, затем отправляет электронное письмо. Закончив, кладет телефон на колени и уделяет мне всё своё внимание.

— Вы готовы, мисс Левек? Мы можем продолжать?

Скривив губы в одну сторону и прищурился глаза, она отвечает своим нахальным ртом:

— Можете продолжать.

Христос. Любого другого я бы уже уволил, но после разговора с Джорджем во время

одной из еженедельных встреч с руководителями всех моих отделов я понял, что он переживает из-за ухода Пейтон и пытается узнать у неё как можно больше информации, прежде чем она уйдет.

Видимо, она настоящий клад компании, который он хотел бы, чтобы мы сохранили.

Эскизы.

Выпрямившись, поправляю складки на рукавах и говорю:

— Я собрал вас всех здесь, чтобы проверить вашу реакцию на макеты новой женской линии, которую мы скоро выпустим. — Частичная правда.

Судя по всему, это может быть рыжеволосая подруга, которая, кажется, не может удержаться от того, чтобы не облизывать свои губы каждые две секунды.

— У каждого будет возможность высказаться, я хочу услышать вашу первую реакцию на рекламу. Начнем с... — Указываю на рыжую.

Она указывает на себя, выпячивая грудь, пуговицы на рубашке натягиваются. Ё-мое, из какого отдела эта девушка? Я даже не могу воспринимать её всерьез.

— Да, вы. Представьте и назовите свой отдел.

Лукаво улыбаясь, рыжая говорит:

— Я Саша из отдела маркетинга. Я прохожу стажировку, чтобы занять место Пейтон. — *Ах, вот почему я её не знаю — она новенькая.* Быстро ловлю взгляд Пейтон, поворачиваясь в её сторону.

Похоже, Пейтон не согласна со своей заменой. Это заставляет меня смеяться в душе.

Если Саша только начинает, она не может быть автором тех электронных писем.

Вычеркиваю её из своего списка в уме.

— Моя первая реакция на рекламу. — Она стучит указательным пальцем по подбородку. — Супер красивая.

П*здец.

Это замена, которую мы нашли вместо Пейтон? Она должна продемонстрировать знание рынка, и все, что она может сказать, это красиво?

Я поговорю с Джорджем.

Прижав язык к зубам, стараясь не наброситься на новенькую, киваю следующей девушке, побуждая её представиться.

Дрожащим голосом она говорит:

— Здравствуйте, я Диана и-из бухгалтерии, и на рекламу приятно смотреть.

Еще один победитель.

Ещё один сотрудник, которого я вычеркиваю из своего списка.

Передвигаемся по комнате в быстром темпе.

Марджи из архива считает, что реклама симпатично размещена.

Саманте из отдела маркетинга нравится шрифт.

Тереза из приёмной хочет, чтобы её задница выглядела так же привлекательно.

Хихиканье за столом

*Пристрелите меня, бл*дь, сейчас же.*

Потянув себя за волосы, подхожу к Пейтон, которая прижимает ручку ко рту, сосредоточенно изучая макеты.

Она, должно быть, привела себя в порядок за выходные, потому что вместо мокрых волос и платья-тренча, её длинные волосы, завиты и ниспадают по плечам, и на ней черная туника поверх рубашки на пуговицах в черно-белую полоску. Она выглядит

профессионально, как и в тот день, когда ушла в отставку.

Девушка молчит, наклонившись со стилусом (*прим. пер.: Стилус — ручка (небольшая металлическая или пластиковая палочка) со специальным силиконовым наконечником, которым нужно касаться сенсорной поверхности.*) наготове у экрана.

И всё же...

— Пейтон, похоже, вы хотите что-то сказать.

— Я? — выпаливает она, очевидно, пытаясь выглядеть небрежно, но безуспешно. — Возможно, у меня есть несколько мыслей.

— Пожалуйста.

Она прочищает горло, маша в воздухе ручкой, словно указкой.

— Что бы я сделала? Что бы я сделала? Я думаю... — Теперь она жуёт, прикусывает чёрный колпачок, ровными ослепительно белыми зубами. — Я думаю, что они потворствуют нашей аудитории. Это чересчур. Для начала слишком много разных шрифтов — их должно быть только три, это эмпирическое правило дизайна. — Пейтон окидывает комнату извиняющимся взглядом.

— Продолжайте.

— Три шрифта, но здесь я насчитала пять. — Теперь она несколько раз постукивает стилусом по планшету. — Кроме того, это слишком многословно.

— Многословно?

— Вы потеряете людей из-за всего этого текста. Нужно быть проще. Восемь слов или меньше для заголовка.

Мои ноздри раздуваются.

— Что-нибудь ещё?

Я плачу своим маркетологам хорошие деньги за это дерьмо — почему Пейтон не включили в команду для новой кампании, когда и так ясно, что она понимает, что нам нужно? А ещё лучше, почему она не возглавила её?

— Да. С меня достаточно.

— Действительно? — спрашиваю я с явным сарказмом.

— Я имею в виду... — Её голос стихает. — Вы сказали, что хотите провести быстрое собрание, а я занимаюсь социальными сетями.

Пейтон пожимает плечами.

Моё тело напрягается. Сжав кулаки по бокам, провожу языком по зубам, чувствуя, как сжимается моя челюсть.

Это собрание было ошибкой. Я ничего не узнаю, особенно когда Пейтон распускает язык, пытаясь быть полезной на публике.

Прежде чем у следующего члена маркетинговой команды появится своё мнение, я подхожу к двери и распахиваю ее.

— Все свободны. Мисс Левек, подождите минутку, пожалуйста.

Тихо и в быстром темпе шаркая, женщины выходят гуськом, счастливые покинуть наполненную напряжением комнату. Не сводя глаз с Пейтон, наблюдаю, как несколько девушек похлопывают её по плечу, прежде чем уйти. Одна толкает её локтем в грудную клетку.

Наверное, её подруги.

Пейтон понадобится поддержка, когда я закончу с ней.

Как только последняя выходит, я захопываю дверь, матовое стекло закрывает нас от

пристальных любопытных глаз в офисе.

Сажусь на один из стульев и перекидываю ногу через колено, принимая небрежную позу, пригвождая Пейтон взглядом «не еб* мне мозги».

Мы сидим в тишине, она теребит свои волосы, а я неподвижен, как проклятая статуя. Я могу сидеть здесь весь гребаный день, пугая её своим пристальным взглядом.

Непоколебимый и чертовски серьезный, вот кто я такой.

Никто не разговаривает со мной так в моем зале заседаний, не говоря уже о других сотрудниках.

Пейтон ходит по тонкому льду, даже если была права насчет рекламной кампании.

— Что это было?

— Вы спросили, что я думаю о рекламе. И я ответила.

— Это было до того, как я понял, что ты собираешься разнести всё в пух и прах.

— Вы хотели, чтобы я солгала? Я тоже могу это сделать. — Она прочищает горло, сжимает губы в тонкую линию и улыбается. — Реклама и так прекрасна. Ничего не меняйте.

Мне не смешно.

— Видите? Я могу лгать.

— По шкале от одного до десяти, насколько плохой рекламный текст?

— Семь целых пять десятых.

Дерьмо.

Я потратил сорок тысяч долларов на макет, от которого никто не в восторге.

— Вам ещё что-нибудь было нужно, сэр?

Поднимаю голову при слове «сэр»; она использовала его намеренно.

— Больше мне ничего не нужно. — По крайней мере, в данный момент. — Вы можете идти.

Да, я знаю, что сейчас веду себя как упрямый осел. У Пейтон наметанный глаз, и, похоже, что у неё есть фантастическая идея. Но я не могу заставить себя обратиться к ней за советом, потому что всё, чего я хочу сейчас, это засунуть свой язык ей в горло.

Твою. Мать.

ПЕЙТОН

— Чего хотел твой любовничек?

Когда раздается смущающе громкий голос Женевьевы, я резко поворачиваю голову и оглядываюсь по сторонам.

— Не могла бы ты говорить потише?

— Извини. Мы умирали от любопытства. Блэкберн, наконец, хочет покувыркаться с тобой?

Если бы.

— Нет, Жен. Он хотел поговорить о новой рекламной кампании. Знаешь, потому что мы на работе?

— Ох. — Клянусь, ее плечи поникли. — И это все?

— И это все. — Закатываю глаза. — Тебе не нужно выглядеть чертовски расстроенной из-за этого.

— Нужно. У меня от этого многое зависит.

— Хм?

— Ничего. Просто маленькое пари с Ким и Вив.

Поднимаю ладонь, заставляя ее замолчать.

— Пожалуйста. Не говорите мне. Я не хочу знать.

Женевьева смеется.

— Так что еще босс сказал?

— Не так уж много. — Я пожимаю плечами, пытаюсь вести себя как можно спокойнее, а не так, будто меня только что отчитал мужчина, в которого я влюблена. — Это не имеет большого значения.

И все же, имеет. Это было грандиозное событие, потому что, пока он высмеивал меня в своей классической манере Рима Блэкберна, я не могла удержаться от того, чтобы пялиться на него.

Его черная рубашка подчеркивала глаза бледно-серебристого цвета, рукава были закатаны, демонстрируя накачанные предплечья. Темная и сексуальная щетина на подбородке. Нахмуренный взгляд и четкая линия бровей, пугающая и офигительно сексуальная.

И то, как его глубокий голос окутывал меня, вызывая волну бабочек в моем животе.

Я так отчаянно желала сказать ему, что электронное письмо было от меня, и что я больше всего на свете хочу последовать за ним в его кабинет. Но вместо этого мое лицо стало ярко-красным, я съёжилась на своем месте, и когда Рим принял мои извинения, убежала прочь, поджав хвост.

Жен прислоняется спиной к стене моей кабинки и вздыхает.

— Ну, я думаю, могло быть и хуже, Рим мог тебя уволить.

— Он не может меня уволить, потому что я уже подала в отставку. — Прикусываю щеку изнутри. — Хотя я действительно удивлена, что он не упаковал мое барахло. Я реально думала, что так и будет.

— Блэкберн сказал, почему не сделал этого?

Хитрая улыбка растягивает мои губы.

— Джордж.

Жен хлопает в ладоши и смеется.

— О, чертовски некомпетентный Джордж. Он будет так потерян без тебя.

Мне жаль Джорджа. Такой хороший мужчина, но ему придется нелегко, ему по-крупному не повезло.

— Возможно, Джордж немного некомпетентен, но, по крайней мере, он ценит хороших сотрудников, в отличие от Рима. — Перекидываю волосы через плечо, вызывая у Жен смех, как раз в тот момент, когда мне приходит новое сообщение на почту.

Останавливаю свой взгляд на письме от Рима.

Письмо.

Поворачиваюсь на стуле, уделяя все свое внимание компьютеру.

Шепотом говорю:

— Жен, это он.

Издав ликующий звук, подруга подается вперед и тихо хлопает в ладоши.

— Что он написал?

Сделав глубокий вдох, с нелепой улыбкой на лице открываю письмо.

Мы с Жен читаем одновременно.

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Вы понимаете, что в своем последнем письме назвали генерального директора этой компании напыщенной задницей? Продолжайте сыпать оскорблениями. Не могу дождаться, когда найду вас и увижу, как вы упадете лицом в грязь, потому что моя напыщенная задница вышвырнет вашу жалкую задницу на улицу.

А пока наслаждайтесь своими маленькими электронными письмами. Они лишь втягивают вас в новые неприятности.

РМБ

Прикусываю кончик пальца, немного нервничая.

— Э-э, Жен?

— Да?

— Ты не думаешь, что Рим может сделать что-то большее, нежели уволить меня? Например, подать на меня в суд или что-то в этом роде, верно? — Я грызу ноготь.

Жен усмехается и качает головой.

— Ни за что. Он не сделает этого — это бы вызвало негативную реакцию прессы. Ты должна прочитать его угрозы и глубже вникнуть в смысл письма. Рим проверяет тебя. Пытается напугать. Он хочет увидеть, насколько серьезны твои намерения. Если бы босс на самом деле собирался положить этому конец, он бы создал оперативную группу в отделе ИТ, чтобы выяснить, кто прислал то электронное письмо. Ничего такого не было. Поверь мне, он заинтересован.

— Ты так думаешь?

Подруга кивает и снова обращает мое внимание к компьютеру.

— Я знаю. Напиши этому мудаку.

Задумываюсь об этом на секунду. Мне правда продолжать переписку? Я не хочу основывать новую компанию, в то время как Рим Блэкберн злится на меня. Я имею в виду, он уже в ярости, и если узнает, что я отправитель, думаю, он может сорваться, особенно после того, что произошло сегодня.

У Рима есть власть, чтобы запятнать мою репутацию в этом бизнесе. Это то, чем я готова рискнуть?

Вспоминаю его напряженный взгляд, когда его трясло от гнева. Но больше мне запомнилась небольшая ухмылка, которую я заметила на его лице, когда он выходил из зала заседаний.

Цепляюсь за этот образ, пока печатаю ответ.

Чувствуя себя слишком игривой для понедельника, я встаю и протягиваю Жен свой телефон.

— Сфотографируй мою задницу.

— Что? — Подруга хмурится.

— Просто сделай это. У меня есть план.

— Эм-м-м... хорошо. — Она подносит телефон к моей заднице, и я поворачиваюсь боком, показывая свои изгибы, немного выпячивая попку.

— Не захватывай фон, только задницу.

Жен делает фотографию, думая, что я сошла с ума. Я отправляю ее себе по электронной почте. У меня есть планы, большие планы.

РИМ

Прошло семнадцать часов.

СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ с этим богом забытым письмом, прожигающим дыру в мое почтовом ящике. Я пообещал себе, что не буду его открывать.

Оно не стоит моего времени. И маленькая скрепка в правом углу, указывающая на вложение, меня тоже не волнует, ага. Вероятно, это какая-то странная картинка сверкающей розы или что-то в этом духе. Роза от моей тайной поклонницы. Какая-то глупая девчачья херня.

Мне не нужна гребаная роза. Мне нужно вытащить голову из задницы и работать.

Потягиваю кофе, барабаню пальцами по столу, верчу ручку в руке.

Устремляю взгляд на электронное письмо.

Попиваю свой кофе.

Навожу палец на письмо.

Что, если это не какая-то дурацкая сверкающая гифка? Что, если это ее фотография? Сделала бы она ее? Или еще лучше, возможно, там нечто большее.

Стискиваю зубы, взвешивая свои варианты.

П*здец.

Зажмурив глаза, нажимаю на письмо и молю о розе.

Пожалуйста, будь розой, пожалуйста, будь розой. Ради бога, будь гребаной розой.

Приоткрываю левый глаз, готовясь быть ослепленным GIF-изображением, когда внизу письма вижу превью картинки.

Фотография идеально соблазнительной задницы.

Дерьмо.

Проведя рукой по лицу, резко выдыхаю и читаю ее электронное письмо.

Дорогая Напыщенная Задница,

Раз уж мы заговорили о задницах, решила послать тебе свою фотографию. Не утруждай себя, не вглядывайся слишком пристально. Я сразу могу ответить на твой вопрос; нет, я не ношу нижнее белье.

Я такая дерзкая, да? < — Игра слов (прим. пер.: cheeky — переводиться как «дерзкий», и «открывающий ягодицы»).

Ладно, твоя очередь, пришли мне фото своей задницы.

Постскриптум: Мне нравится, когда ты закатываешь рукава своей классической рубашки. От этого мне хочется еще больше покувыркаться с тобой.

Еб*ть.

Откинувшись на спинку стула, провожу руками по лицу, а затем снова наклоняюсь вперед, щелкая на изображение внизу.

На весь экран открывается фотография самой красивой гребаной задницы, которую я когда-либо видел. Облаченная в обтягивающие черные штаны, ее попка выгнута дугой, по ней хочется провести рукой, обхватить ладонью, хочется, бл*дь, отшлепать.

Я устраиваюсь поудобнее в своем кресле, изучая изгиб ее задницы и фон позади. Похоже, она в кабинке, а это значит, что это может быть КТО УГОДНО. Здорово.

И черные штаны? Ничего не дают.

Я еще немного наклоняюсь вперед, пытаюсь понять, узнаю ли я...

Дверь в мой кабинет распахивается, и входит Хантер с леденцом во рту и ухмылкой на лице.

В отчаянии пытаюсь нажать кнопку выхода, но уже слишком поздно. Хантер замечает, что я паникую, его ухмылка превращается в широкую улыбку, когда он обходит мой стол и рассматривает задницу на моем экране.

— Так, так, так, что у нас здесь? — Одна его рука на моем столе, другая вцепилась в спинку стула, он наклоняется вперед, чтобы рассмотреть фотографию.

— Мать честная, чья это попка? — Я не отвечаю Хантеру, и ему требуется всего две секунды, чтобы сообразить. — Это та таинственная девушка? Бл*дь, чувак, у нее отпадная задница.

Он хлопает меня по спине.

Отмахиваясь от него, говорю:

— Да, это так.

— Она сообщила тебе свое имя?

— Нет. — Я снова беру ручку и начинаю возиться с ней. — Она неумолима. Мои угрозы на нее не действуют.

— А они должны? Если твое дурацкое служебное письмо не остановило ее, почему ты думаешь, что это сделают твои сообщения? Кроме того, почему ты хочешь, чтобы это прекратилось?

— Напомнить тебе о политике компании?

Хантер машет мне рукой и сосет свой леденец. Сосет. Издает соответствующие звуки.

— Успокойся и отправь ей фотку члена.

— Ты психопат. Я не буду посылать ей фотографию члена.

— Почему нет? Поговорим о том, как чертовски шокировать ее. Просто засунь мобильный в штаны, быстро сделай снимок и отправь. — *Этот человек — мой лучший друг. Он впервые меня видит?*

Даже за миллион лет я бы никогда не отправил фото члена.

Скрещиваю руки на груди и изучаю своего друга-идиота.

— Есть причина, по которой ты здесь?

Из заднего кармана Хантер вытаскивает мятую пачку бумаг, скрепленную степлером в углу, и бросает мне.

— Принес тебе те отчеты, которые ты просил.

Я смотрю на сложенные листы на столе, а затем перевожу взгляд на своего друга.

— Ты знаешь, как отправлять электронные письма, так какого хрена ты приносишь мне печатную копию?

Он пожимает плечами.

— Мне просто нравится видеть твое сердитое лицо. Это делает меня счастливым.

Какого хрена мы дружим?

— Убирайся, пока я не потерял рассудок.

— Воу, воу, воу. Дружище, тебе нужно успокоиться. Посмотри, как ты напряжен. Господи, отдохни. — Хантер снова сосет леденец, причмокивая. — Мы давно дружим, и, поверь мне, я восхищаюсь твоей трудовой этикой. Отчасти жаль, что во мне нет ничего подобного. — *Мне тоже.*

— За последний год ты стал отшельником, и я начинаю волноваться. Ты мой лучший друг, и я не хочу видеть, как ты склеишь ласты в тридцать пять из-за того, что отказываешься от каких-либо развлечений. — Хантер причмокивает и сосет. — Хоть раз расслабься. Кто знает, если ты действительно будешь отвечать на эти письма, возможно, почувствуешь себя менее напряженным, будешь менее злобной сучкой в офисе и более удовлетворенным, когда придешь домой. — Он пожимает плечами и встает со стула. — Ты не знаешь, кто она, так что тебе терять? Ничего. Но ты можешь многое получить.

Уходя, Хантер пожимает плечами со словами:

— Расслабься, чувак. Это пойдет тебе на пользу.

Дверь моего кабинета захлопывается. *Почему он всегда так делает? Почему никогда не может тихо закрыть дверь?* Я возвращаюсь обратно к компьютеру, когда дверь снова приоткрывается, и Хантер просовывает голову.

— Кстати, не хочешь распечатать для меня эту фотку? Я могу ходить, сравнивать, сопоставлять и отчитываться тебе. Я не против заниматься такой работой.

— Убирайся отсюда на хрен.

Его смех эхом разносится за дверью, когда она снова ее захлопывает.

Гребаный придурок.

Провожу рукой по волосам и еще раз смотрю на фотографию, слова незнакомки звенят в моей голове.

Мне нравится, когда ты закатываешь рукава своей классической рубашки.

От этого мне хочется еще больше покувыркаться с тобой.

Бл*дь...

Хантер прав? Нужно ли мне больше расслабляться?

Я действительно провожу просто невообразимое количество времени в офисе, но оправдываю это тем, что у меня нет ни девушки, ни семьи — так что же мне еще делать со

своим проклятым временем? Сидеть дома, сложа руки? Нет. Я трачу это время на свою компанию.

Раньше я был веселым. Типа того.

Раньше я чаще выходил куда-то, но это было до того, как компания начала расти, и мне нужно было заботиться о сотрудниках. Создавать рабочие места и развивать бренд. Бренд, который я чертовски люблю.

Любовь.

Это чувство, о котором я не думал — до сих пор.

До того момента, пока эти гребаные электронные письма не дают мне спать по ночам, и теперь я думаю о всякой ерунде, например, о том, чтобы расслабиться и немного повеселиться. Что совсем не похоже на меня.

Моя сосредоточенность ни к черту. В последнее время я все больше времени провожу в маленькой кофейне возле дома, наблюдая за людьми. Блин, я даже думал о том, чтобы завести собаку.

Господи, ад действительно начал замерзать.

Сдавшись, наклоняюсь вперед в своем кресле и решаю последовать совету Хантера и ответить ей — ужасное решение, я знаю, — но на данный момент он прав, что мне терять?

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Мисс КакТамВасЗовут,

С сожалением сообщаю, что я не буду отправлять вам фото. Я генеральный директор этой компании и предпочитаю скрывать все части своего тела, включая фотографии своей задницы. Подозреваю, что вы ожидали такого ответа от меня, но я скажу вам вот что: ваша задница официально является заставкой на моем рабочем столе. Спасибо за это.

Постскриптум: Все еще пытаюсь выяснить, кто вы, пока глазею на неуместное изображение ваших ягодиц.

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

Ты это слышал? Это была моя челюсть, которая упала на пол от твоего ответа. Позволь мне подвести итоги:

- 1. Ты считаешь, что моя задница сексуальна (Спасибо, я делаю выпады).*
- 2. Если моя задница у тебя на заставке, мне бы хотелось увидеть доказательство.*
- 3. Я начинаю тебе нравиться.*

Признайся, ты с нетерпением ждешь моих писем. Если бы это было не так, моя задница не украшала бы экран твоего ноутбука.

Постскриптум: Что означает твоя средняя буква в инициалах? Порадуй меня. Я обращаю внимание на детали...

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Мисс...

Ты понимаешь, что помимо того, что я имею дело с этой ситуацией, я также должен поддерживать на плаву маленькую утомительную компанию из списка Fortune 500? Флирт и уклонение от твоих любопытных вопросов должны быть последней из моих забот.

К твоему сведению: посмотри прикрепленную фотографию моего рабочего стола. Признаю, на твою попку не так уж плохо смотреть.

Постскриптум: РМБ — Рим Майкл Блэкберн

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

Знаешь, Рим, чем больше подробностей ты рассказываешь мне, тем больше я хочу... ты понимаешь. Покувыркаться с тобой. Извини, что так выражаюсь, но я была пьяна и импульсивна, и слово прижилось. Чем больше подробностей ты рассказываешь, тем больше мне хочется тебя обнять. Как насчет того, чтобы наверстать упущенное на свежеочищенных копировальных устройствах? Или на свежевыстиранном комплекте белых хлопчатобумажных простыней?

*Постскриптум: твое второе имя делает тебя человеком. Мне нравится знать вторые имена людей, на которых я хочу накричать. **пожимаю плечами***

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

*Во-первых, меня не смущает слово «кувыркаться» — я мужчина, я могу использовать слова «перепихон», «трах», и «е*ля». Заниматься любовью? Нет. Обниматься? Алё. Я не делал этого со времен... неважно. Я не люблю обниматься.*

Объятия для маменькиных сынков. Настоящие мужчины НЕ ОБНИМАЮТСЯ.

Время исповеди: ты была одной из тех, кто занимался сексом на копировальной машине в кладовой? Я пришлю тебе счет за уборку.

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

Нет. Я не та, кто «получил наслаждение» (цитирую певца Марвина Гэя) на копировальных аппаратах, но я знаю, кто это сделал. Пришли мне счет за уборку, и я передам виновным. Да, во множественном числе. Это случается чаще, чем тебе, вероятно, хотелось бы. Возможно, следует ужесточить политику служебных романов, которую ты так любишь?

И для протокола: если бы мне пришлось трахаться в офисе, то уж точно не в копировальной. Это так безвкусно. Вопиюще. Это бы произошло в твоем кабинете, я была бы прижата к одному из больших окон. Еще лучше.... наклонена над твоим массивным... письменным столом.

Постскриптум: наверное, мне не стоит тебе этого говорить, но какого фига? Я мечтала о нашем сексе в твоём кабинете на каждом совещании.

ПЕЙТОН

Мужчина останавливается рядом с моим столиком в кафе, которое находится недалеко от моей квартиры, отбрасывая тень на мои документы и загорая меня светом.

Поднимаю глаза.

Вверх.

И вот он.

Рим Блэкберн во плоти, в моих краях, выглядящий таким же удивленным, как и я.

Его рот приоткрывается.

Мой тоже.

Он стоит возле моего стола, засунув руки в карманы, и смотрит на меня сверху вниз, почти как темная, сердитая грозная туча. Выражение его лица угрюмое.

— Мисс Левек. — Приветствие Рима сдержанное и формальное, это так на него похоже.

— Мистер Блэкберн, — выпаливаю я в ответ, мило улыбаясь и растягивая оба слога его имени.

Блэк.

Берн.

То, как я произношу его имя, производит желаемый эффект, и он хмурится, как я и предполагала. Так предсказуемо. Такой угрюмый и упрямый.

Такой симпатичный.

Боже, меня до смешного легко раскусить...

Ерзая на деревянной скамейке, на которой просидела более двух часов, левой рукой нащупывая картонную чашку с кофе. Обхватываю ее пальцами, теперь мои руки заняты.

— Вы... встречаетесь здесь с кем-то? — Это кафе не может быть рядом с его домом; район недостаточно фешенебельный. Я представляю своего босса в стеклянном высотном здании, а не в районе, где проживают семьи и бедствующие художники.

— Нет. Я пришел выпить кофе. — Как будто это объясняет, почему он в моей части города, а не в своей.

Издаю звук «ммммм»

— Дайте угадаю. Черный кофе. Без сливок. Без сахара.

Его губы дергаются.

— Неверно.

— Эспрессо.

— Сильно ошибаетесь. — Рим скрещивает руки. — Латте со льдом. Соевое молоко. Три сахара.

— Что! Сахар? — поддразниваю я, улыбаясь шире. — Пьете с сахаром, но он не делает вас приветливее.

Успокойся, Пейтон. Прекрати флиртовать со своим боссом.

Он не кусается.

— Вы всегда приходите сюда?

— Я? Да, когда не работаю на вас. — Что, честно говоря, случается не так уж часто, но

когда у меня есть заказ, я люблю работать именно здесь. Немного хаотично, достаточно суматохи и суеты с нужным количеством шума.

Блокнот лежит в центре моего стола, и ястребиный взгляд Рима останавливается на нем.

— Сегодня без ноутбука?

— Я пурист (*прим. пер.: сторонник классических взглядов*).

— Странно слышать от того, кому платят за работу в сети на протяжении всего дня.

Мне хочется смеяться, отчасти потому, что это правда, но также потому, что выражение его лица представляет собой смесь ужаса, отвращения и восхищения. Не могу решить, какая из них преобладает.

— Что в блокноте?

— Не ваше дело.

Его брови взлетают вверх от удивления. И если бы мне давали пятак каждый раз, когда у этого человека раздуваются ноздри, мне не пришлось бы начинать свой собственный бизнес. Я была бы богата.

— Это блокнот, полный идей, которые изменят новую женскую линию «Roam, Inc»?

Я смеюсь.

— Никаких разговоров о бизнесе. Я не работаю на вашу компанию с — смотрю на невидимые часы на своем запястье, — шести вечера. Извините.

— Вы должны отработать еще девять дней.

Отпиваю из своей чашки.

— Семь.

— Значит, семь дней.

Держу чашку в руках, дуя на кофе.

— Вы платите мне за социальные сети, а не за маркетинговые стратегии. — С огромной радостью указываю Риму на это.

— Но вы занимаетесь этим.

— Конечно, занимаюсь. — Еще глоток. — Вы небрежно отвергли мое предложение во время моего заявления об уходе.

— Потому что вы уволились.

Уходила в отставку.

Огромная разница.

— Вы хоть смотрели мое портфолио?

Рим колеблется так долго, что ему не нужно отвечать.

Я понимающе ухмыляюсь.

— Ах, вы смотрели.

Откидываюсь на спинку стула, злорадствуя, высокомерно изогнув брови.

— Я хороша, не так ли?

Его губы сжимаются в тонкую линию.

Ставлю чашку на стол и раздраженно вскидываю руки.

— Боже мой, почему вы просто не признаете это? Что с вами не так?

Наступает тишина, только звуки кафе заполняют молчание между нами.

— Вы хороши.

Два слова. Произнесенные человеком, который никому не делает комплиментов, его слова имеют значение.

— Спасибо.

— Мне нужно, чтобы в следующие семь дней вы переориентировали свои силы на маркетинг.

Чего-чего?

Издаю языком щелкающий звук.

— Это не входит в мои должностные обязанности.

— Мисс Левек, я могу вам напомнить...

— Я могу напомнить вам, мистер Блэкберн, что сейчас нерабочее время, пятница, и я закончила с «Roam, Inc» на сегодня. — Его рот открывается.

— Вы любите деловые встречи. Свяжитесь в понедельник с моим секретарем. У меня должно быть свободное время в среду.

— У вас есть секретарь? — О, боже. Выражение его лица. Я годами изучала великолепное лицо Рима. *Годами.* Я видела его злым, незаинтересованным, разочарованным и очень редко... слегка счастливым. Но я не видела этого выражения лица. Он потрясен. Боже, как трудно сдержать смех, застрявший в моем горле.

Рим чертовски очарователен.

— Нет. Я просто пошутила. — Клянусь, выражение его лица...

Серебряные глаза прищурились, глядя на меня.

— Вы наслаждаетесь всем этим, не так ли?

— Ммм. Очень, очень сильно. — Безмерно.

— На следующей неделе у вас будет четыре дня до даты увольнения.

— Ага. — Поправляю волосы. — Не так много времени, да?

Я почти слышу, как его ягодицы сжимаются от раздражения. Мое сердце колотится, понимая, куда он ведет разговор.

— Вы собираетесь принудить меня, не так ли?

— Что вы имеете в виду?

— Я не собираюсь заключать с вами договор субподряда после того, как вы уйдете из компании. Вы не заставите меня.

Уф.

Господи, он такой упрямый.

— Заставлять вас? Я? Я — ласковая киска, — я практически мурлычу, и при слове «киска» лицо Рима Блэкберна приобретает розоватый оттенок, который я видела только на своем лице в зеркале.

Рим Блэкберн краснеет.

Интересно.

Открываю блокнот и достаю глянцевую визитную карточку, спрятанную в боковом кармане. Кладу ее на стол идвигаю вперед кончиком указательного пальца.

— Вы знаете, где меня найти, когда я вам понадобится.

Он нуждается во мне.

Рим фыркает, карточка остается на месте на краю стола.

— Возьмите. Не стесняйтесь, — уговариваю я. — Она не укусит.

Его руки остаются в карманах, где они и были все это время.

— Не будьте таким упрямым. Мы оба знаем, что вы приползете ко мне через семь дней, когда я уйду из компании. Желательно на четвереньках.

— Я никогда не ползаю.

— Брр, не понимайте все настолько буквально.

— Я не буду умолять вас работать на меня.

— Я уже работаю на вас.

— Вы знаете, что я имею в виду. — Мужчина практически закатывает свои холодные платиновые глаза. — Этого не произойдет.

— Хорошо. Как скажете. — Делаю глоток.

Еще один.

Улыбаюсь.

— Вы, — начинает Рим, но затем замолкает.

— Я... — нахально произношу я.

Он вытягивает руку из кармана своих темных джинсов и обвиняюще указывает на меня. Его рот разинут, он готов ответить мне.

Скольжу взглядом в сторону кассира.

— Очередь становится длинной. Вам следует опустить палец и пойти туда.

— Вы указываете, что мне делать? — Хотелось бы.

— Указываю вам? Нет. — Возможно, немного. Проверка моих границ? *Безусловно.* — Я просто предлагаю вам встать в очередь, пока она не стала еще больше.

— Я уже иду.

Еще одна покровительственная улыбка.

— Тогда идите.

Ноги Рима приросли к бетонному полу, глаза прищурены.

— Прекратите.

— Прекратить что? — Хлопаю ресницами.

— То, чем вы занимаетесь.

— Пью кофе и рассказываю о своем деле? — Моя улыбка приторна; настолько невинна, насколько это возможно, когда я мысленно похлопываю себя по спине и, благодарю бога, что сижу — я не знаю, выдержат ли мои колени взгляд, которым он смотрит на меня прямо сейчас.

Сбитый с толку.

Как будто он отчаянно пытается меня понять.

Озадаченный Рим Блэкберн являет собой удивительное зрелище.

Раздраженный, очевидно, потому что всегда чем-то недоволен, большой ребенок.

— Я могу взять вам напиток, если хотите? Меня здесь знают, может быть...

— Мне не нужно, чтобы вы покупали мне напиток.

Издаю тихий смешок, прячась за белой чашкой в моих руках.

Медленно пожимаю хрупкими плечами.

— Как хотите.

— Я так и поступаю. Спасибо.

Боже, мне требуется все свое самообладание, чтобы не расхохотаться — Рим слишком серьезно относится к себе.

— Что ж... — Моя фраза обрывается. Скольжу взглядом к своей визитной карточке, лежащей на столе. — Вы собираетесь взять ее?

— Нет. — Он такой грубый. — У меня уже есть.

Она была в пакете, который я ему дала. Который он посмотрел и прочитал содержимое.

От этого мне хочется подпрыгнуть и повилить бедрами победный танец.

— Что это за выражение на вашем лице?

— Какое выражение?

— Вы похожи на кошку, которая только что съела тарелку сливок.

Запах победы настолько силен, что мне хочется насладиться им.

— Да? Ммм, вкус потрясающий.

Рим Блэкберн даст мне шанс, знает он об этом или нет.

Словно полная проказница, облизываю губы.

— Не делайте этого.

— Не оближивать губы?

— Это непрофессионально.

— Но сегодня пятница... — Как будто это все объясняет. Мой флирт. Мое поведение.

Но в то же самое время мне приходит в голову одна мысль: если Рим наймет меня, он будет моим *клиентом*.

Моим. Клиентом.

Я не буду на него работать. Он заключит контракт с моей компанией, и мне придется соблюдать профессионализм, которого он требует...

В желудке возникает ощущение пустоты.

Что значит...

Должны прекратиться электронные письма.

Флирт.

Неуместное подшучивание, которое я позволяю себе в сообщениях.

— Извините. Я... У меня была пена в уголках рта.

Его стальные глаза медленно скользят к моим губам. Останавливаются там, Рим колеблется несколько ударов сердца, прежде засунуть свои гигантские руки снова в карманы.

— Мне пора.

— Верно. Хорошо. Отличных выходных.

Вместо того чтобы подойти к прилавку, как я ожидала, Рим Блэкберн направляется к двери.

С пустыми руками.

И его действия почти что отражают мои чувства. После флирта и того, как я практически бросилась на Рима, я начинаю понимать, что это может быть пустой тратой моего времени. Он не сдастся. Не подарит мне единственную ночь страсти. На самом деле, он, вероятно, даже не будет рассматривать мою кандидатуру для будущей работы. Наше общение в последнее время было... грубым. Рим ни разу не воспринял меня всерьез в качестве ценного ресурса в маркетинге. И если я действительно хочу иметь дело с его компанией, а я знаю, что так и есть, это нужно изменить. Он всегда ожидает профессионализма. *И в действительности? Он на самом деле его заслуживает.*

Итак, я предполагаю наступило время... время для чего?

Двигаться дальше?

Как, черт возьми, мне это сделать?

ПЕЙТОН

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Я пялюсь на уведомление в своем почтовом ящике, сбитая с толку тем, что вижу — электронное письмо от Рима. Новое письмо, а не в качестве ответа на мое. Я таращусь, шокированная тем, что он написал мне.

Это было бы здорово, если бы я только что не решила, что не смогу продолжать эту маленькую игру; она может навредить мне моей работе.

Я должна остановиться.

Прекратить то, что начала.

Если бы только это не было так сложно... и весело.

Подшучивать над Римом весело, и это заводит меня, и я никогда в жизни не хотела никого больше, чем его, даже когда он ведет себя как мудака.

Из любопытства прокручиваю свои электронные письма до единственного письма, которое меня волнует. Письмо от Рима.

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Должно быть, мне чертовски скучно, если я пишу тебе, или, возможно, потому что у меня есть сотрудница, которая сводит меня с ума, и мне нужно выплеснуть накопившуюся энергию. Ты единственная, кого я не знаю и кто устроил беспорядок в офисе, — скажешь мне, что это не самая хреновая вещь, которую ты слышала за всю неделю.

Почему я продолжаю писать тебе письма? Я не знаю тебя. Я не знаю, могу ли доверять тебе — ты, наверное, сплетничаешь об этом дерьме и показываешь всем своим друзьям на работе. Ты действительно этим занимаешься? Будь честной. Я здесь единственный, кому есть что терять.

РМБ

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Прикусываю нижнюю губу и откидываюсь на спинку стула. Я не должна с ним переписываться.

НЕ отвечай, Пейтон.

Ты должна вести себя профессионально с этим мужчиной. Тебе нужно поддерживать с ним хорошие отношения, потому что ты никогда не знаешь, когда он может тебе понадобиться.

И все же я почти на девяносто пять процентов уверена, что я та непокорная сотрудница, о которой он говорит. У меня нет сомнений, что в пятницу он ушел из кофейни только для того, чтобы вернуться в свою шикарную квартиру и беспокоиться о нашем разговоре.

Рим — сообразительный и проницательный бизнесмен, с удивительной способностью чувствовать, какая идея сработает, а какая нет, но в последнее время, похоже, у него проблемы, и то, что я сую свой нос в его новую кампанию, не помогло.

Честно говоря, он спросил мое мнение.

Я увидела неуверенность в его глазах, а он никогда не сомневается. Не хочу злорадствовать, но я знаю, что Рим, наконец, понял, что мой уход повлияет на его компанию, и я даже чувствую вину. Я в основном шутила в пятницу вечером, но теперь я собрала все эти маленькие подсказки воедино: беспокойное поведение, то, что он просмотрел мои документы, странное незапланированное совещание по поводу женской линии одежды и инициатива в переписке.

Давайте посмотрим правде в глаза. Могущественный Рим Блэкберн потерпел неудачу.

И мне плохо.

Боже, почему я чувствую себя плохо?

Возможно, потому что я вижу уязвимость в его глазах и в его словах.

Ты, наверное, сплетничаешь об этом дерьме и показываешь всем своим друзьям на работе. Ты действительно этим занимаешься?

Я уверена, что ему не с кем поговорить, кроме Хантера. Он растерян. И, черт возьми, я не могу сидеть сложа руки и не отвечать. Может быть, это из-за моего доброго сердца или моей неспособности отказаться от этого сумасшедшего и веселого приключения, но, я пишу ему ответ, хотя и знаю, что не должна.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Нет. Обещаю, я не сплетничаю о тебе со своими друзьями. Они даже понятия не имели, что я запала на тебя, если это можно так назвать. Втюрилась. Страстно желаю. Я проговорила в ту ночь, когда напилась, и, честно говоря, они пытались отговорить меня. Ты не самый популярный парень в офисе, даже если являешься боссом.

Что ты делал на выходных? Что-нибудь интересное?

СЛИТ

Ииии.... отправить.

Вот. Я сделала это.

Теперь письмо в интернете, и я не могу его удалить.

Что действительно странно, так это то, что я практически призналась этому мужчине во всем, что я хотела бы сделать с ним в его офисе, от «быть нагнутой над его столом» до «траха у окна его кабинета», и все же, единственное, что вызывает бабочек внутри меня — мой последний вопрос.

Что ты делал на выходных?

Кажется глупым так волноваться из-за простого вопроса, но он более личный. Переводит переписку на более интимный уровень, а не просто кокетливый разговор.

Это пугает меня, потому что, что, если он не ответит? Что, если Рим думает...

Дзинь.

Я быстро оглядываюсь, убеждаясь, что никто не смотрит на меня, и открываю письмо. Оно от Рима, и мой пульс учащается.

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Что-нибудь интересное? Нет, я залег на дно. В кои-то веки я не работал на выходных. Случайно встретился с кем-то с работы в кофейне, где я часто бываю, что было немного странно. А ты?

Никогда за всю свою жизнь я не была под кайфом. Я хорошая девочка, которая никогда ничего не курила и даже не пробовала никаких рекреационных веществ, но это чувство пробегает по моим венам, чувство, когда Рим ведет со мной НАСТОЯЩИЙ разговор, а не угрожает и читает нотации? Должно быть, именно так ощущается кайф.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Почему было странно, что ты случайно встретился с кем-то с работы?

И он совершенно точно говорит обо мне. Я знала, что есть шанс, что я произведу на него неизгладимое впечатление на выходных. Мне просто нужно убедиться, что оно было хорошим, а не плохим.

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Я сказал странно? Я имел в виду чертовски неловко. Я регулярно сталкиваюсь с этой женщиной, поэтому был шокирован, когда увидел ее на «моем месте», сидя за «моим» столом, в моем гребаном районе.

Э, ладно. Вот и хорошее впечатление.

Неловко? Я не думаю, что это было неловко, скорее... занимательно. Ну, это было забавно для меня, может быть, не для Рима, так как я давила на него, когда он просил помощи...

Нет! Я не буду чувствовать себя плохо из-за этого. Если ему нужны мои идеи, он может нанять меня для той работы, которой ему нужно. Вот.

И что он вообще делал в МОЕЙ кофейне? Я практически замужем за этим чертовым магазином. Мы заказали приглашения, так что он никак не мог быть там ранее.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

И ты никогда не видел ее там раньше? Как это возможно?

Скрещиваю руки на груди и раскачиваюсь на стуле. Да, как это возможно?

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Да, я тоже думал об этом. Честно говоря, в последнее время я там не бывал. Слишком занят работой. Думал пойти, посидеть и насладиться вечером, но этого не произошло. Она сидела там, работала, и все это сбило меня с толку. Я вышел, не взяв свой кофе — чувствовал себя гребаным идиотом. Но неважно. Думаешь, мне стоит найти новую кофейню?

Чувствовал себя идиотом?

Не жалею его, Пейтон. НЕ СМЕЙ жалеть его.

Ладно.

Может быть, мне немного жаль его.

Я оттолкнула Рима, заставила его чувствовать себя неловко, а затем отправила восвояси, когда он просто хотел насладиться чашечкой вкусного хорошего кофе.

Хихикаю про себя, вспоминая наше общение. Я превзошла себя.

Я чувствовала себя уверенной и не должна этого стыдиться.

Мне должно быть стыдно только из-за того, что мой кофе стал едва теплым во время разговора с ним.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Ты ЖИВЕШЬ в том районе, где она тусовалась? Что это был за район?

Время перейти к более личным вопросам. Не то чтобы я собиралась преследовать его или что-то в этом роде...

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@Roam.com

Я бы предпочел не говорить. Я живу в том же доме, в котором жил, когда окончил колледж. Конечно, теперь это здание принадлежит мне, но все же. Где ты думала, я живу? Нет — не говори мне. Какой-нибудь великолепный комплекс на Манхэттене или в Трайбеке? Может, особняк в Грамерси? У тебя обо мне стереотипное представление?

Потому что у меня собственная компания и я молод? Ай-ай-ай, позор тебе.

РМБ

P.S.: Твой адрес электронной почты заставляет меня смеяться каждый раз, когда я его ввожу. Руки Рима скользят по моему телу. Так чертовски смешно.

Делаю глубокий вдох, когда новая волна бабочек вспыхивает в моем животе.

Рим шутит со мной.

Болтает со мной.

Открывается мне.

Возможно, слишком много всего, чтобы переварить за один день. Всего за полчаса Рим за экраном превратился в совершенно другого человека. Он больше не злой тиран.

Нет, он стал сексуальным парнем с чувствительным сердцем. Я полностью облажалась. Одно дело фантазировать о том, чтобы трахнуть его, и совсем другое — рассматривать

возможность переписки по электронной почте с нелепыми подтруниваниями.

И химия. Не подталкивайте меня к идее продолжать работать с ним. Но теперь, идея быть кем-то больше? Возможно, быть его другом? Это пугает меня до чертиков. Действительно ли Рим позволил бы кому-то вроде меня войти в его жизнь? Может ли он рассматривать меня в качестве друга, или мне будет еще хуже, когда все это закончится?

РИМ

У меня гребаная улыбка на лице.

Она растянулась на моих губах до ушей, и хоть убейте, я не могу ее стереть. Я пытаюсь расслабить щеки, пытаюсь зажмурить глаза, даже пытаюсь надуть губы, как ребенок, но я не могу избавиться от этой улыбки.

У меня явно не все дома.

Бл*дь, я сошел с ума.

Вот что происходит, когда слишком усердно работаешь, часами зависаешь возле экрана компьютера, пытаюсь сделать свою компанию лучшей в мире. Наступил переломный момент.

Всегда есть переломный момент, и я думаю, что это мой.

Я улыбаюсь из-за чертовой цепочки электронных писем, в которой не должен участвовать.

Я должен был удалить эту нелепую переписку сразу же, как только она началась.

Но я этого не сделал.

Я только усугубил проблему, ответив и поместив задницу этой девушки на заставку моего компьютера.

Бл*дь, у нее хорошенькая попка.

Откинувшись на спинку стула, закидываю ногу на ногу и нажимаю на электронные письма, которые каким-то образом освещают весь мой проклятый день и этот унылый и холодный офис.

Кому: RomeBlackburn@Roam.com

От: HandsRomingMyBody@Roam.com

Я не думаю о тебе стереотипно. Ну, не совсем так, может быть, немного.

раздвигаю пальцы на дюйм, чтобы показать самую маленькую толику суждения

Я имею в виду, ты винишь меня? Тыходишь в кабинет и садишься за огромный письменный стол за стеклянной стеной. Это... пугает. Так что да, я бы предположила, что ты будешь жить в каком-нибудь шикарном месте. Шикарном, LOL (прим. пер.: аббревиатура для соцсетей, означает «громкий смех»), звучит по-британски. Забавный факт: я провела семестр в Лондоне, когда училась в колледже, и это мой любимый город во всем мире, не считая Нью-Йорка.

Могу я задать тебе вопрос? Если ты владеешь компанией, занимающейся приключениями на открытом воздухе... почему ты живешь в Нью-Йорке, а не где-нибудь вроде Колорадо? Меня всегда это удивляло.

СЛИТ

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Почему я в Нью-Йорке? Ну, я ходил в школу здесь, а мои родители живут в Буффало, так что в этом был смысл. Я не часто их вижу, но мы близки. Кроме того, моя бабушка

находится в доме престарелых примерно в полчаса езды от города, и ПОЧЕМУ Я ТЕБЕ ЭТО РАССКАЗЫВАЮ? Это не твоё дело.

LOL. Но раз уж мы заговорили об этом — да, я бы не остался здесь, если бы не они. Возможно, когда-нибудь я махну на них рукой и переведу компанию в город, который имеет больше смысла. Но пока я хотел бы оставаться поближе к семье.

А что касается моего района — он мне чертовски нравится. Мне нравится, что каждый занимается своим делом и никто не притворяется. Это фигня, которую я терпеть не могу, и поэтому я так близок со своим лучшим другом.

Поправляю рукава своей белой рубашки и кривлю губы в сторону. Может быть, пришло время выпить кофе, осмотреть кабинки...

Это хорошая идея, прокрастинация во всей красе, черт возьми. Мне следовало бы просмотреть отчет Хантера, но я слишком рассеян, чтобы даже рассматривать возможность о том, чтобы пробираться по его джунглям из цифр, набранных и собранных худшим образом.

Я встаю из-за стола, сбрасываю пиджак, снимаю галстук через голову и расстегиваю несколько пуговиц на своей белоснежной классической рубашке. Скрупулёзно закатываю рукава и провожу пальцами по волосам на всякий случай — а не потому, что где-то есть женщина, которой нравится, когда мои волосы взъерошены.

Не-а. Просто жаркий день, вот и все. Мне даже не нужен пиджак.

Время выпить кофе.

Стеклянные двери кабинета закрываются за мной, как только Лорен отрывается от электронной книги, лежащей у нее на коленях. Она думает, что она такая умная, но я знаю, чем она занимается.

— Мистер Блэкберн, могу я что-нибудь сделать для вас?

— Все в порядке. Просто убедись, что бухгалтерские отчеты будут у меня на столе к концу дня. — Нажимаю кнопку «вниз», вызывая лифт, и я доволен тем, что двери сразу же открываются.

— Да, конечно, — отвечает Лорен, когда двери лифта закрываются.

Покинув лифт и засунув руки в карманы, обхожу этаж маркетинга и рекламы. Кажется, все усердно работают... по большей части. Несколько человек сидят не в своих кабинках, разговаривают и смеются, но как только они видят меня, опускают головы и уходят на свое место.

Ухмыляюсь про себя.

Похоже, СЛИТ права. Я известен как тиран. Я даже никому ни слова не сказал, но в зале быстро воцаряется тишина, в воздухе разносятся звуки щелкающих клавиш.

Прохожу мимо Джорджа, который ест маффин, засунув салфетку в вырез рубашки и облизывая пальцы. Подняв глаза от своей выпечки, он отчаянно машет рукой, так взволнованный тем, что видит меня на этом этаже. Киваю в ответ и продолжаю идти в комнату отдыха, где встречаю Пейтон, наливающую себе чашку кофе.

Подкрадываясь, говорю:

— Приготовьте еще одну чашечку?

Она вздрагивает, проливая кофе на пол, и выпячивает задницу, чтобы не обжечься кофе.

— Господи. — Пейтон ставит кофейник и встряхивает руку, избавляясь от коричневой жидкости. — Нельзя просто так подходить к людям.

С полки над раковиной отрываю прямоугольник бумажного полотенца и передаю его.

— Вот.

Взглянув на меня, она выхватывает у меня бумажное полотенце и начинает вытирать себя.

— Что привело вас сюда?

Я прислоняюсь к столешнице, скрестив руки на груди и не сводя глаз с Пейтон, на которой облегающее красное платье завязывается сбоку. Ее сиськи выглядят чертовски фантастически в этом наряде.

Дерьмо, я не должен смотреть на ее сиськи.

Но, бл*дь, разве могло ее платье иметь более глубокий вырез?

Прочищаю горло и смотрю на свои ноги.

— Думал, что потрачу еще немного времени, чтобы прогуляться, посмотреть, не нужно ли кому-нибудь чего-нибудь от меня.

Пейтон уже почти вытерла свои руки, когда смотрит на меня искоса, наклонив голову и прищурив глаза в замешательстве.

— Вы решили прогуляться, чтобы узнать, не нужно ли кому-нибудь что-нибудь от вас?

— Ага. — Небрежно пожимаю плечами, хватаю яблоко из миски позади меня и откусываю от него.

Кусаю. Жую. Жую.

Пейтон смотрит на мои губы, пристально наблюдая, как я ем яблоко.

Жую. Жую. Кусаю.

Ее взгляд задерживается на моих губах дольше, чем следовало бы, дольше, чем подобает на рабочем месте. Я считаю секунды.

Один.

Два.

Три.

Быстро моргая, Пейтон отводит глаза и комкает мокрое бумажное полотенце в руке только для того, чтобы выбросить его в мусорное ведро перед собой.

Откашлявшись, она кладет руки на стол и лихорадочно оглядывается по сторонам со словами:

— Хотите кофе?

Жую. Кусаю. Жую.

— Яблока достаточно. — Наклонив голову, говорю: — Вы в порядке, Пейтон? Выглядите немного покрасневшей.

Она хлопает себя по щекам, широко распахивая глаза.

— Действительно? О, наверное, из-за температуры здесь. Рим, есть такая штука «кондиционер». Попробуйте включить.

— В офисе постоянно прохладно, шестьдесят восемь градусов (*прим. ред.: По Фаренгейту*). Возможно... причина в вас.

Кусаю. Жую.

Она нервно смеется и перекидывает волосы через плечо.

— О нет, я воспользовалась своим дезодорантом этим утром, так что я в порядке. — Ее глаза расширились еще больше, на лице отражается ужас, когда она прикусывает нижнюю губу, качая головой, словно пытаюсь вытряхнуть из памяти последние несколько секунд. — Я имею в виду, что у меня не наступает менопауза. Я еще молодая гусеница.

— Гусеница? — Выгибаю бровь.

— Я сказала «гусеница»? Это странно, не знаю, почему я это сказала.

Еще один нервный смешок. Пейтон берет кружку с кофе и изучает ее содержимое.

— Знаете, я думаю, все дело в кофе. Слишком много кофеина натошак.

— О... хотите кусочек моего яблока? — Протягиваю ей свое недоеденное яблоко, но она снова смотрит на мои губы.

— Нет. — Она качает головой. — Я в порядке. Возьму поп-тарт (*прим. пер.: название печенья, наиболее популярный бренд*) из торгового автомата. К черту диету сегодня. — Пейтон кивает, а затем упирает руки в бедра, оглядываясь по сторонам. Черт, она взволнована... и мне это нравится. Она вывела меня из себя в пятницу вечером, как будто я вторгся в ее маленькие владения. А теперь ее застали врасплох. Она уже не такая нахальная и уверенная. *Интересно.* — Думаю, я пойду сделаю еще несколько постов в социальных сетях. Полайкаю комментарии.

— Если вы просто лайкаете комментарии, почему бы вам не придумать какие-нибудь маркетинговые идеи для женской линии?

Пейтон делает паузу, а затем резко поворачивается ко мне, огонь, который я видел на днях в ее глазах, возвращается, когда она выходит из ступора. И я улыбаюсь. Ничего не могу с этим поделать. Оказывается, мне нравятся обе Пейтон — нахальная и раскаивающаяся.

— Не хотите заплатить мне больше за эту работу?

— Похоже, что я собираюсь выписать вам еще один чек?

— Вам надлежало бы это сделать.

— Не говорите «надлежало», вам не семьдесят.

— И вы мой босс еще всего на два дня, так что, если не планируете платить мне дополнительно, я буду сидеть в своем удобном вращающемся кресле, отвечать на электронные письма и лайкать те комментарии, которые захочу. — Пейтон наклоняется вперед. — За ваши деньги.

Подмигнув, она уходит, покачивая своей красивой задницей, облаченной в платье.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Бьюсь об заклад, ты хочешь знать, на каком этаже я работаю, не так ли?

***откидываю волосы** Ха-ха. Ты не видишь меня и понятия не имеешь, как я выгляжу. Это сводит тебя с ума? Поверь мне, ты бы подумал, что я милая. Может быть. Возможно? Ох, я не знаю, а кто в твоём вкусе? Расскажи мне о своём типе, а я тебе своим. Идет?*

СЛИТ

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Мой тип. В физическом смысле? Я предположу, что ты имеешь в виду именно это, но я копну немного глубже, хотя бы для себя. Высокие женщины. Умные, очевидно, образованные. Профессионалы в работе, которые понимают, что у меня есть время лишь для быстрого секса или секса на одну ночь.

Не хотят отношений. Меня привлекают темные черты — темные волосы и глаза. Тихие.

Терпеть не могу женщин, у которых подвешен язык. Знаешь такую?

РМБ

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

*Знаю ли я женщину, у которой подвешен язык? ****кашляю**** Возможно, я знаю одну или две, ха-ха. Не признаюсь, являюсь ли я такой.*

*****хлопаю по подбородку**** В моем вкусе... В моем вкусе. Мой тип... У меня их несколько. Высокий и спортивный. В форме. Эм... О! Я люблю татуировки, хотя никогда не встречалась с парнем, у которого они бы были. И пирсинг, спонтанно пришло в голову. Бороды заводят меня. Я слежу за потрясающим аккаунтом в Instagram, там горячие парни с бородой и татуировками, ха-ха. Но в любом случае, я отвлеклась. Мой тип — красивый, умный и забавный мужчина. Тот, который может заставить меня смеяться. Но не банальным образом, потому что я терпеть не могу предсказуемые шутки.*

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Не смешно.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Нет. Нисколько.

Но...

В тебе что-то есть...

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Во мне что-то есть...

Что, например?

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Что ж, давай посмотрим, смогу ли я объяснить, расписать в красках, если хочешь. Когда я вижу тебя, в тебе есть что-то особенное, что заставляет меня остановиться и посмотреть на тебя. Твое отношение — я даже не возражаю против твоих холодных взглядов. Они что-то значат. И ты не пускаешь пыль в глаза и ничего не приукрашиваешь. Я знаю, что многие возмущаются или принимают это на свой счет, но я знаю, почему ты это делаешь. Знаю, что ты усердно работаешь, серьезно относишься к работе и тебе не все равно. Мы все это видим, и я уважаю тебя за это. Ты красивый. Умный. Ты... да. Ты пугаешь, но какой мужчина в твоём положении таким не является? А твоя дружба с Хантером О'Рурком чертовски очаровательна — да, я это сказала. ОЧАРОВАТЕЛЬНА. Я видела, как ты злишься на него за его шутки, и каждый раз умираю.

СЛИТ

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

В Хантере О'Рурке нет ничего очаровательного. Он заноза в заднице, черт возьми. Е МОЕЙ заднице. Ты могла бы подумать, что, как мой деловой партнер, он будет вести себя как гребанный профессионал, и какого хрена я тебе это рассказываю?

Имей в виду, что, поскольку мы используем сервер компании, любая переписка между нами является частной и конфиденциальной, и я могу подать на тебя в суд за распространение содержания этих писем.

РМБ

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

Вау, ты со своим неразглашением и юридической чепухой всегда хочешь подать в суд. Босс, тебе серьезно нужно расслабиться. Мне не приходило в голову распространять эти электронные письма, пока ТЫ НЕ УПОМЯНУЛ ОБ ЭТОМ. Умерь пыл, Рим. Я не собираю никому раскрывать твои секреты. Так что не стесняйся делиться... ха-ха. Я очень хороший слушатель.

СЛИТ

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Каким бы я был начальником, если бы не указывал на очевидное? Прежде чем мы слишком увлечемся... что бы это ни было.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

*«Что бы это ни было». Ты только что признал, в своей собственной странной манере, что на самом деле наслаждаешься нашей перепиской? Скажи... мне на ушко. **наклоняюсь ближе** Шепни мне в качестве исповеди.*

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

Признаюсь, мне весело и любопытно. Ты обратила внимание, что я стал больше ходить по офису? Это не потому, что я пытаюсь быть хорошим боссом, а потому что я пытаюсь выяснить, кто ты, черт тебя дерь, такая. Я надеюсь, что однажды поймаю тебя на том, как ты отвечаешь мне. Следи за своим экраном. Я ищу тебя.

Кому: RomeBlackburn@RoamInccom

От: HandsRomingMyBody@RoamInccom

И в результате подкрадываешься к своим сотрудникам? Да ладно, Рим, ты лучше этого. Вместо того чтобы прятаться за спинами работников, пытаясь прочитать их электронную почту, почему бы тебе не провести небольшое расследование?

Задай мне несколько вопросов, любые вопросы, помимо очевидных. Посмотрим, действительно ли ты достаточно умен, чтобы разгадать эту загадку.

ПЕЙТОН

— Что? Почему ты не присоединишься? — спрашивает Кимберли своим плаксивым тоном, который действует мне на нервы.

— Я не в настроении пить, к тому же вы, девочки, запланировали вечеринку на пятницу, так что я приберегу свою толерантность к алкоголю до тех пор.

— Но мы собираемся взять куриные палочки, — вмешивается Вив.

Похлопываю ее по плечу.

— Как бы заманчиво это не звучало, я думаю, что куплю маленький киш (*прим. пер.: киш — открытый пирог из песочного теста с разными начинками*) из пекарни на углу и отправлюсь наслаждаться им в свою квартиру, где смогу бездельничать в длинной футболке, на этом все.

— Без лифчика? — спрашивает Жен.

Качаю головой.

— Без лифчика.

Она вздыхает и обнимает Вив с Кимберли.

— Успокойтесь, дамы, мы не можем соперничать с голой грудью. У нас был шанс победить пирог в качестве ее ужина, но против свободных сисек мы обречены.

Зная, что Жен права, девочки склоняют головы и отворачиваются к бару.

— Ты нас убиваешь, — говорит Вив через плечо. — Надеюсь, твоим сиськам понравится.

Я еду на метро домой, получая удары и синяки от каждого другого жителя Нью-Йорка, пытающихся добраться домой с работы. Не в настроении читать или слушать какие-либо подкасты, я цепляюсь за металлическую перекладину рядом с дверью и смотрю в окно, туннели проносятся мимо меня с огромной скоростью.

Ненавижу это признавать, но я буду скучать по поездкам на работу. Немного. Есть что-то особенное в том, чтобы по дороге на работу зайти в магазинчик на углу и купить там любимый рогалик и кофе, просканировать карту-ключ, чтобы открыть дверь, а затем пробраться в переполненный лифт, присоединяясь к городской суете.

Но с другой стороны, нет ничего лучше, чем работать в нижнем белье, на диване, дома.

К счастью, в моей любимой пекарне мало посетителей, так что я выхожу оттуда через несколько минут с теплым кишом в руке. Не теряя времени, снимаю платье, сбрасываю лифчик — да, это приятно — и надеваю футболку с надписью Whitney Houston, которая доходит до середины бедра.

Запрыгиваю на диван, открываю газировку La Croix, которую купила в пекарне, и отламываю кусочек киша.

Ах, жизнь прекрасна.

Я упоминала, что обожаю играть в криббидж (*прим. пер.: карточная игра*)? У меня есть приложение на телефоне, и я ничего так сильно не хочу, как вытянуть ноги и сыграть в несколько игр.

Открываю приложение как раз в тот момент, когда на мой мобильный приходит письмо. Электронное письмо от Рима.

Электронное письмо для СЛИТ.

Оооо, кто-то работает допоздна.

Устроившись поудобнее, — тарелка с пирогом с заварным кремом покоится на моих коленях, — открываю письмо.

Кому: HandsRomingMyBody@RoamInccom

От: RomeBlackburn@RoamInccom

***Сгибаю пальцы** Я бы нервничал на твоём месте, СЛИТ. Знаешь почему? Потому что я безжалостен, и момент, когда ты открыла шлюз для вопросов, является моментом, когда я пойму, кто ты такая, и я всё ещё хочу уволить твою сексуальную задницу.*

Ты уверена, что хочешь испытать судьбу?

Прикусив палец, перечитываю его сообщение несколько раз. Рим такой игривый, что моё сердце замирает, а здравый смысл вылетает в окно.

Открываю корпоративный мессенджер на своем мобильном и просматриваю имена руководителей, прекрасно понимая, что собираюсь нарушить правила. Это телефон и приложение компании, и я собираюсь использовать его в личных целях. Для флирта.

С моим боссом.

Закрываю глаза, нахожу его имя — рядом с ним маленький зеленый кружочек, что означает...

Рим сейчас онлайн.

Я никогда раньше не общалась с ним по телефону, так что это огромный шаг, однако, было бы интересно узнать его первоначальную реакцию на мои комментарии.

Размышляя всего две секунды, печатаю ему сообщение, убеждаясь, что подписана своим псевдонимом СЛИТ.

HandsRomingMyBody: Приветик.

Мой текст превращается в новое сообщение в приложении, и я, затаив дыхание, жду, ответит ли Рим. Мурашки бегают по моему позвоночнику, пальцы немеют, разум сражается с сердцем, когда появляются маленькие точки, свидетельствующие о том, что он печатает.

О, боже, я не думаю, что когда-либо была так взволнована.

Запихиваю в рот огромный кусок киша, когда на экране появляется его сообщение.

Боже милостивый, у меня кружится голова, когда я вижу его имя, оно влияет на моё тело всевозможным образом.

Рим Блэкберн: Господи, звук всплывающего окна почтового ящика напугал меня до жути.

Я громко смеюсь и наклоняюсь, чтобы ответить ему.

HandsRomingMyBody: Был слишком сосредоточен?

Рим Блэкберн: Еб*ные отчеты Хантера О'Рурка (прости за мой французский, заведут меня в могилу. Почему ты всё ещё работаешь в столь поздний час? Если я обойду все этажи, найду ли я тебя, затаившейся в своей кабинке?

HandsRomingMyBody: *Не стоит радоваться. Я дома. Просто проверяю свою рабочую электронную почту, как это сделал бы прилежный сотрудник ****хлопаю себя по спине****.*

Рим Блэкберн: *Да? И на какие рабочие письма ты отвечаешь?*

HandsRomingMyBody: *На твои. Если хочешь сделать перерыв, я могу поотвечать на любые твои вопросы.*

Рим Блэкберн: *Почему ты мне не звонишь? Так будет веселее.*

Я ни за что не позволю ему позвонить мне — он бы точно узнал мой голос.

HandsRomingMyBody: *Хорошая попытка. Либо задаешь вопросы здесь, либо вообще нигде.*

Рим Блэкберн: *Такое впечатление, что ты хочешь, чтобы тебя вычислили.*

HandsRomingMyBody: *Может быть...*

Рим Блэкберн: *Хорошо. Как тебя зовут?*

HandsRomingMyBody: *Не глупи. Ты же знаешь, что я не отвечу на этот вопрос. Давай, будь изобретательнее, Рим. Я знаю, ты можешь лучше. Забудь на секунду о том, что ты генеральный директор, и будь парнем, который просто разговаривает с симпатичной девушкой.*

Рим Блэкберн: *Удар по моему слабому месту.*

HandsRomingMyBody: *Ну...*

Рим Блэкберн: *Что на тебе надето?*

HandsRomingMyBody: *Типичный мужской вопрос. ****закатываю глаза**** Но если тебе интересно, винтажная футболка с Уитни Хьюстон, которая доходит мне до середины бедер и трусики. Возможно, на футболке есть пара дырок.*

Рим Блэкберн: *Мне нужны доказательства.*

Я мысленно закатываю глаза и размышляю об этом долгое, напряженное мгновение.

Отправлять ли ему фотографию?

Если бы я ещё немного откинулась назад, то, вероятно, смогла бы сделать хороший снимок своих ног, едва прикрытых футболкой.

В достаточной мере, чтобы *свести с ума* Рима Блэкберна.

Я имею в виду — кому не понравится винтажная футболка с Уитни? Это классика.

Отложив ужин в сторону, откидываюсь на спинку дивана, вытягиваю ноги так, чтобы они выглядели как можно сексуальнее, и поднимаю ступни, шевеля пальцами, хотя и не снимаю видео. Синий блестящий лак.

Симпатичные изящные пальчики.

Я очаровательна. И без лифчика.

Кто мог бы устоять?

Делаю несколько снимков, выбираю самый сексуальный и нажимаю «Отправить». Всё это время на моих губах играет загадочная улыбка.

HandsRomingMyBody: *Вот твоё «доказательство».*

Риму требуется секунда, чтобы ответить, но когда он это делает, меня охватывает

чистое женское удовлетворение.

Рим Блэкберн: *Бл*дь. Не присылай мне больше фотографий.*

HandsRomingMyBody: *Поставишь её на заставку?*

Рим Блэкберн: *Возможно.*

HandsRomingMyBody: *Всё дело в ногах, не так ли?*

У меня действительно отличные ноги; они моя любимая часть тела.

Рим Блэкберн: *Да, в ногах. И в пальцах. И в ногах. Боже, теперь я чувствую себя голодным...*

HandsRomingMyBody: *Я ем самый вкусный киш; тебе действительно стоит попробовать. Он из маленькой пекарни за углом моего дома, которая называется «Лакомства Эдит». Ты никогда не поймешь, насколько великолепное это место, пока не войдешь туда. Киш обалденный.*

Рим Блэкберн: *Я знаю, где это. Что особенно в этом волшебном пироге, которым ты восхищаешься?*

HandsRomingMyBody: *Шпинат, жареный перец и брокколи. **целую пальцы** Он невероятный.*

Рим Блэкберн: *У меня на столе лежит пачка соленых крекеров. Это мой ужин, так что, думаю, твой пирог лучше, чем то, что буду есть я.*

HandsRomingMyBody: *Соленые крекеры? Они для людей, которые болеют. Ты болеешь? Какого черта ты не закажешь еду, как нормальный человек?*

Рим Блэкберн: *Нет времени куда-то звонить и заказывать.*

HandsRomingMyBody: *Но у тебя есть приложение. И время поговорить со мной? Но у тебя нет еды...*

Пока Рим печатает, я быстро открываю пустое текстовое сообщение и пишу своему другу Тони, который работает в пиццерии напротив офиса. Они постоянно доставляют мне еду в офис, и у них есть доступ к зданию. Заказываю кальцоне с пепперони, указываю, чтобы её как можно скорее доставили в офис Рима и оплачиваю счет. Тони отвечает коротко: *Буду через пятнадцать минут.*

Я люблю этих парней.

Я люблю каждого парня, который меня кормит.

Рим Блэкберн: *Приоритеты. Я пытаюсь понять, кто ты такая; это важнее моего желудка.*

HandsRomingMyBody: *Ладно, хочешь поиграть? Ты спросишь меня о чем-нибудь, и я честно отвечу?*

RomeBlackburn: *Конечно, мы можем это сделать. Что больше всего тебе нравится в работе на «Roat, Inc»?*

HandsRomingMyBody: *Это НЕ тот вопрос, на который я рассчитывала, но ладно — я отвечу. Несмотря на тирана-босса, на которого я работаю (ха-ха), мне действительно нравится посыл компании, поддерживающий активный образ жизни, и, честно говоря,*

бесплатные вещи тоже.

RomeBlackburn: *Твоя любимая часть работы здесь — БЕСПЛАТНЫЕ вещи?*

Не тот сексуальный парень, который сидит в кабинете на верхнем этаже и подписывает тебе чеки на зарплату?

HandsRomingMyBody: *Может быть. Мы будем называть «его» дополнительным бонусом. Могу я тебя кое о чем спросить?*

Рим Блэкберн: *Валяй.*

HandsRomingMyBody: *Ты когда-нибудь раньше флиртовал с сотрудником?*

RomeBlackburn: *Я не сру там, где ем — это не в моём стиле, и так не должен поступать никто другой. Так что нет. Я никогда раньше не флиртовал с сотрудником.*

HandsRomingMyBody: *И всё же ты здесь, болтаешь со мной.*

RomeBlackburn: *Потому что, очевидно, я потерял свой гребанный рассудок. Какой кофе ты любишь?*

HandsRomingMyBody: *На работе? С кучей ирландских сливок, потому что кофе в компании — отстой, без обид. Когда я не на работе, предпочитаю латте, но всегда размышляю над заказом.*

РомБлэкберн: *Значит, дело не только во мне? Хочу попросить Лорен поменять кофе, потому что такое впечатление, что пьешь «обжаренную землю с кучей дерьма», а это не входит в мой список желаний.*

HandsRomingMyBody: *Жареное дерьмо? Как в... какашках? Да я не смогу выкинуть это из головы до конца ночи.*

Рим Блэкберн: *Подожди. Почему в моем офисе парень держит пакет с едой? Ты заказала мне еду? Ты КОРМИШЬ меня?*

HandsRomingMyBody: *Не могла допустить, чтобы мистер СексиКомандир остался голодным. ****подмигиваю**** Наслаждайся, кальцоне — одно из моих любимых, за неё можно УМЕРЕТЬ.*

Рим Блэкберн: *Ты заботаешься обо мне. Я на самом деле в шоке. И благодарен. И, честно говоря? Немного ошеломлен...*

РИМ

Где, бл*дь, все?

Смотрю в окно в своем кабинете и никого не вижу.

У меня нет времени на то, чтобы оторвать задницу от кресла и выяснить, почему не доносится никакого шума из общей зоны офиса за моей дверью, где находится большинство кабинок на этом этаже. Стоит тишина, и я понятия не имею, почему.

И вместо того, чтобы разобраться, я застываю, как вкопанный, в кресле, уставившись в свой компьютер.

Прошлой ночью я узнал небольшую деталь, крупицу информации, которая может помочь мне выяснить, кто такая СЛИТ.

И я не думаю, что она даже осознавала...

Она прокололась.

Несмотря на то, что я улыбался, как гребаный идиот, всё время, пока переписывался с ней, когда должен был просматривать отчеты Хантера, я заулыбался ещё шире, когда понял, что она дала мне счастливый билет, который я искал.

Вожу курсором по экрану компьютера и останавливаюсь на значке поисковой системы, мои пальцы ловко печатают «Лакомства Эдит».

Нажимаю Enter.

Она так восхищалась своим проклятым пирогом, что не поняла, что сообщила мне радиус своего проживания.

Охренеть, этим утром я выясню, кто она такая.

Появляется изображение небольшой пекарни на углу примерно в трех кварталах от моего многоквартирного дома — и всего в одном квартале от того места, где Пейтон из отдела маркетинга пила кофе.

Интересно.

Пейтон.

Смотрю вдаль, мои мысли блуждают; сегодня был бы её последний день, если я правильно подсчитал, верно? Открываю её досье, обращая внимание на прикрепленную фотографию.

Она хорошенькая.

Секси, если честно.

Улыбается на снимке, сделанном для веб-сайта наших сотрудников.

Блузка темно-синего цвета. Волосы распущены. Красная помада.

Господи, Пейтон...

Горячая.

Почему мне потребовалось охрененное количество времени, чтобы обратить на это внимание? Неужели в мою задницу действительно так глубоко засунута палка, что я её не заметил? Или поэтому каждый раз, когда я разговаривал с ней на прошлой неделе или около того, мне было трудно оторваться от неё?

Посматриваю данные, предоставленные отделом кадров: возраст — двадцать семь. Должность — глава отдела маркетинга и привлечения клиентов в социальных сетях. Адрес

кажется смутно знакомым, и из любопытства я гуглю этот район.

Мой район. Мой квартал.

Моя кофейня.

У меня начинает кружиться голова. Всплывает каждый разговор, который у нас был, когда я наклоняюсь вперед и пристально смотрю на компьютер, как будто он должен словесно подтвердить именно то, о чём я думаю.

«Лакомства Эдит» находится прямо на углу, на идеальном расстоянии между её домом и моим. *«Пирог из маленькой пекарни за углом моего дома...»*

Господи боже.

Я откидываюсь на спинку кресла, провожу рукой по лицу и несколько раз моргаю.

Нет. Это невозможно.

Снова наклоняюсь вперед, сопоставляю её адрес с булочной и кофейней.

Бл*дь.

БЛ*ДЬ!

Пейтон — это HandsRomingMyBody.

Пейтон — сотрудница, которая хочет со мной покувыркаться.

Пейтон все это время морочила мне голову, ослабляя мою оборону, заставляя говорить о личном дерьме и заказывая мне гребаную еду.

Я таращусь на рабочий стол, гнев бушует в глубине моей души, тело охватывает адский жар.

Она лгала мне всё это время. Она была прямо у меня под проклятым носом, играла со мной... обманывала меня. Наверное, смеется за моей спиной со своими друзьями, с которыми я всегда вижу её. Посмотрите на меня, я пудрю боссу мозги.

Так не пойдет.

Я встаю, швыряю стул в сторону окон, обхожу стол и рывком открываю дверь.

Тишина.

Ну, если не считать тихого жужжания модемов и компьютеров, гудящих в тандеме. Мерцают люминесцентные лампы. Принтер в дальнем углу комнаты подает звуковой сигнал.

Никаких признаков жизни.

— *Где все, черт возьми?* — Seriously, сейчас середина гребаного рабочего дня, а не суббота, и, насколько я знаю, сегодня не национальный праздник.

Мне это не нравится.

Задницы работников должны сидеть на этих стульях.

Головы должны быть опущены, пальцы должны порхать возле примерно тридцати компьютеров, стоящих на этих столах. Бумага должна вылетать из принтеров, а телефоны должны звонить.

Должно происходить что-нибудь.

Но не это.

Шагаю по длинному коридору, заглядывая в кабинеты, проверяя наличие признаков жизни. Любых сотрудников, отставших от других, которые могли бы рассказать мне, что за херня здесь творится.

Пробираюсь к столу Лорен, обхожу гранитную стойку в поисках каких-нибудь подсказок. Если кто-то и знает, что происходит, то это она.

Один лист бумаги, безвольно лежащий на ее клавиатуре, с сообщением, напечатанным

жирными черными буквами: ВЕЧЕРИНКА ДЛЯ ПЕЙТОН В ЧЕСТЬ ЕЁ ПОСЛЕДНЕ РАБОЧЕГО ДНЯ! Торт и мороженое, комната отдыха на третьем этаже. В десять часов.

Я смотрю на часы.

Десять тринадцать.

Нажимаю на кнопку лифта — как один из тех придурков, которые тыкают по десять раз, надеясь, что лифт приедет быстрее, — засовываю руки в карманы своих серых классических брюк (сегодня никаких встреч, так что я в обыденном костюме, без галстука), застегнутая на все пуговицы рубашка натягивается на моей груди, когда я ещё раз нажимаю на светящуюся кнопку. Раздраженно покачиваюсь на пятках.

Они устроили Пейтон прощальную вечеринку в честь её увольнения? *Что за х*йня?*

Устроить вечеринку тому, кто обманывал своего босса ради забавы? Я, бл*дь, так не думаю. Ни в моем офисе, ни в рабочее время.

Этого не произойдет.

На моей челюсти заходили желваки, когда двери лифта, наконец, открываются, и как только я захожу внутрь, вновь нажимаю на кнопки костяшками пальцев. Поднимаюсь на третий этаж.

Сжимаю челюсти, потому что, когда я туда добираюсь, там шумно, как и должно быть, только люди толпятся возле комнаты отдыха, выходят из неё и стоят вокруг, держа в руках чашки и тарелки с тортом, смеясь.

В компании Пейтон даже не значимая фигура. *Какого хрена все празднуют?* Не похоже, чтобы она уходила на пенсию. Она, вашу мать, уволилась, нашла новую работу и уходит, вот и всё. Конец гребаной истории.

Как только меня замечают, воздух наполняется приглушенным шепотом; меня толкают локтем. Слышу покашливание. Мои сотрудники расступаются, освобождая дорогу к двери, чтобы я мог туда войти.

И я это делаю.

Я иду в комнату отдыха, словно человек на задании, прокладывая путь, как самосвал, выискивая глазами определенную девушку: Пейтон Левек. Мне требуется несколько секунд, чтобы найти её — в этой комнате толпится хренова куча людей, что, вероятно, является нарушением пожарной безопасности или санитарных норм.

Затем.

Вот и она.

Проклятый луч солнца, свет, струящийся позади неё из окна, сияет, словно нимб, над её симпатичной головкой.

Её лживой, красивой головкой.

Темные волосы, волнистые и блестящие, ниспадают ей на плечи, насыщенный цвет приобрел рыжеватый оттенок из-за солнца.

Пейтон держит бокал — он поднесен к её губам, и она собирается сделать глоток, — когда наши взгляды встречаются. Она опускает его, её рот приоткрывается, а на губах появляется широкая улыбка.

До тех пор пока я не хмурюсь. Затем её лицо за секунду превращается из счастливого в тревожное. *Чертовски верно, она должна быть обеспокоена.*

Я киваю.

Пейтон кивает.

Скольжу взглядом по её телу и обращаю внимание на её платье — нежно-голубое, с

запахом и завязками на талии, которое подчеркивает её изгибы и демонстрирует ноги на этих адски сексуальных каблуках.

Перестань думать о её изгибах и ногах. Ты здесь не для того, чтобы любоваться ею.

Куча подарков в углу выводят меня из себя, возвращая в настоящее — к моему гневу, и я поднимаю руку, согнув палец.

Брови Пейтон взлетают вверх, когда она поднимает голову и тычет пальцем себе в грудь.

— Я?

— Ага. Вы. — Я знаю, что она меня не слышит, но я все равно говорю это, и если она хоть немного умеет читать по губам, то быстро притащит сюда свою задницу.

Чаша моего терпения переполнена. Пейтон разглаживает юбку. Приподнимает подбородок.

Направляется ко мне.

Хорошая девочка.

— Следуйте за мной, — приказываю я ей, когда мы оказываемся на пороге комнаты.

В тот момент, как мы пересекаем общую зону офиса, я поворачиваюсь к ней лицом.

Она ниже ростом, даже на каблуках, так что мне приходится наклонить голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Не хотите рассказать мне, что, черт возьми, там происходит?

Пейтон пожимает плечами.

— Они устроили для меня вечеринку.

— *Вижу.* — Я безумно раздражен. — Я спрашиваю, почему?

Пейтон невозмутима.

— Потому что я ухожу?

— Вы уволились. Вечеринки для сотрудников, которые празднуют дни рождения или важные события, а не для девушек, которые перебрались в более теплое местечко.

Или, еще лучше, вечеринки вообще не должно быть.

Она поникает из-за моих грубых слов, глядя то на меня, то в сторону.

— Сэр, я не оправдываюсь, но я понятия не имела, что они что-то планируют.

Сэр.

Это слово заставляет меня задуматься, и мне до безобразия хочется смеяться.

Вау, Пейтон хорошо умеет притворяться, нет и намека на то, что она *Hands Roming My Body*. Она не волнуется. На её лице нет признаков беспокойства. Не вздрагивает, не краснеет.

Я скрещиваю руки, рубашка натягивается на груди.

— Как долго будет длиться эта вечеринка?

— Я не знаю. За неё ответственна Лорен. Она ещё не проводила игры.

— Игры, — невозмутимо произношу я, потому что... *вы, бл*дь, издеваетесь?*

— Всего несколько забавных вопросов, например, *что у тебя в ящике стола?*

Бумага. Скрепки. Стикеры. Скотч.

Желтый блокнот. Вот и всё — это то, что лежит в ящике моего стола, — и я мысленно корю себя за то, что подыгрываю ей в своей голове.

Мои губы плотно сжаты.

Пейтон продолжает болтать:

— А еще Донна из бухгалтерии приколотла хвост бо... *(прим. пер.: героиня имеет в виду*

вариацию игры *Pin the tail on the donkey* — (прицепи хвост ослу) детская игра, игрок с завязанными глазами должен правильно приложить хвост к изображению осла). — Она смыкает губы.

Очевидно, мои брови взлетают вверх, когда она не может закончить предложение.

— Приколола хвост к чему?

— Гм... К бобру.

Пейтон вешает мне лапшу на уши.

— Действительно? Вы играете в «Прицепи хвост бобру».

— Ага. Мм-хмм.

— Вы уверены, что это не что-то другое?

Её ресницы невинно трепещут.

— Например, что?

— Господи, я не знаю. Прицепи хвост боссу?

Когда её лицо заливают густой румянец, я понимаю, что попал в точку.

— Я, бл*дь, так и знал. — Подхожу еще ближе с ухмылкой на губах. — И знаете, что еще я знаю, Пейтон?

Она стоит у стены, прижимаясь спиной к рельефным обоям серого цвета.

— Что еще вы знаете?

Она сглатывает. Облизывает губы. Задерживает дыхание.

Я наклоняюсь, подхожу ближе. Нюхаю ее волосы... потому что не могу удержаться.

Говорю вполголоса:

— Я знаю, что ты отправила *то* письмо.

Пейтон распахивает глаза. Поразительно широко.

— Какое электронное письмо?

— Не прикидывайся. Ты HandsRomingMy... — У меня на самом деле перехватывает дыхание от этих проклятых слов. Смущаюсь. — Body.

Но я отдаю ей должное, она поджимает верхнюю губу и не сразу признается. Чуть приподнимает подбородок.

— Я не знаю, о чём вы говорите.

— И я уверен, что это ты.

Пейтон пожимает одним плечом.

— Сэр, единственные электронные письма, которые я отправляла вам, касались...

— Кувыркания со мной.

Она теряет дар речи от удивления.

— Сэр, уверяю вас...

— Прекращай называть меня «сэр» и перестань нести чушь, хорошо? Это не принесет тебе никакой пользы. — Это выводит меня из себя ещё больше. — Ты отправила мне то письмо или нет? — Упираюсь рукой в стену позади неё, наклоняюсь еще ближе, позволяя ей почувствовать мой осязаемый гнев, позволяя ему обволакивать её.

Сначала я не был уверен, что Пейтон признается, и предполагал, что она сделает одну из трех вещей:

1. Заплачет, потому что она смущена и унижена, хотя сейчас я смотрю на неё, и она не выглядит таковой.

2. Соврет и скажет, что это была шутка.

3. Продолжить отрицать.

Она кривит губы, прежде чем приоткрыть рот, но не издает ни звука, пока подбирает слова, обдумывая их и связывая воедино.

— Рим, я... — Пейтон смотрит на ковер, затем снова на меня. Раздраженно выдыхает. — Ладно. Ты прав. Это была я.

Я. Не. Ожидал. Этого.

— Теперь ты счастлив? Ты понял, кто это был. И я уйду, чтобы ты мог жить спокойно. Я больше никогда тебя не побеспокою. Тебе даже не придется смотреть на меня. В любом случае, ты этого не делал, — бормочет Пейтон, скрестив руки на груди.

— Ты даже не понимаешь, насколько непрофессионально было отправлять мне эти электронные письма, не так ли?

Она фыркает носом, ведет себя совсем не так, как подобает леди.

— Умоляю. Конечно, я понимаю. Как ты думаешь, почему оно было анонимно? Я не идиотка. Ты и твои приличия — единственное, на что тебе не насрать. — Широко распахиваю глаза. — Ой. Смотрите. Босс не любит, когда я ругаюсь. Что ж, хреново.

— Следи за своим ртом, когда говоришь со мной. Я твой начальник. — Я веду себя как настоящий придурок, но я понятия не имею, как обращаться с этой женщиной. У меня нет ни единой подсказки.

Пейтон уверена и смущена одновременно. Воодушевлена и подавлена, и я не знаю, что сказать, чтобы повлиять на нее.

Она громко смеется. И когда откидывает голову назад и ударяется ею о стену позади себя, её горло сжимается в такт этому движению. Её улыбка могла бы соперничать с улыбкой Чеширского кота.

— Ты не мой босс. С меня хватит. Я могу говорить или делать все, что захочу.

— Нет, если ты хочешь использовать работу здесь для своего портфолио.

Пейтон откидывает назад волосы.

— Моё портфолио говорит *само за себя*. Мне не нужна твоя компания для этого.

Наклоняюсь к ней на несколько дюймов ближе.

— Правда?

— Ага. — Её тело так близко к моему. — Правда.

— И ты надеешься, что я буду с тобой сотрудничать? Ты самая непрофессиональная женщина, которую я когда-либо встречал за всю свою жизнь.

Мои слова её не смущают.

— Правда? — Пейтон имитирует тон моего голоса и снисходительное отношение.

— Ага. — Я имитирую её позу и тон её голоса. — Правда.

— Я не согласна. — Её глаза блуждают по моему телу, и я чувствую взгляд, скользящий от центра груди вниз по моему животу и до кончиков гребаных пальцев ног. Дерьмо. — Ты никогда раньше не жаловался на мою работу.

— Это потому, что я понятия не имел, какую работу ты выполняла.

— А что не так с моей работой? На меня никогда не было жалоб. — Пейтон жестом указывает на комнату отдыха, где собрались все сотрудники. — Очевидно, что я нравлюсь своим коллегам.

Я не могу сдержать фыркание, вырывающееся из моего носа.

— Они просто любят бесплатную еду.

Пейтон слегка пожимает плечами и тихо смеется.

Её самодовольный вид меня бесит.

— Это все, что ты можешь сказать? — спрашиваю я, стиснув зубы.

— Технически я ничего *не говорила*.

— Не умничай.

— Ты мне не начальник.

Мой рот изгибается в ухмылке.

— Верно, не начальник.

— Не-а. — Она подчеркивает букву «а». — Ни капельки. Уже нет.

Расстояние между нами не может быть меньше, и единственное, что останавливает меня от того, чтобы засунуть свой жадный язык ей в горло, — это вспышка движения в моем периферийном зрении.

Все таращатся.

Как будто мы попали в серьезную аварию на обочине гребаной дороги, и никто не может отвести от неё глаз, вместо этого идя медленнее, чтобы осмотреть нанесенный ущерб.

Никто не двигается.

Никто не говорит.

Никто, кроме Пейтон.

— Давай, сделай это.

Её голос тихий, но достаточно громкий, чтобы я её услышал.

— Что сделать? — почти насмешливо выпаливаю я.

— Поцелуй меня. — Она бросает мне вызов, но я не идиот.

Я отступаю назад, как будто она пнула меня по яйцам, увеличивая расстояние между нами, шипя:

— Ты, бл*дь, с ума сошла?

Пейтон вновь смеется.

— Я так и думала. Мистер Командир и его правильные манеры Паиньки.

— Мы. На. Работе, — произношу я, с паузами.

— Я не на работе, я пришла только, чтобы убрать свой стол. Только ты здесь на работе.

Здорово, что она может вести себя непринужденно.

— Ты просто не можешь не подстрекать меня, не так ли?

— Подстрекать тебя? Тебе что, семьдесят? — Пейтон смеется надо мной. — Нет, я не подстрекаю тебя — очевидно, что нет. — Она постукивает пальцами по подбородку. — Ты очарователен, когда доводишь себя до исступления.

До исступления.

Какого хрена.

Нет. Я не выхожу из себя, я командую и контролирую свои порывы — в отличие от некоторых людей, по-видимому.

— Мне это нравится, — добавляет Пейтон, скрестив руки на груди.

— Тебе нужно остановиться.

— Тебе некомфортно, когда я честна?

— Нет. Я предпочитаю, когда люди лгут. — Я не закатывал глаза так сильно с тринадцати лет.

— Что ж, если сегодня День Отрицания, то я рада, что больше не работаю на тебя, и что больше никогда не увижу твоё недовольное лицо.

Подождите. Что?

Я понятия не имею, что, бл*дь, сказать, но Пейтон стоит передо мной и выжидающе смотрит — как и все остальные.

Сквозь стиснутые зубы говорю:

— Люди смотрят.

Она наклоняет голову. Улыбается.

— Так и есть.

— Тебе, наверное, следует вернуться на свою вечеринку.

Я не сказал ничего из того, ради чего спустился на этот этаж — что она увольняется и не заслуживает гребаной прощальной вечеринки. Что она непрофессиональна... ну ладно, это я говорил. Ещё, что в этом голубом платье она выглядит безумно сексуальной.

И я думаю о ней чаще, чем следовало бы, ещё до того, как понял, что она HandsRomingMyBody.

И что я адски зол на неё за то, что она заставила меня излить душу, заставила ощущать неподобающие чувства к сотруднику, и потому, что я в равной степени взбешен и возбужден — потому что она охрененно сексуальна, — у меня возникает искушение устроить сцену. А я никогда не устраиваю сцен.

Как она заставила меня вести себя как человек, которым я не являюсь? Я едва узнаю себя.

И почему я не только растерян, но и хочу нагнуть ее над стулом и отшлепать, чтобы преподать ей урок?

ПЕЙТОН

— Тебе, наверное, следует вернуться на свою вечеринку. — Голос Рима резкий и властный, он одержим идеей быть крутым. Одержим идеей быть главным.

Но я не хочу возвращаться на вечеринку.

Ни капельки. Я бы предпочла стоять на месте и обмениваться оскорблениями. С Римом. Который смотрит на меня свысока, как будто я последний человек на земле, с которым он хочет, чтобы его видели рядом.

Огонь в его глазах выдает его.

Он не может оторвать от меня взгляда.

Хорошо.

Скрещиваю руки на груди и говорю:

— Или, может быть, я постою здесь и ещё немного поспорю с тобой.

Наклонившись еще ближе, Рим шепчет, практически шипя:

— В моем кабинете через пятнадцать минут, мисс Левек.

Развернувшись на пятках, он направляется к лифту, великолепные джинсы демонстрируют его упругий и аппетитный зад. Они выглядят дорого, как будто он сшил их на заказ для своего тела.

Ставлю десять баксов на то, что Рим их погладил.

Его плечи напряжены, он запускает загорелые пальцы в свои густые волосы, поправляет воротник, пока нетерпеливо стоит в ожидании лифта, не удостоив меня ответным взглядом.

Хищницам требуется две секунды для нападения.

— Ёперный театр, что это было? — спрашивает Жен с чашкой в руке, пугая меня до смерти.

— Ага, — произносит другой голос, на этот раз глубокий и определенно мужской. — Что всё это значит?

В изумлении оборачиваюсь и вижу, что Хантер О'Рурк пристально смотрит на меня, тарелка с тортом и мороженым парит у его рта, он накальвает кусочек на вилку и кладет в рот, пока его взгляд мечется туда-сюда между рядом лифтов и мной.

Жует. Глотает, отправляя в рот кусочек за кусочком.

Он выжидающе смотрит на меня, приподняв брови.

— Что заползло Риму в задницу и сдохло там?

Я почти смеюсь. Почти. Но технически Хантер тоже мой босс, и я не хочу ставить себя в неловкое положение.

— Э-э, нам нужно было обсудить незаконченные дела.

— Какие ещё незаконченные дела? — Хантер оглядывает меня с ног до головы, отправляя в рот очередной кусочек шоколадного торта. Он облизывает вилку, прежде чем поднять её и направить зубцами в мою сторону. — Рим выглядел слишком нервным для обсуждения дел. Ты написала ему в хлопья?

О, боже.

— Возможно, я немного надавила на его кнопки.

— В свой последний рабочий день. Представляю. — Он качает головой. — Думаю, это

один из способов, придать своему уходу эффективности. — Хантер кладет в рот ещё один большой кусок своего бездонного торта. — Спасибо за угощения. Удачи в жизни. Если останутся объедки, дай знать. Торт был охрененно влажным и вкусным.

Хантер дружески толкает меня бедром на прощание, затем медленно шагает к лифтам, скорее всего, направляясь в кабинет Рима. Судя по тому, как эти двое препираются и ведут себя, я не сомневаюсь, что Хантер собирается немного поиздеваться над Римом.

Как только он оказывается вне пределов слышимости, Жен, которая терпеливо ждала, когда Хантер уйдет, больше не может сдерживаться.

— Хорошо, выкладывай. Какого дьявола здесь делал Рим Блэкберн?

Никто не обращает на нас ни малейшего внимания, поэтому я оттаскиваю Жен в сторону, за угол, подальше от других сотрудников. Схватив её за плечи, смотрю ей в глаза, телпатически пытаюсь рассказать ей правду, не говоря ни слова.

— Почему ты так смотришь на меня, чудачка? Он загипнотизировал тебя?

Я закатываю глаза.

— В самом деле. Если я скажу «виски, танго, фокстрот», ты начнешь прыгать на одной ноге?

— Жен. Он знает.

— Он знает что знает? — Подруга хмурит брови, на мгновение смущаясь. Я медленно киваю, поджав губы, ожидая, пока она поймет. И когда до неё доходит, ее глаза расширяются.

— Быть такого не может.

— Я серьезно.

— Ты серьезно?

Честно говоря, почему я беспокоюсь о ней?

Но Женевьева продолжает вопить:

— Боже мой, Пейтон. Он знает. Ёлки-палки!

— Я знаю. — Я тоже потрясена. Каким-то образом мне удавалось держать себя в руках, когда Рим стоял прямо передо мной — у меня перед носом, — когда я чувствовала запах его восхитительного одеколона и видела каждую крупинку в его великолепных серых глазах. *Господи, я так хотела, чтобы он наклонился и крепко поцеловал меня. И всё же он держался стойко... даже когда я сказала ему, что это была я. Сейчас? Теперь я безумно волнуюсь. Рим. Знает. Что. Это. Была. Я.*

Подруга хватается за плечи, слегка встряхивая.

— Это безумие. Блэкберн знает и не устраивал сцен. Вау. Это... вау.

— Я имею в виду... у него действительно шёл дым из ушей, совсем чуть-чуть.

— Как, черт возьми, он узнал?

— Я понятия не имею. Я знаю лишь, что он ворвался на вечеринку, чтобы позвать меня. Теперь Рим ждет, что я прибегу к нему в кабинет через пятнадцать минут, вероятно, чтобы еще раз вставить мне пистон.

Жен ухмыляется.

— Вставить пистон. — Подруга шевелит бровями. — Мечтать не вредно.

Я шлепаю её.

— Заткнись.

— Возможно, он сделает тебе прощальный подарок, который перевернет твой мир.

Морщу нос.

— О чем ты говоришь?

Жен вздыхает и щелкает меня по лбу — на самом деле щелкает. И, блин, это так грубо, что я собираюсь возразить, но она перебивает меня:

— Подруга, он определенно примет твоё предложение покувыркаться с ним.

Ни в коем случае. Рим *не* такой.

— Думаешь, он хочет заняться сексом?

Это невозможно. Он так зол на меня.

— О-о-о, да-а, — шепотом кричит Жен. — Иначе зачем бы он звал тебя к себе в кабинет в твой последний рабочий день? Ты уволилась. Ему больше нечего сказать. Ты прошла собеседование с отделом кадров, и твой доступ был аннулирован.

Это правда.

Прикусываю ноготь большого пальца.

— Детка, сексуальное напряжение между вами двумя можно было разрезать ножом для торта. Я отсюда *чувствовала* вкус секса.

— Фу, не говори подобное дерьмо. Что с тобой?

— Я серьезно. — Она похлопывает меня по щеке, и я отбрасываю её руку. — Пятьдесят баксов за то, что Рим Блэкберн наклонит тебя над своим столом. Твои мечты вот-вот сбудутся.

— Прекрати. — Но что, если подруга права? Моё лицо пылает, и я прикладываю ладони к щекам, чтобы охладить их. — Ты заставляешь меня нервничать и потеть. Он не будет наклонять меня над столом. — Хотя я бы не отказалась. — Я уверена, что есть ещё кое-что, о чем Рим хочет поговорить.

Жен скрещивает руки и постукивает носком туфлей по ковру.

— Да, например, что? Ты здесь больше не работаешь.

Я замолкаю, обдумывая её вопрос. Все свои заметки и ежедневное расписание я передала Джорджу из отдела маркетинга. Также я отправила их своей временной замене из другого отдела, напечатав списки ежедневных задач и отдав копию. Краткое изложение и обзор.

Особенности управления социальными сетями. В шутку купила для своей замены книгу «Социальные сети для чайников», которую нашла на Amazon.

Жен права. Мне здесь ничего не остается, кроме как уйти через парадную дверь.

«*В моем кабинете через пятнадцать минут, мисс Левек*». Слова Рима звучат в моих ушах.

— Боже мой, — выдыхаю я. — Меня точно нагнут.

— Твой голос звучит мечтательно — как будто ты сейчас это представляешь. — Она машет кулаками, волнение переполняет её. — Бог свидетель, что тебя, моя подруга, сейчас трахнут. — Её взгляд критически скользит по моему телу. — Надеюсь, ты побрила ноги.

— Я всегда брею их. — Прикусываю нижнюю губу и говорю: — Подожди. Что, если заниматься сексом с Римом — плохая идея?

Женевьева издает звук жужжания своим горлом.

— Стоп! Неправильный вопрос. Не сомневайся в себе.

— Я знаю, но...

— Что «но»? — Её идеальные брови сведены вместе, как у Фриды (*прим. пер.: Кало Фрида, художница, имела густые брови*). — Почему, черт побери, это плохая идея? Ты хочешь Рима, это твоё желание на день рождения. Всё, что тебе нужно сделать, это пойти к

нему и ослепить его своей улыбкой. О, и расстегнуть платье.

— Женевьева.

Она пожимает плечами и делает глоток из своей чашки.

Мой громкий вздох заполняет коридор, где мы прячемся.

— Сейчас у меня есть *бизнес*, о котором нужно думать, Жен. Я не могу просто делать все, что хочу, не думая. Я пытаюсь заключить контракт с «Roam, Inc».

Словно временный кайф, восторг от того, что Рим вызвал меня в свой кабинет, начинает спадать, как только я понимаю, что все подходит к концу.

Я уволилась.

Завтра меня здесь не будет.

Я не увижу своих друзей и не увижу Рима.

Больше не будет захватывающих электронных писем, ночной переписки с боссом, флирта и заказов еды для него. Я буду скучать по этому.

Я буду скучать по работе в компании Рима.

Единственный способ, согласно которому я могу когда-либо снова работать с ним, — это сохранить профессиональные отношения между нами, как он и предпочитает.

Жен скептически приподнимает бровь.

— Без обид, крошка. Ты знаешь, что я люблю тебя и полностью верю в тебя. Но неужели ты действительно думаешь, что сможешь заставить Рима Блэкберна — самого упрямого человека на этой *долбаной планете* — нанять тебя для маркетинга? Ты знаешь, что он не нанимает людей со стороны. Он выполняет всю работу внутри компании. Вот почему он так хорошо нам платит.

Подруга на сто процентов права, он действительно поручает работу сотрудникам и сам выполняет большинство дел, связанных с компанией. Маркетинг. Дизайн. Контроль качества. Реклама и разработка новых продуктов. Всё в пределах разумного, кроме фактического производства того, что мы продаем.

Наверное, Жен права — скорее всего, он меня не наймет.

Он уже дважды сказал мне «нет».

К счастью для него, я упрямая. Я могу услышать слово «нет», но я всегда составляю план: я хочу эту работу и готова сделать всё возможное, чтобы её получить.

Я имею в виду почти всё.

Кашляю, одаривая Жен улыбкой.

Поправляю свою юбку, потому что... я направляюсь в кабинет Рима Блэкберна.

Своего бывшего босса.

Мужчины, в которого я влюблена, как школьница.

Рим нуждается во мне — он хочет меня.

Я вижу это в его глазах. Все, что мне нужно сделать, это заставить его признать это...

— Не мог бы ты убраться отсюда на хрен? У меня встреча. — Я слышу, как мой бывший начальник скрежет зубами, когда подхожу к его кабинету, на этаже совершенно нет людей, кроме него и Хантера.

Лорен все еще на вечеринке вместе с остальными сотрудниками компании.

— Какая встреча? — говорит Хантер веселым голосом. — Ну же, будь честен. Встреча с

твоей правой рукой, не так ли?

— Проваливай, твою мать.

— Проваливай? Ты британец и не сказал мне? Чего ещё я не знаю?

Клянусь, я слышу, как Рим кипит от злости, а он не сказал ни единого слова в ответ. Представляю, как его губы сжаты в тонкую линию, и он сдерживает свой гнев.

— Секреты, секреты, они есть у всех. — Кажется, Хантер встает. — Ты ранил меня, знаешь это? Мы кровные братья, и если ты знаешь, кем является твоя подружка по переписке, ты должен сказать мне. Это справедливо.

— Я не скажу тебе, кто это.

— Ага! Итак, ты признаешь, что знаешь, кто это. Я, бл*дь, так и знал. Это Пейтон, чей влажный пирог я только что ел?

— Иисус Христос.

— Значит, ты этого не отрицаешь этого.

— Она уже идет сюда, так что можешь свалить к чертовой матери?

— Моргни раз, если это она хочет с тобой покувыркаться.

Тишина.

— Ты моргаешь один раз или у тебя припадок? Что за хрень ты делаешь со своим лицом?

Я не могу сдержать смех, сорвавшийся с моих губ, поэтому закрываю рот рукой.

— Скажи мне, чтобы я убирался к черту, если это Пейтон Ле...

— Убирайся на хер! И закрой дверь.

Внезапно Хантер О'Рурк пятится из кабинета, исполняя странный танец — на самом деле это больше похоже на джигу, — красная клетчатая рубашка ярко контрастирует на уныло-сером фоне стен. Его руки подняты над головой, и он трясет кулаком в воздухе, когда его взгляд останавливается на мне, стоящей прямо посреди коридора с широко распахнутыми глазами.

Я действительно чувствую, насколько широко раскрыты мои глаза.

Хантер перестает танцевать, и на его лице расплывается широкая улыбка, как у Чеширского кота.

— Так, так, так, если это не друг Рима по переписке...

— О'Рурк! Уходи. Сейчас же. — Рим заполняет дверной проем, его голос звучит глубоко и резко, а на лбу появляется ещё более глубокая морщинка.

Наши глаза встречаются.

У меня сводит желудок.

О-о-о, Рим не счастлив, ни капельки, и я проклиная Хантера О'Рурка за то, что он вывел его из себя. Последнее, что мне было нужно, это чтобы он был в плохом настроении, когда я хотела навязать ему сотрудничество перед своим уходом.

Блин, блин, блин.

Я расправляю плечи и прочищаю горло.

— Хорошо, хорошо. Я ухожу. — Хантер поднимает руки в притворной капитуляции.

— Эй, Пейтон, спасибо, что разбудила зверя и оставляешь нас на произвол судьбы.

Ублюдок на самом деле подмигивает, как будто ему смешно, слегка подпрыгивает и отдает честь, быстро шагая по коридору.

Свистит.

С недоверием смотрю Хантеру вслед. Что за...

— Левек, идите сюда. Сейчас же. — Он кивает головой в сторону своего кабинета.

Я стою на месте, нервничая.

— Скажи «пожалуйста».

Рим свирепо смотрит на меня. Его ноздри раздуваются.

— *Пожалуйста.*

Я пробираюсь в его кабинет, словно крыса, чувствуя себя фальшивкой — сплошная фальшивая бравада и расшатанные нервы.

Моё сердце никогда не билось так беспорядочно, и мои соски никогда не были такими сморщенными. Мне страшно, я переживаю. Понятия не имею, чего ожидать.

Дверь захлопывается, и Рим подходит к своему столу, а затем прислоняется к деревянной столешнице. Упирается в стол руками, и я замечаю, что его костяшки пальцев побелели от крепкой хватки.

— Почему? Зачем ты это сделала? — Голова Рима опущена, но его глаза прожигают дыру прямо в моей груди. — Скажи мне. Я имею право знать.

Ух ты. Он не теряет времени даром.

Сплетаю руки так же крепко, как переплетены нервы в моем животе.

Этот Рим, стоящий передо мной? Я не привыкла к нему. Я привыкла к раздраженному боссу Риму, требовательному и настойчивому, потому что он перфекционист. Хочет, чтобы всё было сделано правильно с первого раза. Требует уважения и командует всеми.

Этот Рим другой. Он уязвим, неуверен и насторожен, потому что выглядит... на самом деле немного обиженным. Что странно.

Как будто он принял всё это близко к сердцу.

Потому что это было личным.

Но я никогда не хотела причинить ему боль или унижить его.

Я должна все ему объяснить — просто у меня с трудом получается подобрать слова.

— Я... — прочищаю горло. — Это было на моём дне рождения и... я была пьяна. Действительно в стельку, как я и написала в электронном письме, пьянее, чем когда-либо.

Я легковес, спросите кого угодно.

— Значит, ты решила охотиться на меня в состоянии алкогольного опьянения?

— Охотиться на тебя? — Я удивлена. Это то, что он думает? — Нет. Я не охотилась на тебя — вовсе нет. Это просто...

Испускаю долгий прерывистый вдох и делаю шаг вперед, глубже в темницу его кабинета. В его кабинете стены более темного серого цвета, чем в общей зоне за моей спиной, темный стол и серебристая отделка. Мужественный и суровый. Как он.

— Это был мой день рождения. Мы действительно видели тебя в баре той ночью, и всё было как в тумане, но ты был там.

— Я не хожу по барам. — Рим не закатывает глаза, но близко.

— Не-а, ходишь. В ночь моего дня рождения мы видели тебя. Ты был один, но у меня сложилось впечатление, что ты ждал кого-то, кто так и не появился. Ты выпил одну рюмку, а затем встал и ушел.

Я выдыхаю, разжимая пальцы.

— Ты даже не посмотрел в мою сторону — как и в любой другой день здесь, в офисе, — и это так меня разочаровало. И я бы подошла, но действительно было похоже, что ты с кем-то встречаешься, и я не хотела мешать. Потом мои подруги-чудачки спрятались от тебя, забившись в кабинку, и я была не в состоянии справиться со всем выпитым алкоголем. — Не

могу поверить, что признаю это вслух. — Всё, чего я хотела, — это немного твоего внимания.

Мой голос неожиданно затихает, и я ненавижу это.

Рим использует тишину как возможность изучить меня, на его сильной челюсти заходили желваки, пока он обдумывает моё признание.

Я не могу смириться с тем фактом, что он ничего не говорит — никогда не могла, поэтому моё лицо заливается румянцем через несколько секунд.

— Ты ни разу не взглянул на меня. А когда ушел, в пьяном угаре я призналась своим подругам, что тайно влюблена в тебя. — Теперь мои руки оживленно жестикулируют, пока я рассказываю свою историю. Выкладываю всё начистоту. — Жен пришла в голову безумная идея создать фальшивый адрес электронной почты, и у неё был планшет в сумочке, потому что она всегда...

Рим прерывает меня.

— Женевьева Портер из отдела ИТ?

Я киваю, как идиотка.

Он отталкивается от стола и обходит его.

— Она уволена.

Рим тянется своей длинной рукой к телефону, лежащему на столе.

Твою мать.

— Рим! Пожалуйста, не надо. — *Боже мой*, он не может уволить мою лучшую подругу.

Слезы уже наворачиваются на мои глаза, паника кружит где-то в глубине моей души. Жен нельзя увольнять. Почему я назвала только её имя? Почему?

Я такая тупица.

— Прошу тебя, Рим. Пожалуйста, не увольняй её, — снова умоляю сдавленным от слез голосом. Хватаю его за руку, которой он держит телефон.

Он непоколебим, когда начинает указывать на нарушения Жен:

— Она создала корпоративную учетную запись электронной почты для личного пользования. Использовала собственность компании в личных целях. Создала адрес электронной почты, чтобы анонимно терроризировать начальника, и солгала об этом. — Рим прислоняется к столу, скрестив руки на груди. — Мне продолжить?

— Ей нужна эта работа... — Больше, чем мне.

Я всё ещё сжимаю его руку, удерживая её, не давая ему поднять трубку офисного телефона и позвонить в отдел кадров. Или охране.

— Назови мне хотя бы одну вескую причину, почему я в сию секунду не должен вышвырнуть её задницу на улицу вместе с твоей.

Причины, по которым Жен должна сохранить эту работу. Причин, по которым не стоит увольнять Жен, масса, но мой проклятый мозг не может придумать ни одной.

Тяжело сглатываю, ломая голову над тем, что может помешать этому безжалостному человеку уволить мою лучшую подругу.

— Ей было жаль меня, — бормочу я, чувствуя себя глупо. — Я так зацклилась на тебе, желая, чтобы ты видел во мне кого-то большего, нежели одного из сотрудников, которые сидят в кабинках этого офисного здания, что она пыталась мне помочь. Это моя вина, а не её, прошу тебя, Рим, пожалуйста, не наказывай её. Я знаю, ты расстроен, но злись на меня. Женевьева нужна эта работа.

— Ей следовало подумать об этом до того, как она нарушила правила компании.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Рим не двигается. Даже не вздрагивает.

Стоит на месте неподвижно, как статуя.

Не могу сдержать свою злость из-за его безжалостного отношения.

Это разбивает моё сердце.

— Вот как это будет, Рим? Ты не можешь уволить меня, значит, собираешься уволить Женевьеву? Это низко даже для тебя.

Господи, я только что это сказала? Я стараюсь не распахивать широко глаза, но, честно говоря, я сама в шоке.

— Прошу прощения? — Рим вырывает свою руку из моей и обходит стол, останавливаясь в нескольких дюймах от меня..

Приподнимаю подбородок.

— Ты слышал меня.

— Ты действительно думаешь, что я добился высот в бизнесе, замечая подобное дерьмо под ковер? Нет. Мне пришлось быть безжалостным с самого начала, отсеивая ущербных людей и следить за тем, чтобы компания работала, как отлаженный механизм. Маленький бизнес-совет, Пейтон: тебе придется стать более жестокой, иначе акулы сожрут тебя заживо, и через шесть месяцев ты обанкротишься.

Как он посмел.

— Ты слишком милая.

Слишком милая?

— Пошел ты. — Тыкаю его пальцем в грудь и стреляю взглядом, мой голос суров и непоколебим. — Ты можешь быть безжалостным генеральным директором, проявив немного сострадания и не будучи ослом, а сейчас ты им и являешься. Ведешь себя, как мудака. У тебя проблема с тем, что я писала тебе по электронной почте, и, поскольку ты не можешь наказать меня напрямую, ты выбрал Жен. Я понимаю. Но неудивительно, что люди называют тебя тираном.

— Ты действительно думаешь, что меня волнует, что говорят другие?

— А должно, — выпаливаю я в ответ. — Возможно, если бы у тебя была хотя бы половина того уважения, которое я заслужила от твоих сотрудников, они бы работали в два раза усерднее, находчивее, и у тебя не было бы тех проблем, которые есть сейчас.

Его ноздри раздуваются.

Мышцы на челюсти пульсируют.

— Какие проблемы?

— Хорошо. Возьмем, к примеру, маркетинг. В отделе полный бардак. Джордж не креативен — это место полностью высосало из него весь творческий потенциал.

— И это всё?

Я фыркаю.

— Нет. — Пауза. — В бухгалтерии такая скука, что я будто совершаю марш смерти (*прим. пер.: Марш смерти — пеший переход, к которому принуждают группу людей, зачастую заключённых или военнопленных, и при котором некоторая часть марширующих погибает из-за условий марша по причине длинной дистанции, погоды, истощённости, жестокости конвоиров*), когда мне нужно пройти мимо.

— Они бухгалтеры.

Рим приводит действительно отличный аргумент.

— Более яркий оттенок серого цвета на полу, безусловно, сделал бы тот отдел менее скучным.

Его глаза полыхают жаром и гневом, когда он делает шаг вперед, прижимая меня к стене. Его одеколон — первое, что вторгается в моё пространство, пряный и мужской, затем его широкая грудь, которая быстро поднимается и опускается.

Руки Рима упираются в стену позади меня, охватывают моё тело и смыкаются вокруг меня. Его бледно-серые глаза становятся ледяными, когда он смотрит на меня сверху вниз, его дыхание тяжелое, когда он говорит со мной.

Каждый волосок на моем теле встает дыбом, пробуждая мои нервы на совершенно другом уровне. Как давно я хотела стоять так близко к Риму, чтобы его лицо было в нескольких дюймах от моего, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть черты и резкие линии его красивого лица?

Очень долго.

И всё же, я бы хотела, чтобы это происходило при других обстоятельствах.

Я бы хотела, чтобы вместо исходящего от него гнева, это была страсть ко мне.

Вожделение.

Непреодолимое влечение.

— Ты думаешь, управлять этой компанией легко? Думаешь, было легко выполнять мою работу, когда ты каждый день пишешь мне, что хочешь со мной покувыркаться?

Покувыркаться со мной.

Когда он это говорит, это звучит так непристойно.

Рим отрывает от меня взгляд и скользят своими глазами вниз по моему телу, останавливаясь на декольте, вздымающемся под моим платьем, потому что я едва могу отдышаться.

Наконец наши взгляды встречаются.

Рим произносит:

— Думаешь, легко выполнять какую-то гребаную работу, когда ты расхаживаешь с важным видом в таком платье, соблазняя меня своим остроумным ртом и дерзким поведением?

— Прошу прощения? *С важным видом?* — Я не выставляю себя напоказ.

Тяжело слатываю, пытаюсь перевести дыхание, когда каждый нерв в моём теле начинает пульсировать, оно чувствует себя более живым, чем когда-либо, когда он так близко.

Рим наклоняет голову вперед, его щека касается моей, щетина царапает мою чувствительную кожу. Интересно, что бы я чувствовала, если бы его щетина царапала внутреннюю сторону моих бедер? Если бы этот острый язык доставлял мне удовольствие? Если бы эти губы покрывали мою кожу влажными поцелуями?

Каково было бы ощутить губы этого мужчины на своих губах во время всего одного поцелуя?

Только одного...

...поцелуя.

Мой разум витает в облаках, блуждает.

Каков он на вкус?

Каково это — принадлежать Риму Блэкберну всего на одну ночь, наполненную сексом? Прислоняюсь к стене, сжимая ноги вместе, чтобы облегчить желание, пульсация в моем

центре начинает крестовый поход против моего предательского сердца.

Оно хочет большего, черт бы его побрал. Оно хочет *его*.

Рим наклоняется.

Нависает над моей шеей.

Его дыхание щекочет мою обнаженную шею, и, наконец, его губы нежно скользят по моей коже, вызывая волну мурашек, бегущим по моим рукам, ключицам и ногам.

Его низкий сексуальный шепот теперь звучит в моем ухе.

— Что-то неизбежно, Пейтон. — Долгая драматичная пауза, когда Рим проводит носом по моей шее. — Что-то неминуемо рухнет.

— Ч-что должно рухнуть? — шепчу я в ответ, не в силах отвести взгляд. Его красивый нос оставляет мою шею и касается моей щеки.

Нежно.

Губы в нескольких дюймах от моих, Рим прижимается своим лбом к моему, и замолкает, чтобы взять себя в руки, ловкие пальцы в миллиметрах от того, чтобы запутаться в моих волосах.

Я хочу протянуть руку и прикоснуться к нему, как он прикасается ко мне.

Хочу провести рукой по его груди, исследовать мягкую ткань его хлопковой рубашки. Схватить её в районе талии и потянуть, обнажить его загорелую и мускулистую грудь, которая, как я знаю, скрыта под плотную тканью его дизайнерской майки.

В отчаянии я больше всего на свете хочу ослабить его ремень, расстегнуть брюки и спустить их с бедер, пока они не упадут на пол. Хочу ласкать его, держать в руке его возбужденный член, гладить его, лизать и сосать.

Доставлять ему удовольствие, пока он не сможет больше терпеть — прямо здесь, в его кабинете, — пока его жесткий контроль не ослабеет, и у него не останется другого выбора, кроме как посадить меня на свой стол и воплотить в жизнь все мои фантазии.

Рим перемещает свой рот на другую мою щеку, ведя по ней носом к моему уху.

— Как давно ты хочешь меня, Пейтон, а? — Его голос глубокий — такой зловещий, что после этих слов у меня начинает кружиться голова. Дыхание перехватывает, когда я слышу, как мое имя слетает с его губ.

— Как давно я хотела тебя?

Годами. *Я хотела тебя много лет.*

Рим делает вдох и кивает.

— Да, как долго?

Прижимаюсь ладонями к стене, моя грудь вздымается и опускается, соски невероятно твердые.

— Не могу вспомнить, — запинаясь я. *Ложь.*

— Примерно. Порадуй меня.

— Может быть, эм... — Наклоняюсь вперед, улавливая его запах. Боже, Рим так офигенно вкусно пахнет. — Эээ, пару лет.

— Сколько? Конкретней.

— Тебя возбуждают детали?

— Да.

— Три года.

Рим резко поднимает голову, его брови взлетают до линии роста волос.

— Три года?

— Плюс-минус. — Прикусываю нижнюю губу.

Он издаёт гудящий звук и кладёт одну руку на мое бедро, вдавливая большой палец, удерживая меня возле стены.

— И сколько раз за эти три года ты представляла, как я прижимаю тебя к этой стене, раздвигаю ноги и трахаю, пока в твоём рту мой галстук, чтобы заглушить твои крики?

Крепко зажмуриваю глаза, пытаюсь отдышаться, в то время как беспорядочное сердцебиение мешает это сделать. Пытаюсь вывернуться из хватки Рима, но его рука, прижатая к моему бедру, не даёт мне пошевелиться. Потребность в нём между моих ног становится невыносимей.

С трудом сглатываю.

— Почти каждый чёртов день, — честно отвечаю я. — Учитывая несколько разных позиций.

Рим медлит, позволяя моим словам раствориться в тишине. Следующие его слова звучат грубо и отрывисто.

— Тогда чего ты ждёшь? Если ты действительно хочешь меня, тогда возьми.

Возьми.

В его устах это звучит так просто.

Как будто вся моя карьера не зависит от этого одного маленького решения. Для него это ничего не значит, возможно, всего лишь ещё один случайный трах, но этот случайный трах построен на огромном сексуальном напряжении.

От него многое зависит.

Если я сдамся, если возьму то, чего так чертовски долго хотела, это может стать одним из самых страстных моментов в моей жизни, но с огромными последствиями, ожидающими меня после оргазма.

Как бы мне ни хотелось сказать, что доверяю ему, но это не так. Как Рим и утверждал, он безжалостен, и хотя я отчаянно хочу узнать, каково это — чувствовать его губы по всему своему телу, в то время как его член глубоко внутри меня, я не могу рисковать.

Могу ли я верить, что он не обманет меня потом? Или *не выставит Жен*?

Рим зол. Возможно, смущен, и, несмотря на то, что мы бы хорошо провели время, я не могу поддаться этой всепоглощающей страсти из-за малейшего шанса, что потом он может разрушить мою репутацию.

Отстраняясь, встречаюсь с ним взглядом, Рим вглядывается в мои глаза, и на краткий миг я вижу ту уязвимость, неуверенность, которую он хранит глубоко в своей душе, и которую не осмеливается никому показать. Но я это замечаю.

— Возьми меня, — повторяет он, на этот раз поглаживая большим пальцем моё бедро, нежное прикосновение стирает все мои мысли о том, что он может меня обмануть.

Нет, он ни за что не поступил бы так со мной.

Но это не значит, что я могу позволить этому случиться. Мне нужна его компания, я хочу работать с ним в профессиональном отношении, как партнер, и для того, чтобы все сработало, я никоим образом не могу поддаться своим чувствам, хотя в этот момент больше всего хочу отбросить осторожность и, наконец, почувствовать, как его губы прижимаются к моим.

Ненавидя то, что я собираюсь сделать, глубоко вздыхаю и говорю:

— Я не могу.

— Не можешь? — Его брови нахмурены, на лице написано замешательство.

Качаю головой.

— Не могу.

После моего второго отказа его лицо ожесточается. Замешательство исчезает, и его быстро сменяет гнев. Рим отталкивается от стены и поворачивается ко мне спиной, крепко сжимая рукой затылок.

Нуждаясь в объяснении, я делаю шаг вперед и говорю:

— Рим...

— Уходи. — Он идет к своему столу, больше не удостоивая меня взглядом.

— Рим, пожалуйста.

Он резко разворачивается ко мне лицом и указывает на дверь.

— Уходи на хрен. Ты заморочила мне голову так, что хватит на всю жизнь

— Всё совсем не так.

Он садится в кресло и двигает мышкой, предательский звук оживающего компьютера заполняет тишину

— Пожалуйста, позволь мне объяснить.

Рим почесывает подбородок, его движения резкие, поспешные.

— Если не уйдешь сейчас, твоя подруга будет уволена. Не еб* мне мозги снова, Пейтон.

— Рим...

Он тянется к телефону, и, прежде чем я успеваю сказать ещё хоть слово, я быстро выбегаю из его кабинета со слезами на глазах.

Я не могу поверить, какую ужасную ошибку я совершила. Хотела бы я никогда не отправлять то дурацкое письмо, потому что думаю не только о том, что Рим никогда не будет со мной работать, но я также твердо убеждена, что я причинила ему боль, и осознание этого меня просто убивает.

РИМ

— Сэр, вас все ждут в конференц-зале. — Лорен высовывает голову из-за двери моего кабинета.

— Я прекрасно знаю, что все ждут, Лорен. — В данный момент мне просто наплевать. Моя секретарша неуверенно колеблется за дверью, не желая дразнить медведя.

— Эм, вы *присоединитесь* к ним?

— Не сейчас. Мне нужно несколько минут побыть одному.

— Хорошо... — она произносит это слово протяжно, обеспокоенно. — Мне сказать им, что вы в уборной или что-то в этом роде?

Почему она задает так много гребаных вопросов? Она не моя няня, она моя помощница, прости господи.

— Нет, Лорен. Не говори им, что я в уборной, они подумают, что я сру — пусть понервничают.

— Хорошо. — Она медлит. — Вам что-нибудь нужно? Еда? Вода? Таблетка от простуды?

Стиснув зубы, я пристально смотрю на неё, не в силах изменить свой хмурый взгляд.

— Лорен, хочешь сохранить свою работу?

Я шучу лишь наполовину, и она это знает.

Моя помощница кивает.

— Тогда уходи. Сейчас же.

Она убегает, оставляя меня в покое, покидает кабинет так быстро, что дверь захлопывается сама по себе.

Как только Лорен скрывается из виду, я откидываюсь на спинку кресла и дергаю воротник рубашки, который сдавливает мою шею. Я ненавижу суету и необходимость искать партнеров.

И меня бесит, что я всё ещё ищу Пейтон в гребаных комнатах отдыха.

Три недели.

Прошло три недели с тех пор, как она уволилась. Три проклятых недели убогих маркетинговых презентаций. Три недели без эротичных и забавных писем. Три недели в моей жизни не было ничего интересного. Три недели я вел себя как гребаный угрюмый мудак.

Я не знаю, причина в том, что я скучаю по общению с Пейтон или потому, что я в полной растерянности из-за этой женской линии, которую запускает компания, то ли потому, что я чертовски возбужден, и мне не терпится погрузить свой член в Пейтон, так что я веду себя как «взвинченная сучка», как любезно выразился Хантер.

«Я не могу, Рим».

Я не могу.

Бл*дь. Я до сих пор слышу слова Пейтон в своей голове. Она не может. Она не станет. Как, вашу мать, это возможно? Были ли её электронные письма просто способом сломить меня, показать мою уязвимость, попытаться узнать обо мне что-то новое, чтобы она могла одолеть меня, когда будет готова?

Что ж, это, вашу мать, сработало, потому что я чувствую, что схожу с ума.

Пейтон — всё, о чем я думаю.

Я ловлю себя на том, что вновь и вновь перечитываю наши сообщения и электронные письма по ночам. Пялюсь на сделанные ею снимки компании, на её фотографию в футболке с Уитни Хьюстон, на фотографию её задницы. Я жалкое подобие человека, который должен управлять компанией из списка Fortune 500, и всё же я здесь, уставился на фотки бывшей сотрудницы.

Я жалок.

И, тем не менее, я также чертовски зол. Чувствую себя преданным, как будто она разрушила мою защиту, чтобы я поделился с ней личной информацией, а потом она... ушла.

Планировала ли Пейтон рассказать мне, кто она такая, до того, как ей закроют доступ к электронной почте компании? Или она просто собиралась закончить тот день и никогда больше не связываться со мной? Зачем перечислять всё, что ей нравилось во мне, если она никогда больше не собиралась со мной разговаривать?

Зачем говорить мне, что она хотела со мной покувыркаться, если все это было ложью?

Хотя все казалось таким реальным. Откровенным. Честным.

Пейтон разоблачила меня, побудила во мне желание найти её ... а потом просто ушла.

После всех её разговоров о том, что она хочет меня, она уволилась.

Качаю головой и провожу рукой по волосам. Дерьмо, на данный момент мои эмоции более беспорядочны, чем у девчонки-подростка.

Встав из-за стола, поправляю галстук и стараюсь вести себя как профессионал.

Поправляю брюки, затягиваю галстук, проверяю запонки, надеваю пиджак.

Делаю глубокий вдох.

Я справлюсь.

Направляюсь к своей двери как раз в тот момент, когда входит Хантер, одетый в красную фланелевую рубашку, джинсы и ботинки.

— Чувак, все ждут тебя в конференц-зале.

Скриплю зубами.

— Я в курсе.

— «Лафлин и партнеры» готовы уйти.

— Тогда пусть идут. Им нужен мой бизнес. Они мне не нужны.

Хантер усмехается.

— После непримечательных рекламных текстов, представленных на прошлой неделе, я предполагаю, что ты нуждаешься в них больше, чем они в тебе.

Меня бесит, что Хантер прав, хотя я не признаю этого. Моему отделу маркетинга не хватает креативности. Если они не копируют Nike, то придумывают идеи в духе начальной школы, от которых мне хочется вырвать свои волосы до последней пряди.

— Ну, я уже иду. — Проталкиваюсь мимо него, но не раньше, чем он успевает схватить меня за руку и остановить.

— Ты должен смириться с этим, — шепчет друг.

— Брось.

— Рим. Все закончилось. С Пейтон покончено. Забудь о ней и двигайся дальше, потому что эти размышления не принесут ничего хорошего ни тебе, ни компании. Она запудрила тебе мозги, я понимаю, но ты не можешь продолжать думать об этом. Она того не стоит.

— Я не зацикливаюсь на ней.

— Ты хандришь.

— Иди на хрен, Хантер. — Я пытаюсь отстраниться, но он удерживает меня на месте.

— Тогда докажи, что я не прав. Вытащи голову из задницы и стань тем Римом Блэкберном, которого я знаю.

Почему этот ублюдок всегда прав? Сводит меня с ума.

Высвободив свою руку из его хватки, я поправляю костюм и говорю:

— Ты идешь? Я хочу, чтобы ты присутствовал на этой встрече.

Хантер осматривает меня с ног до головы, пытаюсь определить моё настроение. Я нацепил беспристрастное выражение лица и отложил Пейтон на второй план. Я не могу привести её на эту встречу.

— Прямо за тобой, босс.

Меня бесит, что мне интересно, что Пейтон думает об этой кампании. Меня бесит, что на каждой презентации я пытаюсь представить, что бы сказала Пейтон, как она разобрала бы их на части; по словам Джорджа, она так делала с предыдущими кампаниями, которые мы проводили собственными силами. *Но я так и не узнал, кем она была.* Не то чтобы я хотел в этом признаваться, но у неё наметан глаз на такие вещи, и это сводит меня с ума, потому что это означает, что она была права, а последнее, чего я хочу, — признавать её правоту.

Хотя я знаю, что Пейтон бы возненавидела эти презентации так же, как и я.

В них нет ничего особенного. Они не подчёркивают сильные стороны нашей линии и не выделяют её на общем фоне. Они даже не затрагивают одежду для походов, каякинга или скалолазания, сосредоточив внимание только на беговом аспекте. Бег — это капля в море, когда дело касается моей компании. Мы — приключения на свежем воздухе, а не гребанная компания, специализирующаяся на беге.

Разве это так сложно понять?

— И на этом всё заканчивается, — говорит лысый мужчина из агентства Maxwell. — Что вы думаете?

Это дерьмо.

Всё дерьмо.

Вам не хватает креативности, и, по сути, вам следует уйти на пенсию, потому что вы не можете предложить ничего стоящего, касательно нашей сферы деятельности.

Но я этого не говорю.

Делаю глоток воды, медленно глотаю, а затем закрываю бутылку крышкой.

— Спасибо, что уделили нам время. — Встаю со стула и застегиваю пиджак. Хантер следует за мной. — Спасибо всем, что пришли. Нам нужно многое обсудить. Мы скоро к вам вернемся.

Я коротко киваю и направляюсь в свой офис, Хантер следует за мной по пятам.

В ту минуту, когда стеклянная дверь за нами закрывается, мы оба выпускаем долгий, сдерживаемый вздох. Глядя друг на друга, мы одновременно разражаемся смехом, что случается со мной нечасто. Но, черт возьми, я ничего не могу с собой поделать.

— Это был кошмар. — Хантер подходит к моему мини-холодильнику, достает сырные палочки, протягивает одну мне, а также берет себе. — Словно оживший кошмар. Эти люди вообще смотрели свою презентацию?

Я разворачиваю сырную палочку и стучу ею по палочке Хантера — *Ваше здоровье!* — прежде чем откусить половину.

— Не думаю, что кто-то из них знал, какого хрена мы хотели от этой встречи. — Вспоминаю идеи, которые нам предлагали.

— Но признай, что предложение узнать, какой собакой ты являешься в соответствии с интересами в линии одежды... имела реальный потенциал.

— Думаю, стажеру из BuzzFeed пришла в голову эта дерьмовая идея. Но я не мог не задаться вопросом...

— Какая ты порода собаки? — заканчиваю я за него.

— Я склоняюсь к хаски. Это странно?

— Не-а, согласен. — Запихиваю остатки сырной палочки в рот.

— Ты точно чихуахуа.

Обе мои брови взлетают к линии роста волос.

— Ты ведь шутишь, правда? Ни за что на свете я не буду чихуахуа. Я питбуль.

— Ага, продолжай себя в этом убеждать. — Хантер садится на один из моих стульев и спрашивает: — Что ты собираешься делать?

Сажусь напротив него.

— Хрен его знает. Это были топовые агентства Нью-Йорка, и лучшей идеей был собачий тест. — Провожу руками по лицу. — Господи, мы в заднице. Я виню детские мультки, такие как «Щенячий патруль», в том, что они развращают наше общество.

— Откуда ты вообще знаешь, что это за мультки?

— Фарра одержима им. — Это всё, о чем она говорит, когда мы общаемся по FaceTime.

Естественно, я никогда не пропускаю разговоры по FaceTime с моей сестрой Бэйли или племянницей Фаррой. Она слишком очаровательна.

Хантер кивает. Пятилетняя Фарра вьёт из него веревки.

— Как дела у Бэйли? У неё всё ещё самые сексуальные ножки в городе?

— Ещё раз так скажешь о моей сестре, посмотрим, к чему это приведет.

Он усмехается и закладывает обе руки за голову, откидываясь назад.

— Что ж, похоже, нам придется отложить запуск линии, если только... — Его голос стихает.

— Если только что?

Почему я знаю, куда он клонит?

Засунув руку в карман своей фланелевой рубашки, Хантер вытаскивает визитную карточку и бросает её на мой стол.

Даже не глядя, я знаю, что это такое. Сквозь зубы говорю:

— Я позвоню ей только через свой труп.

— Потому что ты упрямый говнюк? Отлично, нашей женской линии скоро будет хана, потому что ты слишком горд, чтобы позвонить ей.

— Мы можем лучше, чем она.

— Правда? Потому что я почти уверен, что каждый день слышу, как Джордж плачет в своем кабинете из-за того, что Пейтон ушла. Она была огромным достоянием команды. Она нужна нам.

— Она ушла от нас.

— Чтобы преследовать свои мечты, как ты сделал это много лет назад, так что ты не можешь винить её в этом, чувак. — Хантер стучит костяшками пальцев по моему столу,

наклоняясь вперед. — Позвони ей, чтобы нам не пришлось брать на работу людей, которые придумали собачий тест. Вот это будет крахом компании.

ПЕЙТОН

Тридцать шесть.

Именно столько писем я сегодня отправила потенциальным клиентам, список в моем блокноте бросается в глаза, потому что у меня есть ещё тридцать два адреса, которым нужно отправить сообщение.

Я хотела найти ко всем клиентам индивидуальный подход, адаптироваться к потребностям каждого, поэтому просидела за этим столом весь проклятый день. Обиваю пороги, как говорится.

Я сама себе босс.

Я работаю на себя.

У меня есть свой кабинет...

Это ложь — я в своей любимой кофейне, и, слава богу, меня не выгнали за то, что я слоняюсь без дела, потому что я купила у них лишь чай со льдом среднего размера, и это было в десять часов утра.

Дарю баристе еще одну неловкую улыбку и машу ей рукой, уверенная, что она осуждает меня за алчность. Но я работаю на себя. Каждая копейка на счету, и я считала их все выходные.

Технически я могла уволиться из «Roam, Inc», но цифры, глядящие на меня с банковского счета, пугают до чертиков, и я отчаянно хочу, чтобы они росли, а не уменьшались.

Если в ближайшее время я не заключу контракт, без понятия, что буду делать.

Если мой бизнес накроется, я ни за что не вернусь в «Roam, Inc».

Рим ни за что на свете не наймет меня обратно — он достаточно ясно дал это понять, когда выгнал меня из своего кабинета и, по сути, из своей жизни.

Я должна допиться успеха «Fresh Minted Designs», даже если это убьет меня.

Поднимаю свой стакан с водой, лед растаял несколько часов назад, капельки конденсата стекают на мой ноутбук.

— Дерьмо. — Я тру клавиатуру длинным рукавом своей рубашки, стараясь не задеть клавиши и не испортить весь документ.

Такое уже со мной случалось, и это было ужасно. Однажды я протерла экран компьютера с помощью чистящего средства Windex, которое придало ему болезненный зеленый оттенок, и мне пришлось полностью заменить монитор.

Мне явно не везет с технологиями.

Где чертова салфетка, когда она мне нужна?

Я поворачиваюсь, локоть непреднамеренно занимает слишком много места, скользя по поверхности крошечного столика, я ударяюсь им о чашку и опрокидываю ее. Вода быстро переливается через край, и, слава богу, я взяла чашку среднего размера, а не ту большую, которую хотела.

Кроме того, она была наполовину пустой, так что на полу почти ничего нет.

Твоя чашка наполовину полная, Пейтон. Наполовину полна. Мысли позитивно.

Тем не менее, когда я встаю, чтобы вытереть пол, то поскользываюсь, выдергиваю шнур

из компьютера и наушники из ушей. Матерюсь:

— Проклятье! — Разворачиваюсь, хватаясь за шнуры и свой ноутбук, чтобы он тоже не упал.

К черту мою жизнь.

Беру несколько салфеток с соседнего столика, бросая на сидящую за ним девушку извиняющийся, неловкий взгляд, и наклоняюсь, чтобы убрать сделанный мной беспорядок. Провожу коричневыми салфетками по плитке туда-сюда, промокая лужу.

В тот момент, когда в моих руках горстка мокрых салфеток, дорогая пара черных кроссовок наступает на место, которое я только что тщательно вытерла, чтобы никто не поскользнулся. Кроссовки облегают волосатые загорелые ноги; мужественные и длинные, мой взгляд задерживается на мускулистых икрах. Коленях.

Скольжу взглядом вверх.

Синие сетчатые шорты.

Пах. Кхм... симпатичный пах.

— Сделай снимок, хватит на дольше, — издевается низкий знакомый голос, протягивая большую ладонь.

Я беру её, смущенно поднимаясь на ноги.

Рим.

Конечно, он увидел, какой беспорядок я устроила.

Господи, я ненавижу себя прямо сейчас.

— Спасибо. — Смахиваю волосы с глаз, лицо пылает. Это было не то впечатление, которое я хотела произвести на Рима, если бы мы случайно с ним встретились.

— Вижу, ты продуктивно работаешь? Осталось шесть месяцев, часики тикают. — Он имеет в виду количество времени, которое, по его мнению, мне понадобится, чтобы потерпеть неудачу, обанкротиться.

Уф, какой грубый *мудак*. Я неоднократно пыталась стереть с памяти его несправедливую оценку обо мне. Возле себя я хотела бы видеть человека, которому прекрасно удалось построить свой бизнес с нуля. Но он, увы... *мудак*.

Рим протягивает мне ещё одну салфетку с другого столика, как раз в тот момент, когда я вытираю свои ладони о штаны для йоги. Потрясающе, я сегодня в полном беспорядке.

Наши взгляды на мгновение встречаются, пальцы соприкасаются, когда я беру салфетку из его рук.

— Спасибо.

Он ничего не говорит в ответ, черт бы его побрал, так что я снова сажусь, приводя в порядок свой маленький уголок в кофейне, папки тоже вот-вот упадут со стола. Я знаю, что он, вероятно, наблюдает за мной с одним из своих непроницаемых выражений лица, пока я вожусь со своими вещами, выпрямив спину, решив не обращать на него внимания.

Но также хочу добиться с ним сделки.

— Только что был на тренировке? — На Риме спортивная одежда; этот мужчина — ходячая реклама, он выглядит горячо в спортивной одежде. *Точно так же, как в джинсах. И в своем великолепном темно-синем костюме.*

— Как раз собираюсь.

— Кофеин перед тренировкой? Разве это приветствуется?

Что он задумал?

Рим не держит кофе в руках и не делает ни малейшего движения в сторону кассы.

Кроме того, меня бросает в пот и возбуждает то, что он стоит здесь, выглядя офигенно аппетитным.

— Не хочешь присесть? — За этим крохотным столиком есть один свободный стул, и я слегка подталкиваю его носком кроссовка в качестве предложения.

Удивительно, но он соглашается, вытаскивая стул до конца, и припарковывает свою упругую задницу напротив меня.

Хм. Представьте себе.

Его платиновые глаза осматривают кофейню, прежде чем остановиться на мне, его взгляд холоден и пугающе пронизателен. У меня такое чувство, что он замечает всё, что его окружает, включая меня.

— Кроме того, что ты разбрасываешь своё барахло по всему полу, как у тебя дела? — Рим скрещивает руки на груди и откидывается на спинку стула. Не настолько сильно, чтобы опрокинуть его, но более небрежно, чем я когда-либо видела раньше.

Мне нравится эта его сторона.

Он выглядит... непринуждённо. И он задает вопросы обо мне — что так на него не похоже.

— Хорошо. — Мой голос звучит слишком бодро, и мне приходится немного сбавить тон, иначе он поймет, что я несу херню. — Я имею в виду, что сейчас мои дела идут немного медленно, но я только начинаю заявлять о себе.

Шестьдесят писем — плюс-минус — и ни одного ответа, потому что у меня не было потенциальных клиентов, идущих «самозанятого» работника. Просто вера в себя и немного денег в банке для старта.

Очевидно, я не упоминаю об этом.

Рим кивает.

— Экономика может быть на подъеме, но начинать с нуля всегда невыгодно.

Теперь я киваю — как будто знаю, о чем, черт возьми, он говорит.

— Это правда.

— Всё наладится. Только не принимай первое «нет» за чистую монету.

— Да? Потому что ты был моим первым «нет». И вторым, и третьим.

Возможно, он откажет мне и в четвертый раз, если прямо сейчас я поставлю его в неловкое положение и попрошу дать шанс поработать в его отделе маркетинга.

Я не садистка, поэтому не буду спрашивать.

Ещё нет.

Мы сидим в тишине, и внимание Рима переключается на окно и оживленную улицу, с которой он только что пришел, и мы вместе наблюдаем за людьми.

Я устраиваюсь поудобнее, ожидая, что он что-нибудь скажет.

— Ты даже не собираешься спрашивать, не так ли?

— Спрашивать о чём?

Он устремляет свой стальной взгляд в мою сторону.

— О работе.

— О какой работе?

— Должность консультанта по маркетингу.

Я повторяю эти четыре слова в своей голове, не улавливая сути.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Кто-то нанимает на работу? Потому что я устала работать в офисе, и ты это знаешь.

— Должность маркетолога в «Roam, Inc».

У них никогда не было должности консультанта. Конечно, они создали её, как только я, черт побери, ушла.

— О.

— Это всё, что ты можешь сказать?

— Что я *должна* сказать?

— Ты должна спросить, можешь ли ты получить эту работу.

— Но я не знаю, о чем речь.

— Это новая женская кампания. Она нуждается в направлении и свежем взгляде.

Он говорит то, о чем я думаю?

— О чём ты говоришь, Рим? Будьте конкретнее.

В типичной манере Рима Блэкберна он поджмает губы, медленно подбирая слова, одно за другим, прежде чем выпалить их, как это делает большинство людей.

Затем он закатывает глаза.

— Просто спроси.

Я хочу. Но боюсь.

Это действительно был долгий, дерьмовый день, и я только что пролила воду на себя и на пол, и разослала миллион электронных писем, которые наверняка будут отклонены, и я не знаю, смогу ли справиться, если он тоже отвергнет меня.

Тем не менее, в моей груди теплится лучик надежды. Он дает о себе знать, когда мой бывший босс выжидающе поднимает брови.

— Рим. Ты готов дать мне шанс разработать рекламную кампанию для новой женской линии?

Он делает вид, что размышляет над ответом.

— Может быть. Я подумаю об этом.

Мои глаза расширяются от раздражения.

— Ты придурок. — Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю подумать, потому что — какого хрена? Он сделал это нарочно.

Вокруг будто всё замирает, потому что Рим Блэкберн делает то, чего я никогда не видела за все те пять лет, что работала на него.

Он смеется.

Безудержный, глубокий и хриплый смех... обалдеть, его смех звучит невероятно, я имею в виду — вау.

Просто. Ух ты.

Рим смеется — надо мной, к тому же, — его плечи слегка подрагивают, белые зубы сверкают. Идеальные губы растянулись в настоящей улыбке, которая заставляет меня бесцеремонно пялиться на его рот.

Я не знаю, что сказать. Он такой красивый, когда смеется.

И этот звук...

— Выражение твоего лица прямо сейчас, — Рим хохочет, — бесценно.

«*Это потому, что ты адски сексуальный*» хочу я сказать. Это не имеет никакого отношения к работе, которую он явно собирается мне предложить.

— Ты поэтому здесь? Ты искал меня?

Он наклоняет голову.

— Возможно.

Приподнимаю подбородок.

— Не трать мое драгоценное время на игры, или я скажу «нет» из принципа.

Его улыбка снова превращается в бесстрастную маску, которую я привыкла видеть.

— Ладно. Ты права. Я здесь, чтобы предложить тебе контракт.

Офигеть.

Офигеть!

Дыши, Пейтон, дыши.

Почему я не могу быть крутой? Почему не могу лучше скрывать свои эмоции и переживания, ведь прямо сейчас я хочу вскочить со стула и вскинуть кулак вверх посреди кофейни, а я понятия не имею, какая будет зарплата согласно контракту.

Я хочу.

Мне это нужно.

Я имею в виду работу, а не секс.

Я сказала «секс»? С чего бы мне думать о нем? Это деловая встреча, ясное дело.

— Итак, позволь мне прояснить ситуацию: ты здесь для того, чтобы предложить мне контракт. Ты пришел сюда, надеясь нанять меня, — я дразню его, чтобы посмотреть, что он скажет.

Рим усмехается.

— Давай не будем забегать вперед.

— Тогда почему ты здесь?

Его губы сжаты.

— Тебе нужна работа.

— О, так ты теперь филантроп, помогаешь новоиспеченным безработным и прокладываешь им путь к вершине с нуля? Как великодушно с твоей стороны. Нет, спасибо, я пас.

— Как хочешь, — он произносит эти слова, но не отрывает задницу от стула.

Прищуриваюсь.

— Зачем ты это делаешь? Почему ты не можешь просто подавить свою гордость и признать, что я нужна тебе, и именно поэтому ты здесь? — Делаю глубокий вдох и беру себя в руки. — Ты слишком гордый, но и я тоже. И это не позволит мне устроиться на работу, которую ты даже не смог заставить себя предложить мне. Я отказываюсь принуждать тебя — так что, если я тебе понадоблюсь — а я подозреваю, что понадоблюсь, — то сейчас самое время сказать это.

Мысленно даю ему маленький совет. «Продолжай», — подбадриваю я его, как будто он ребенок. «Скажи, не стесняйся».

Мистер Ворчун тормозит, но обдумывает мои слова. Я вижу, как они вращаются в его мозгу, его челюсть сжата, на скулах заходили желваки.

Может быть, он даже немного скрипит зубами. Трудно определить.

— Пейтон, — Рим произносит лишь мое имя.

Одно слово.

— Да, мистер Блэкберн. Сэр. — Я дарю ему свою самую милую улыбку, зная, что он терпеть не может, когда к нему обращаются подобным образом.

Он двигает челюстью, а затем его слова поражают меня до глубины души.

— Ты нуждаешься во мне больше.

Дерьмо.

Видит ли он отчаяние в моих глазах, как от нервов дрожат мои руки?

Знает ли он, что я связывалась с кучей компаний в поисках сотрудничества, но ответа не получила?

В любом случае, я вхожу в образ Элизабет Беннет и надеваю штанишки гордой девочки.

— Возможно, — приподнимаю подбородок, — но я готова отказать тебе, просто чтобы доказать свою точку зрения. Ты не хочешь жертвовать новой линией. Вот почему ты здесь.

Я задерживаю дыхание, моя смелость берет верх надо мной.

Смелость или упрямый характер?

Может быть, и то и другое.

Рим задумчиво сжимает губы, издавая долгий, раздраженный вздох.

— Ты действительно знаешь, как нажимать на мои кнопки, тебе известно это?

— Известно. — На самом деле. Не улыбайся. *Не смей улыбаться.*

Ноздри Рима раздуваются.

— Я хотел предложить тебе должность маркетолога женской коллекции для активного отдыха.

— Мне? — Я скромничаю.

— Господи Иисусе, не могла бы ты...

— Шучу. Расслабься. Блин, ты так взвинчен.

Ему не смешно, и он встает с деревянного стула напротив меня, выпрямляясь во весь рост.

— Я попрошу Лорен отправить тебе подробную информацию по электронной почте.

Я тоже встаю, думая, что было бы неплохо закончить нашу импровизированную встречу рукопожатием.

Протягиваю руку.

Он таращится на неё.

Я шевелю пальцами, пока он не понимает намек и не накрывает своей ладонью мою. Пожимает мою руку один раз и отпускает, отступая назад, чтобы уйти — но не раньше, чем тысяча электрических разрядов пронзает все моё тело.

Vau.

Рим дрожит.

— Э-э, еще кое-что, прежде чем ты уйдешь.

Он поворачивается ко мне.

— Что ещё такое?

— Я... работаю удаленно, поэтому не буду приходить в офис, если это не будет встреча со всем персоналом отдела маркетинга. Считаю, что вдохновение пробуждает творческая среда.

— В месте вроде, — он обводит руками зал, — этого?

Я ухмыляюсь. Он такой засранец.

— Точно.

— Так с кем именно ты будешь проводить здесь встречи?

С кем. Рим восхитительно высокомерный.

— Что за вопрос... Я буду встречаться здесь с *тобой*.

РИМ

— Как прошла встреча? Тебе удалось заманить Пейтон?

— Мне не нужно было её заманивать, она была рада получить такую возможность.

Хантер смеется, он знает, что я несу полную чушь.

— Бред сивой кобылы. Она, наверное, послала тебя на х*й.

Не совсем эти слова, но да. В основном.

— Пришлось немного поугуговаривать.

— Ну, так как, черт возьми, всё прошло? — Хантер кладет в рот чипсы, покрытые соусом сальса.

Схватив стакан текилы, я откидываюсь на спинку стула и вспоминаю разговор с Пейтон.

Она была в беспорядке, опрокидывала напитки, выдергивала шнуры, спотыкалась, но, бл*дь, её задница в тех черных штанах для йоги произвела на меня впечатление.

Я вспомнил, как сильно хочу с ней *покувыркаться*.

Как сильно хочу закрыть её дерзкий ротик своими губами.

Как сильно хочу прижать к стене и распахнуть одну из её проклятых блузок, чтобы, наконец, увидеть, что под ней.

Я мог бы злиться из-за электронных писем, быть вне себя из-за того, что признал, что «Roam, Inc» нуждается в её помощи, и мог бы ненавидеть то, что всё ещё хочу эту женщину так же сильно, как и раньше, но знание того, что я также нужен ей, делает всё это терпимым.

Она нуждается во мне.

Это пьянящий афродизиак. Хотел бы я разлить его по бутылкам и продавать это дерьмо вместе со своими палатками, снаряжением и туристическими товарами.

Пейтон нуждается во мне. Я видел это в её глазах, когда она с опаской изучала меня: беспокойство, разочарование, стремление выглядеть лучше. Я видел сквозь дым, которым она пыталась окутать меня — она могла пытаться навешать мне лапшу на уши, что её жизнь стала намного лучше после ухода из «Roam, Inc», но я, черт возьми, знаю лучше.

Её бизнес уже терпит крах, и она нуждается во мне.

Какая-то часть меня хотела преподать ей урок — встать из-за стола и уйти, вообще не предлагая ей работу. *«Я готова отказать тебе, просто чтобы доказать свою точку зрения. Ты не хочешь жертвовать своей новой линией. Вот почему ты здесь».*

Меня бесит, что она права.

Раздражает до жути.

— Я жду, — говорит Хантер нараспев, делая глоток своей маргариты со льдом, приправленной сахаром, а не солью. Хорошо, что этот парень зарабатывает на жизнь тестированием приключенческого снаряжения.

— Что?

— Ты собираешься рассказать мне, как Пейтон послала тебя подальше, и как тебе пришлось умолять.

— Когда я в последний раз о чем-то умолял?

Хантер делает паузу, серьезно задумавшись. Щелкает пальцами.

— В восьмом классе ты умолял меня позвонить Саванне Гудрич и притвориться тобой, чтобы она оставила тебя в покое на танцах.

— Саванна Гудрич была прилипчивой стервой.

— Чувак, кстати, о стервозности, ты был таким плаксой.

— Неважно, нам было по тринадцать, забудь об этом. Я не помню, чтобы ты звонил кому-то, выдавая себя за меня.

Это полная чушь. Я помню все, словно это было вчера — я боялся девчонки-подростка, которая была по уши влюблена в меня, и не хотел, чтобы она следовала за мной по пятам на танцах в средней школе. Я умолял Хантера позвонить ей и сказать, что у меня на губе заразная бородавка, и я не хочу, чтобы она её видела. Все остальное время я прятался в тени, как киска, потому что был слишком труслив, чтобы танцевать с ней.

Мы с Хантером всегда занимались подобной ерундой — менялись местами, когда могли, и хулиганили. Хорошо, что мы были соседями и лучшими друзьями, а не однойцевыми близнецами, потому что, господи, у нас было бы столько неприятностей.

Я верчу в руках кукурузный чипс, отламываю кусочек и засовываю его в рот, жую, чтобы выиграть время.

— Ты действительно странно себя ведешь, — ворчит Хантер. — Я имею право знать. Это и моя компания тоже.

Боже, я ненавижу, когда он прав.

— Ладно. Я нашел Пейтон в кофейне. Ей нужна была работа, я предложил её ей, конец истории.

Хантер фыркает в середине глотка, разбрызгивая клубничную маргариту изо рта.

— Перестань вести себя так равнодушно. Мы оба знаем, что тебе пришлось убеждать её.

— Неправда. — Не-а. Пейтон вынудила меня вести себя жестко, потому что она такая дерзкая, волевая женщина. И с каждым гребаным безжалостным словом, слетавшим с её губ, мне хотелось поцеловать их. Поглотить её. *Но я не говорю об этом Хантеру.* — Технически я мог бы разработать маркетинговый план и без её помощи. — В конце концов.

Я небрежно делаю глоток своего напитка, пока Хантер набивает рот чипсами.

— П*здец, ты действительно веришь в эту чепуху? Ты же знаешь, что мы не сможем сделать это без неё. — Улыбка играет на его губах, пока он жуёт. — Когда у нас с ней назначена встреча?

Я приподнимаю бровь.

— Что значит «у нас»?

— В этой игре моя шкура тоже на кону. Хочу убедиться, что мы на правильном пути, и я буду держать тебя в узде.

Последнее, чего я хочу, чтобы он вмешивался.

— Я справлюсь сам.

Что задумал Хантер?

Он никогда не интересовался маркетинговыми кампаниями — я не могу припомнить ни одной гребаной встречи, на которой он присутствовал. Что его интересует, так это палатки; у него какая-то странная одержимость инновациями в новых конструкциях палаток, и всякий раз, когда мы разрабатываем новый стиль, он хочет быть частью каждого аспекта.

Он тот, кто их проверяет. Он не имеет никакого отношения к тому, как их рекламируют, производят или продают.

Это моя сфера компетенции.

Хантер качает головой и вытирает руки о черную салфетку, лежащую у него на коленях.

— Отсюда не похоже, что ты в чем-то разбираешься. На самом деле, кажется, что ты тонешь. — Друг корчит гримасу рыбы. — Буль. Буль. Буль.

— Я не тону. Мой отдел маркетинга некомпетентен.

— *Наши* отдел маркетинга.

Я закатываю глаза.

Он строго указывает на меня пальцем.

— Это все на твоей совести, босс, я ставлю палатки в поле. — Он кладет в рот ещё один чипс с солью. — У меня есть её данные, я назначу встречу.

— Пожалуйста, не надо.

— Но я сделаю это. — Хантер потирает руки. — Мне скучно, а это будет так весело.

Почему мне кажется, что это будет нечто большее, нежели встреча, посвященная женской линии?

— Милое местечко, — говорит Хантер, оглядываясь по сторонам и отодвигая деревянный стул в дальнюю часть кофейни, подальше от всех остальных. — Очень современно, городской декор в стиле кантри. О, смотри. — Он указывает за мою спину с широкой улыбкой. — Деревянная обшивка.

Господи Иисусе.

Провожу рукой по лицу, это не закончится хорошо.

Сажусь в кабинку рядом с Хантером, он хмуро смотрит на сиденье.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает друг, оглядывая меня с ног до головы.

В чем его проблема?

— Занимаю место, на что, бл*дь, это похоже?

— Если ты сядешь сюда, это будет выглядеть так, как будто мы одна из тех странных пар, которые сидят рядом, а не напротив.

— У меня вызывает отвращение тот факт, что ты думаешь, что мы могли бы стать приличной парой. Ты не в моем вкусе

Мои слова его не смущают.

— Я просто говорю. Я ненавижу этих людей. Меня от них тошнит.

— Мы должны сидеть рядом друг с другом, это встреча. Когда Пейтон придет сюда, она сядет там. — Я указываю на сиденье напротив нас. — И нам будет легче разговаривать.

— Ну, её здесь нет, и мы оба выглядим как идиоты. — Хантер указывает на другую сторону стола. — Сядь вон там, ради всего святого.

— Теперь это выглядит так, будто у нас любовная ссора. — Я смеюсь, когда он толкает меня бедром, пытаюсь столкнуть со скамейки.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы женщина увидела меня с тобой рядом? Я потеряю авторитет.

Плевать. Я не в настроении спорить с ним, поэтому встаю и занимаю место в углу, кладу iPad на стол и успеваю увидеть, как Пейтон заходит в кофейню через небольшие двери.

Её темные волосы длиной до плеч сегодня волнистые и растрепанные, как будто она провела утро на пляже, вдыхая соленый воздух. Длинная летняя юбка нейтрального серого

оттенка облегает покачивающиеся бедра. На ней также обтягивающая блузка серого цвета, серебряное ожерелье свисает между грудей.

Держу пари, эти сиськи идеальны.

Бл*дь, она горячая.

А эти губы? Они блестящие и натуральные, мерцают в солнечном свете, льющемся через окно, умоляя меня с ними пошалить, или, может быть, я просто сексуально озабоченный, зная, что она хочет переспать со мной.

Господи.

Осматривая кофейню, Пейтон замечает нас с Хантером в конце зала, медленная улыбка изгибает её губы, когда мы устанавливаем зрительный контакт. Затем она переводит свой взгляд на Хантера.

Она отрывисто машет рукой, прежде чем направиться к нам.

Когда Пейтон садится рядом со мной, до меня доносится аромат её цитрусовых духов. Мне следовало остаться на стороне Хантера за этим крошечным столиком.

Я гребанный дебил.

Хантер — этот придурок — кладет одну из своих обтянутых джинсами ног на свободный стул, заставляя Пейтон занять место рядом со мной. Когда она двигается, её упругая попка слегка покачивается, я стреляю взглядом в своего лучшего друга, который в ответ лишь извращенно шевелит бровями.

Засранец.

Господи, иногда я его ненавижу.

— Что ж, здравствуйте, парни. — Приветствие Пейтон кокетливое и милое, и её стройное плечо касается моего, когда она устраивается поудобнее. Ёрзает. В последний раз я был так близко к ней четыре недели назад. Христос. Просто подумал о том, какой нежной была кожа, когда я проводил носом и губами по её шее и щекам. Как сильно я хотел, чтобы она немного повернула голову, чтобы я мог почувствовать вкус её губ. Каждая часть меня — и я имею в виду все части меня — была настроена на её тело. Её нежность. Запах. *И все же она не воспользовалась шансом, который я ей предоставил.*

Возьми себя в руки, Блэкберн. Бизнес. Встреча.

— Хантер, я так рада, что ты смог прийти. Я бы хотела узнать твое мнение об этой линии.

Он кладет руку на пустой стул.

— Мистер Обтягивающие Штанишки сильно разозлился по этому поводу. Всё твердил и твердил о том, как он хотел провести время с тобой наедине, не так ли, Ворчун?

Что?

— Нет, неправда, — я отвечаю, словно капризный ребенок. Прочищаю горло и начинаю сначала более ровным тоном: — Я этого не говорил.

— Ну, может быть, ты использовал не совсем эти слова, но ты настаивал, чтобы я остался дома.

Хантер делает медленный глоток воды со льдом, стоящей перед ним.

— Я думаю, он влюблен в тебя, Пейтон.

— Хантер, — рявкаю я, потому что, *господи боже, почему он так себя ведет?* Что он несёт? — Будь гребанным профессионалом.

Ублюдок пожимает плечами.

— Когда это я был профессионалом? — Если бы у него во рту была жвачка, он бы

щелкнул ею, просто чтобы позлить меня.

Мы смотрим друг на друга, безмолвно общаясь:

Я убью тебя.

Нет, ты этого не сделаешь. Я твой лучший друг.

Мне все равно, что ты мой лучший друг. Ты покойник.

Она тебе нравится. Признай это.

Никогда.

Пейтон постукивает ручкой по столу, словно судья своим молотком.

— Извините, что прерываю это зрелище, разборки или что вы двое делаете, но я думаю, нам следует приступить к работе. Сейчас семь, а это заведение закрывается в девять...

Краем глаза я замечаю румянец на её щеках, когда она заправляет свои шелковистые волосы за красивое ушко.

Хм, я когда-нибудь замечал, что она носит серьги?

И с этого ракурса губы более пухлые, чем я помню, ресницы длиннее, они трепещут, когда она просматривает свои документы.

Скользу взглядом вниз по шее, гладкой и длинной, идеальной длины, чтобы я мог исследовать её. Ключицы выделяются, направляя мой взгляд к вершинам грудей.

Я ёрзаю.

С того места, где я сижу, вырез блузки достаточно низок, чтобы я мог любоваться кружевом её белого лифчика, поддерживающего сиськи идеального размера. Они бы поместились в моих ладонях. Это всё, что мне нужно.

Бьюсь об заклад, её соски...

— Эй, любовничек. Её глаза здесь, а рекламная кампания на столе, — говорит Хантер, кивая в сторону стола, на его самодовольном лице появляется огромная улыбка, когда он ловит меня с поличным.

Я устраиваюсь поудобнее, сажусь подальше от Пейтон и рассматриваю рекламные листы, которые она разложила на столе.

Бл*дь, они хороши.

Они намного лучше тех, что мы получали от других агентств, включая нашу собственную команду.

Цвета яркие и насыщенные, но в то же время женственные. Шрифт смелый и вдохновляющий, а фотографии, которые она выбрала, действительно демонстрируют тот ракурс, к которому мы стремимся — активная одежда для всех типов женщин.

— Я старалась выделить «Roam, Inc» среди всех других компаний, занимающихся активным отдыхом, подчеркнув её лучшие качества. — Пейтон поворачивается ко мне и шевелит бровями. Бл*дь, она милая. — Я имею в виду, посмотрите на всех этих великолепных женщин. — Она выкладывает картинку за картинкой. — Что у всех них общего?

— Они настоящие, — отвечаю я, замечая все формы и размеры.

— Вот именно. Они настоящие. Сначала это была одна из вещей, которая мне понравилась в этой линейке. Как вы показывали женщин всех слоев общества: старых, молодых, невысоких, высоких, фигуристых, миниатюрных. Вы ушли все нюансы, и одели их в различное снаряжение для активного отдыха, подчеркнув их лучшие черты. Когда я увидела снимки этой фотосессии, я подумала, что это была та кампания в социальных сетях, над которой я бы с удовольствием поработала, потому что возможности продвижения

безграничны, но по ходу дела я почувствовала, что вы потеряли видение. Вы отложили его на потом, сбавили обороты, и теперь, когда пришло время, вы в растерянности.

Точно подмечено. Именно так всё и было.

— Но, — продолжает она, — я могу не только воскресить эту рекламную кампанию из мёртвых, но и устроить потрясающий запуск.

Отвернувшись от меня, наклонившись настолько, что её дерзкая маленькая попка оказалась прямо в поле моего зрения, Пейтон роется в своей сумке на полу.

Пользуясь моментом, я смотрю на задницу — та самая задница, которая до сих пор является заставкой на моем компьютере. Упругая и в форме сердца, умоляющая, чтобы мои пальцы впились в нее. Сжимали её.

С другой стороны стола Хантер громко кашляет, прикрывая рот рукой и пиная меня под столом, как он делал, когда мы учились в средней школе.

Опять попался.

Друг с отвращением качает головой.

— Тебе действительно нужна няня, — шипит он как раз в тот момент, когда Пейтон садится обратно.

В течение следующего получаса она представляет нам множество идей для кампании.

— Все они немного отличаются друг от друга, но сосредоточены вокруг главного: приключений на свежем воздухе для всех женщин. Новички. Среднего уровня. Эксперты. Мамы-домохозяйки и те, кто занимается на тренажерах. Путешественники, туристы и те, кто просто хочет прогуляться по своему району.

Я не знаю, как ей это удалось, но это чертовски *гениально*, и мне досадно, что я сам до этого не додумался.

Или что никто другой из моих сотрудников тоже этого не сделал.

Хлопнув ладонями, Хантер встает — устраивает спектакль, вытянув руки над головой, — зевает и издает громкие звуки. Почему он все время так чертовски драматичен?

— Офигеть, это хороший материал, Пейтон. — Еще один фальшивый зевок. — Я уверен, что босс уже знает, который из вариантов выберет. Я одобряю их все.

Не то, чтобы это имело значение.

Его одобрение сейчас для меня ни хрена не значит, особенно после того, как он недавно сдал полупустой отчет о проделанной работе. У него может быть своё мнение, когда он выполнит *свою* работу должным образом.

Он смотрит на свои часы — марки «Roam, Inc» с толстым водонепроницаемым кожаным браслетом, который можно погружать на глубину до ста футов, — и заявляет:

— Ну что, дети, время игр для дяди Хантера закончилось. Мне пора идти. У меня назначен ужин, который я не хочу пропустить, но сначала я должен вздремнуть. — Друг шевелит бровями и постукивает по столешнице. — Отличная работа, Пейтон. Надо было нанять тебя для маркетинга, а не для всей этой ерунды в социальных сетях. Теперь нам придется взять тебя как внештатного сотрудника и платить тебе действительно большие деньги.

Он салютует нам двумя пальцами, щелкает каблуками и уходит.

Самодовольный ублюдок.

Из-за того, что Хантер ушёл рано, мы с Пейтон застряли, неловко сидя рядом друг с другом, на одной стороне стола. Мы похожи на пару — если бы мы были парой.

Избегая моего взгляда, Пейтон изящно делает глоток воды. Закрывает бутылку.

Ставит её на стол.

Прочищает горло.

Перебирает пальцами несколько фотографий, разложенных на столе аккуратными рядами, и, наконец, говорит:

— Можешь сказать что-нибудь, пожалуйста? Я тут вроде как умираю.

Я почесываю подбородок, щетина грубо царапает подушечки пальцев.

— Хочешь еще комплиментов?

Пейтон поворачивается ко мне, в глазах уязвимость, моё одобрение важно для неё. Она красивая, чрезвычайно талантливая, остроумная и дерзкая, но моё одобрение важно для нее.

— Я хочу узнать, хорошо ли я выполнила свою работу. Представила ли я вам что-то, что ты мог бы уверенно использовать? Дала ли я вам какую-нибудь идею, которая могла бы тебя *заинтересовать*?

Заинтересовать. Просто то, как она это говорит...

Бл*дь, меня *возбуждает* блузка, которая на ней, и то, что я видел её кружевной лифчик пять раз за полчаса. Ага, я считал. И да, я заинтересован.

Она здесь и она предоставила варианты, с которыми мы точно сможем работать.

Кампания будет потрясающей.

Тем не менее, я не могу удержаться от того, чтобы не преподнести ей урок

— Мне нужно подумать об этом.

Пейтон моргает несколько раз, на её лице отражается шок.

— О. — Снова моргает. — Да, конечно.

Она медленно и методично начинает собирать разложенные на столе материалы, аккуратно складывая каждую фотографию в папку с надписью «Иллюстративные материалы».

Берет несколько нарисованных от руки рекламных эскизов и засовывает их в кожаный портфель. Документы отправляются в другую папку, вместе с несколькими статьями о наших конкурентах и их рекламных кампаниях, ориентированных на женщин.

Закончив собирать свои вещи, Пейтон тоже встает из-за стола, перекидывает сумку через плечо и протягивает мне синюю папку.

Я беру её, не отрывая взгляда от её опущенной головы, вся уверенность исчезает в считанные секунды.

Мне отчаянно хочется приподнять её подбородок, заставить посмотреть на меня, чтобы Пейтон увидела, что я просто играю в крутого парня, но я этого не делаю. Это бизнес, и даже несмотря на то, что я собираюсь нанять её, она должна понять, что не всё дается так легко. Если Пейтон хочет добиться успеха, ей нужно увидеть эту сторону бизнеса — отчаяние.

Мы выходим из кофейни и останавливаемся, чтобы попрощаться.

Она протягивает мне руку как профессионал, которым она и является.

— Спасибо, что позволили мне выступить перед вами сегодня, мистер Блэкберн.

Её формальность вызывает у меня улыбку. По крайней мере, сегодня вечером она не называла меня «сэр».

Я беру её руку в свою, чувствуя мягкую и изящную ладонь, идеально подходящую к моей большой.

— Спасибо, что нашли время, чтобы предложить эти идеи. Я позвоню.

Пейтон кивает и тяжело сглатывает. Я вижу, она хочет сказать что-то ещё, но замолкает, сдерживая свой острый язычок. *Это моя девочка.* Проклятье.

Нет. Не моя девочка. Она профессионал.

В ответ Пейтон увеличивает расстояние между нами на несколько футов.

— Я с нетерпением буду ждать вашего звонка, мистер Блэкберн.

Делая шаг вперед, сокращаю дистанцию и сжимаю пальцами её подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

— Называй меня Рим. Мне нравится, как моё имя звучит из твоих уст. — *Я сделал больше, чем следовало.*

Посмотрев на неё в последний раз, я разворачиваюсь на пятках и направляюсь к своему дому. Я заведен и адски возбужден. У меня есть кое-какие дела, о которых нужно позаботиться, и они никак не связаны с «Roam, Inc».

ПЕЙТОН

Я не могу дышать.

Даже спустя три часа, спрятавшись под простынями, когда встреча давно закончилась, я всё ещё не могу дышать.

Почему они не сидели рядом? Почему я должна была сидеть рядом с Римом?

Когда я вошла в кофейню и увидела свободный стул рядом с Римом, я поняла, что мне будет чертовски трудно показывать свою презентацию, находясь так близко к нему.

И я была права.

Я чувствовала, как он скользил взглядом по моему телу, его спокойные, уверенные глаза следили за тем, как поднималась и опускалась моя грудь с каждым сдавленным вздохом. Я чувствовала, что язык его тела направлен в мою сторону, и когда Рим взял у меня фотографии — лёгкое прикосновение его пальцев к моим, невинное и в то же время такое греховное, я почувствовала его до мозга костей.

Профессионализм? *Что это такое?* Я едва помню, хорошо ли я провела презентацию, потому что я была так взвинчена тем, что сидела так чертовски близко к Риму, что не могла сосредоточиться. Я путалась в словах, роняла документы на пол, и каждый раз, когда Хантер хихикал, я становилась всё более и более отчаянной.

Наверное, поэтому Рим не откликнулся на мои идеи. Я была в ужасном состоянии. *Такой.*

Непрофессиональной.

Вздыхнув, откидываю голову на подушку. Боже, я не спала допоздна каждую ночь в течение последних трёх дней, репетируя, убеждаясь, что всё идеально, а потом я пошла и всё испортила, потому что одеколон Рима взбудоражил мой разум.

Он должен подумать.

Я не виню его. Если бы я сидела в качестве слушателя на своей презентации, я уверена, что была бы такой же созерцательной, как и он.

А я-то думала, что работа уже в кармане.

Прикусываю нижнюю губу, когда слёзы начинают покалывать в уголках глаз.

Это глупо. Я не должна плакать. Я показала Риму потрясающую презентацию, да, возможно, я нервничала, но мои идеи были хорошими, а это всё, что должно иметь значение.

Почувствовав себя немного увереннее, я беру телефон с тумбочки и открываю электронную почту, надеясь увидеть письмо от Рима, в котором говорится, какая я замечательная.

Но когда я обнаруживаю, что в моем почтовом ящике НОЛЬ новых сообщений, я снова становлюсь неуверенной.

Хорошо, что эта уверенность была недолгой.

Если бы у меня не было твёрдого намерения остаться в своей кровати и никогда больше не вылезать из неё из-за огромного количества унижений, которые мне пришлось пережить сегодня, я бы подошла к холодильнику и достала пинту мороженого.

Может быть, по телевизору показывают что-нибудь хорошее, что поможет отвлечься. Но пульт... он так далеко, на другой стороне моей кровати.

Поддавшись лени, я снова беру мобильный в руки как раз в тот момент, когда приходит сообщение.

От Рима.

В моем животе порхают бабочки, доводя меня до нервного срыва. Сев и прислонившись к изголовью кровати, я читаю его сообщение.

Рим: *Вопрос о твоей сегодняшней презентации*

О, боже, ладно, соберись. Отвечай быстро, но умно.

Пейтон: *Надеюсь, у меня есть для тебя ответ.*

Я жду, пока маленькие точки танцуют.

Рим: *Ты нервничала?*

Это тот вопрос, который он хотел задать о моей сегодняшней презентации?

Рим заставляет меня нервничать. Он никогда ничего не оставляет без внимания. Он наблюдает, оценивает, а затем даёт понять, что видит, никогда не приукрашивая. Это одна из причин, почему я так уважаю его как генерального директора, но также и одна из причин, по которой мне хочется врезать по его красивому лицу, особенно когда оценка направлена в мою сторону.

Я не могу солгать ему, потому что он уже знает ответ, поэтому решаю быть честной. Может быть, он отнесется с уважением к откровенному ответу.

Пейтон: *Да, очень нервничала.*

Рим: *Почему?*

Почему? Он серьезно?

Ну, помимо того факта, что я много раз давала понять, что хочу с ним покувыркаться, или что он самый шикарный мужчина, которого я когда-либо видела, я хочу заслужить его уважение. Хочу произвести на него впечатление. Я хочу, чтобы он увидел, что я достойна этой работы.

Пейтон: *Несмотря на очевидное?*

Рим: *Что очевидное?*

Ух, он заставит меня сказать это, не так ли? Зная Рима, так и есть. Он заставляет меня потрудиться ради этой работы. Я знаю это, так что я вполне могу выложить ему всю правду.

Пейтон: *Очевидное: то, что я откровенно призналась в своём влечении к тебе, выходящем далеко за рамки профессиональных отношений.*

Рим: *А-а-а, это.*

Пейтон: *Да, это. Довольно трудно воспринимать меня всерьёз, когда я не очень вежливо попросила тебя несколько раз наклонить меня над твоим столом.*

Рим: *Это было лестно... и забавно.*

Пейтон: *Двигаемся дальше.*

Рим: *Почему ещё ты нервничала?*

Я закусываю внутреннюю сторону щеки и печатаю ответ, прежде чем успеваю струсить.

Пейтон: *Потому что я уважаю тебя, твою трудовую этику, то, что ты смог создать «Roat, Inc». Я ценю твоё мнение, и поскольку я теперь сама по себе, я не знаю... Мне неприятно это говорить, но я как бы ищу твоего одобрения.*

Зажмуриваю глаза, когда отправляю сообщение, немного смущенная, но и испытывающая некоторое облегчение от своего признания. Если и было что-то полезное в наших почти ежедневных электронных письмах, так это то, что оно помогло мне быть честным с Римом.

И я думаю, что это хорошо. Мне кажется, он предпочитает полную искренность, а не хныканье и потворство каждой его колкости и настроению.

Рим: *Ищешь одобрения от кого-то другого? Таким образом, ты навлекаешь на себя неприятности в бизнесе, Пейтон. Никогда не ищи одобрения у кого-то, только у себя.*

Рим: *Будь уверена в своей работе, в своей бизнес-модели, в продукте, который ты создала. Твоя уверенность распространится на твоих клиентов, и они наймут тебя именно из-за этого.*

Кто этот человек сейчас? Действительно ли это Рим Блэкберн, дающий мне разумный совет по поводу моего бизнеса? Я знаю, что так и должно быть, но он делает забавные вещи с моим желудком, переворачивая его вверх дном и выворачивая наизнанку.

И тут меня осеняет.

Ему не всё равно.

Он может надевать стальную непроницаемую маску, но за его крепостным фасадом скрывается прекрасный добрый человек. Именно так я и подозревала, но я никогда не думала, что смогу увидеть это воочию или он откроет мне эту сторону себя.

Пейтон: *Это очень хороший совет, Рим.*

Рим: *Только не говори никому. Мне нужно, чтобы мои сотрудники боялись меня.*

Пейтон: *Твой секрет в безопасности со мной.*

Я делаю паузу, размышляя, уместно ли спрашивать его о моей презентации.

Сейчас мы довольно откровенны друг с другом, обычная стена, возведенная между нами, временно убрана.

Прежде чем Рим успевает ответить, я отправляю ему второе сообщение.

Пейтон: *Будь честен со мной, какая-нибудь из моих идей возбудила твой интерес?*

Рим: *Возбудила мой интерес? Не уверен в этом, но да, я был... впечатлен.*

О.

Боже.

Моё сердцебиение учащается, безжалостно скача в груди, когда до меня доходит смысл его слов.

Он был впечатлен. Я, Пейтон Мари Левек, произвела впечатление на Рима Блэкберна. Как будто все космические силы выстроились в ряд и осветили меня, подарив мне этот маленький момент, эту маленькую победу.

Я произвела на него впечатление, и я знаю, что мне должно быть всё равно, что он скажет, но я не могу не волноваться. Рим — талантливый профессионал в мире исполнительных директоров, и произвести впечатление на человека такого уровня — чертовски приятно.

Рим: *Дай угадаю, ты сейчас танцуешь счастливый танец.*

Я громко смеюсь и качаю головой, пока печатаю.

Пейтон: *Нет, на самом деле я пытаюсь поднять свою челюсть с пола.*

Рим: *Ты действительно настолько шокирована?*

Пейтон: *Э-э, да. Ты... подожди, мы должны вести этот разговор с помощью смс?*

Рим: *Вероятно, нет.*

Пейтон: *Итак...*

Рим: *Поужинай со мной завтра вечером. Мы сможем всё обсудить.*

Почему у меня такое впечатление, что слово «всё» имеет большое значение?

Пейтон: *Ужин в смысле как деловые партнеры?*

Рим: *Да, а какой еще это может быть ужин?*

Ну, не знаю, тот, когда ты стягиваешь с меня штаны и переходишь к делу прямо посреди оживленного ресторана, официанты передают стаканы с водой над нашими извивающимися телами.

Пейтон: *Просто хотела убедиться.*

Рим: *Тебе нравится итальянская кухня?*

Пейтон: *Oui, oui monsieur! (прим. пер.: Да, да, сэр.)*

Рим: *Это французский.*

Пейтон: *Эх, достаточно близко. Пришлешь мне детали завтра утром?*

Рим: *Я попрошу Лорен прислать тебе.*

Моя улыбка на секунду исчезает, когда я слышу об участии Лорен, но, опять же, это бизнес и не более того. Не нужно превращать это в нечто иное.

Пейтон: *Здорово. С нетерпением жду.*

Рим: *Хорошо. Мне нужно просмотреть ещё несколько отчетов. Увидимся завтра.*

Пейтон: *Не перетруждайся, Рим. И спасибо тебе.....за шанс, возможность поговорить с тобой и Хантером — за всё.*

Рим: *Не нужно меня благодарить. Ты сделала свою работу. Этого более чем достаточно.*

Спокойной ночи, Пейтон.

Я не могу стереть улыбку со своего лица, когда ложусь в постель, прижимаю телефон к груди — на горизонте маячит новая возможность.

Не говоря уже о том, что завтра вечером я буду ужинать с Римом. Может, у нас и деловая встреча, но это не значит, что я не могу выглядеть сногсшибательно.

В конце концов, поговорка гласит: «Одевайся так, чтобы впечатлять». Но в поговорке не сказано, *на кого* производить впечатление.

РИМ

— ... Итак, видишь этот образ? Девушка устала, но полна решимости, верно? И ты понимаешь, просто взглянув на неё, что она собирается... Рим? Ты слышишь меня?

Нет.

Нисколько.

На самом деле, я не слышал ни единого гребаного слова, сказанного Пейтон с тех пор, как она вошла в ресторан сегодня вечером, с блестящим черным кожаным портфолио, зажатым под мышкой. Стройные ноги и загорелая кожа, красное платье на её теле, которое не является обычным нарядом для деловой встречи по нескольким причинам:

1. Оно кроваво-красное. Сексуальное.
2. Обтягивающее.
3. Демонстрирует слишком большое декольте.

Пейтон выглядит очень сексуально, и это охренеть как отвлекает.

А теперь она приподняла брови и выжидающе смотрит на меня, словно я должен изречь какую-то глубокомысленную чушь о фотографии, которую она держит двумя пальцами.

Её ногти темно-серого цвета.

Я отвожу глаза и смотрю на фотографию.

Какая-то дама у раковины, одетая в нашу спортивную одежду решительно смотрит в окно на кухне, как будто собирается покорить гору вдалеке, как только закончит свои дела.

— Да, я весь во внимании.

Нет.

Пейтон улыбается, на её щеке появляется ямочка, которую я раньше не замечал.

— Ты — лжец. Докажи.

Я быстро соображаю.

— Что-то бла-бла, эта гора выглядит высокой? Этой женщине явно понадобится походное снаряжение.

Мгновение Пейтон ничего не говорит — просто пристально смотрит на меня, держа бокал с вином в руке на полпути к приоткрытым губам. Но потом она смеется.

Откидывает назад голову и хохочет.

— Ты смешной, когда хочешь быть таким, ты знаешь это?

Правда? *С каких пор?*

— Никто не считает меня смешным.

— А я считаю. — Пейтон делает глоток вина и изучает меня поверх бокала.

— Ты явно пьяна.

— Вовсе нет.

— Тебя легко развеселить?

— Нет. Я придирчивый слушатель.

Это не так, эта женщина смеется над всем.

— Ну, тебе следует провериться, потому что у тебя явно сотрясение мозга.

Пейтон снова смеется, вино пузырится горле, её красные пухлые губы растягиваются в улыбке. Белые зубы. Ямочки. Темные волосы.

Она — образец стильной, сексуальной и привлекательной девушки, всё в одном.

Я вожусь со своим ножом.

— Не хочешь сделать перерыв в обсуждении и заказать закуску или что-то в этом роде?

Она выглядит так, будто её удивило моё предложение.

— Конечно. Ты всё равно не обращал внимания. — Её глаза не закатываются, но они близки к этому. — И напоминаю тебе, что эта встреча за ужином была твоей идеей — не моей.

— Я люблю есть настоящую еду, а не перекусывать едой для кроликов из кофейни в середине дня. — Булочки, круассаны и прочее дерьмо. — В том месте у нас тоже ничего не получилось.

На этот раз смех Пейтон громче, и она прикрывает рот льняной салфеткой, вспомнив, где находится. И о своих манерах.

Мы в очень хорошем, мать его, месте — в моём любимом стейк-ресторане, где подают мясо и морепродукты. Пейтон призналась Лорен, что любит лобстеры, когда мой помощник позвонила, чтобы подтвердить дату и время. Так что итальянский ресторан был вычеркнут из списка. Атмосфера здесь мрачная, все столики освещены маленькими лампочками, свет приглушен. Темно-зеленые кожаные кабинки и красное дерево, это место стильное и изысканное и совсем не подходит для встречи, ради которой мы с Пейтон притворяемся, что собрались.

— Мы многого добились на той первой встрече. О чём ты вообще говоришь? — Её дерзкий носик сморщен и смущен, и мне хочется постучать по нему пальцем.

Иисус Христос. Что, бл*дь, со мной происходит?

Я не флиртую — я ужасен в этом.

Я не смеюсь и не шучу.

Я просыпаюсь, работаю, потом сплю и ем. Потом встаю и работаю снова, изредка выбираясь из города, чтобы сделать то, что я изначально намеревался — насладиться природой. На открытом воздухе. Которую я теперь редко вижу, запертый в своём офисе, в бетонных джунглях города, который стал моим домом.

Пейтон задумчиво изучает меня, наклонив голову.

— Не хочешь рассказать мне, что у тебя на уме? Ты сейчас выглядишь погруженным в свои мысли.

Если бы я мог убрать её из своей головы, это было бы просто охренительно, спасибо.

Я беру кусок хлеба из корзинки на столе, разламываю его пополам и кладу один кусочек на тарелку для хлеба. Вторую половину я откусываю. Жую.

— Сейчас я нахожусь в очень странном положении, как в личном, так и в профессиональном плане, наверное. — Не могу поверить, что признаюсь в этом кому-то, и в первую очередь ей. — Мне только сейчас пришло в голову, что я не делал ничего активного вне дома в... Господи. Я даже не знаю.

— Что бы ты сделал в первую очередь, если бы мог?

— Поднялся на гору. — Раньше я часто делал это дома, хотя ничего грандиозного.

— На какую?

— Не знаю, ничего похожего на Эверест, если ты об этом думаешь.

Мы оба смеемся, наши звуки смешиваются.

— Я не думала об Эвересте, скорее, о чем-то в Адирондакских горах.

Размышляю над этим, вертя свой стакан с водой на столе.

— Мне там нравится.

— Дай угадаю, у тебя там есть домик.

Улыбка растягивает мои губы.

— Возможно. — *И я хотел бы взять тебя туда, когда-нибудь. Ты и я. Горы. Моя хижина. Уединение.*

Нагота.

Пейтон закатывает глаза, но затем наклоняется вперед, как будто собирается открыть секрет.

— Ты позволяешь сотрудникам останавливаться в домике бесплатно? — Она шевелит бровями, выглядя очаровательно милой.

Я раздражаюсь звонким смехом, откидывая голову назад, её вопрос был неожиданным.

— Только если они делают для меня хорошую работу.

Пейтоно потирает руки.

— Тогда я начну планировать своё маленькое путешествие прямо сейчас, потому что знаю, что сорву тебе крышу этой кампанией.

Сорвать.

Хотел бы я, чтобы она сорвала что-нибудь ещё, кроме моей крыши, прямо сейчас.

Я ерзаю на стуле, снова глядя на её декольте, пока она делает плоток. Такая офигительно полная. Что бы я только не отдал, чтобы перетащить Пейтон через этот стол, расстегнуть молнию на платье сзади и взять соски в рот, прямо здесь, в зале этого шикарного ресторана. Мне было бы наплевать на непристойное поведение. Меня бы волновало только то, какова она на вкус, как её затвердевшие соски ощущаются в моем рту.

Прочищаю горло.

— Тебя всегда интересовал графический дизайн? — спрашиваю я, засовывая второй кусочек хлеба в рот и медленно пережевывая, давая ей время ответить.

— Да. Ну, да и нет. Это не было моей специальностью в колледже, но в детстве я любила дизайн. — Она улыбается, глядя на стол, и закусывает губу, прежде чем снова поднять голову. — Я думала, что стану архитектором, но я не сильна в математике, поэтому мне пришлось сменить специальность, в итоге я получила диплом в области бизнеса. В свободное время рисую, фотографирую и всякое такое.

— Итак. Творческая личность.

— Наверное, я думаю.

— В твоей квартире всё ярко и красочно?

— Ты так себе её представляешь?

Изучаю Пейтон. Она не взбалмошная, просто... счастливая.

— Нет.

— А что ты представляешь?

Я молчу, размышляя. Представляю её обнаженной, стоящей посреди полностью белой комнаты, полные сиськи, жаждущие моего прикосновения, длинные ноги, готовые и желающие обхватить моё тело.

Но я не говорю этого.

— Я представляю себе твою квартиру так, будто на твою жилплощадь вырвало товарами из магазина Pottery Barn. Просто модное баракло повсюду.

— Что... — Пейтон охает. — Ладно, хорошо. Это правда. Именно так выглядит моя квартира, подай на меня в суд. Засуди меня за то, что я люблю модные бежевые вещи. — Она бросает на меня косой взгляд, проводя пальцем по ободку своего бокала. — А как насчет тебя? Как выглядит твоя квартира?

— Не так, как если бы в неё вырвало Pottery Barn.

— Хочешь, я рискну предположить?

Откидываюсь на спинку стула.

— Конечно. Дерзай.

— Ну... — начинает Пейтон. — Много черного цвета, чтобы соответствовать твоему настроению. Холодное пространство. Бетонные полы. Высокие потолки и нержавеющая сталь. Ты купил её такой и ничего не украшал сам. Кто-то пришел и сделал это за тебя, и ты это ненавидишь, но менять было слишком дорого, поэтому ты так и оставил.

Что. За. Черт.

Она приподнимает одну бровь.

— Я права, не так ли?

Я не могу удержаться от смеха — громкого, раскатистого смеха, который сопровождается ударом руки по столу. Вот как я охрененно удивлен, что она меня раскусила.

— Да. Ты абсолютно права.

— Насколько я права?

— Это моя квартира, вплоть до бетонных полов. — Что я ненавижу, потому что в этой гребаной квартире всегда холодно. И если бы я знал, положил ковер. — Мне приходится носить тапочки каждый день, независимо от того, насколько тепло на улице.

— Ты.носишь тапочки?

— Да.

— Как они выглядят?

— Угадай.

— Гм... черные кожаные со стельками из искусственного меха?

— Пфф, — усмехаюсь я. — Едва ли. Это тапочки медведя гризли. Хантер подарил мне их, и они крутые. — Каждый раз, когда я делаю шаг, медведь открывает пасть и как будто рычит.

— Это что, шутка? Или у тебя действительно есть плюшевые тапочки?

— Я не сказал «плюшевые», я сказал «гризли».

— То же самое, типа того.

— Нет, это не одно и то же.

Пейтон сжимает большой и указательный пальцы одной руки, зажмуривает один глаз.

— Чуть-чуть.

Я не могу понять, дразнит она меня или флиртует со мной. В любом случае, мне это нравится.

Пейтон делает глоток вина и смотрит в сторону, покусывая нижнюю губу.

Определенно флиртует.

Красное сексуальное платье. Красные губы. Высокие каблуки.

Флирт.

На столе всё ещё лежат документы, и я указываю на них.

— Может, нам стоит убрать, чтобы на них ничего не пролилось.

— О. Хорошая идея.

Мы быстро складываем их и запикиваем в черный кожаный портфель Пейтон. Он элегантный и дорогой, и отлично смотрится с её сегодняшним образом. Стильно, сексуально и профессионально.

— Мне любопытно. Почему Нью-Йорк? Почему ты не выбрал другое место для компании, например... Колорадо или даже Чикаго, где разнообразный рельеф? Я знаю, что сначала ты сказал, что это из-за того, что твои родители живут в Буффало, но ты уже мог изменить своё мнение.

Это хороший вопрос, его задают почти все. Особенно журналисты, которые писали обо мне в прошлом. И всё же, когда этот вопрос задает Пейтон, я более расслаблен, чтобы говорить об этом. Она действительно хочет узнать... меня. Это было нечто удивительное в тех электронных письмах, которые мы отправляли друг другу. Кажется, она хочет знать больше. Даже теперь, когда я знаю, кто такая СЛИТ. Это больше не загадочная игра, а... дружба?

— Это Нью-Йорк. Здесь Уолл-стрит и большой бизнес, а я всегда хотел, чтобы мой бизнес был именно таким. Большим. Акционерным. Я не думал, что смогу добиться этого где-то еще.

— Понимаю. А сейчас?

— Теперь я *знаю*, что мог бы. — Но теперь уже слишком поздно.

Я здесь. Бизнес здесь.

Единственное, что я могу сделать, это открыть больше филиалов в более сельской местности, например, в Колорадо-Спрингс или Вермонт. Или в штате Вашингтон.

Когда-нибудь это случится, но не сейчас.

А сейчас я не хочу больше говорить об этом. Я хочу поговорить о ней.

— Почему ты решила основать свой собственный бренд?

Пейтон откидывается на спинку стула, повторяя мою позу.

— О. Бренд... Мне нравится, как это звучит. Очень. — Она делает глоток, и вода попадает на её губы. — Не пойми меня неправильно, мне нравилось работать на тебя — возможно, даже слишком. Но я была великолепна в своем деле, и, честно говоря, никто не хотел повышать меня из-за этого. Если это имеет смысл.

Да, это имеет смысл. Вы получаете хорошего работника и хотите удержать его на прежней позиции.

Жаль, что она уволилась, когда я мог бы использовать её в другом месте.

— Я скучаю по тому, как встречала тебя в офисе. — Её слова удивляют меня, но я стараюсь не показывать этого.

— О чем ты говоришь? Мы почти не виделись.

— О, я видела тебя много раз. — Пейтон понимающе хихикает. — Ты просто не замечал.

— Когда? — Я почти не спускался на нижние этажи.

— Не знаю, заметил ли ты, но я дружу с Лорен. Мы с ней часто обедали, я заходила за ней и видела тебя. Ты был всегда такой серьезный. — Она делает сердитое лицо. — Всегда сидел за своим столом.

— Я никогда тебя не видел. — Как это вообще возможно, когда она — всё, о чём я могу думать сейчас? Когда она — всё, что я вижу?

— Нет. Твоя голова всегда была опущена.

Сейчас она не опущена. Она поднята, и мои глаза смотрят прямо на неё. И под

сияющим светом этого тусклого ресторана она действительно офигительно красива.

Если быть честным с самим собой, то я чертовски разочарован, что её не будет в офисе в понедельник, потому что первое, что я бы сделал, это поднял голову и уставился на неё, когда она бы пришла забирать мою помощницу на обед.

Может быть, даже кокетливо подмигнул бы ей.

Действительно?

— Ты снова это делаешь, — поддразнивает она.

— Что делаю?

— Погрузился в свои мысли.

Какого хрена я продолжаю это делать? Это так не похоже на меня. Это нервирует и немного выбивает меня из колеи. Мне нравится контролировать свои мысли и действия, а Пейтон заставляет меня...

— Дерьмо, извини.

— Когда ты в последний раз занимался сексом? — Её вопрос случайный, неожиданный, неуместный, и я чуть не давлюсь собственной слюной. Пейтон чертовски серьезна и выглядит так, будто действительно хочет знать.

Когда я размыкаю губы, я почти говорю что-то нелепое, типа «Прости?» или «Прошу прощения?», но я прикусываю язык и умудряюсь не покраснеть.

— Я не уверен.

Пейтон не верит мне; это написано на её красивом лице.

— Ты не уверен? Как ты можешь быть не уверен? Я думала, что мужчины помнят все мельчайшие подробности о сексе.

Это не мелочь, это постыдный факт, и я не собираюсь делиться им с ней.

Я отклоняюсь.

— Почему тебя это вообще волнует?

Одна из её искусно выщипанных бровей поднимается.

— О, ты знаешь, почему меня это волнует.

Знаю.

Она хочет покувыркаться со мной.

А у меня не было секса уже... месяцы. Сколько месяцев, я понятия не имею — Хантер наверняка знал бы, если бы я его спросил. Этот ублюдок знает обо всех моих личных делах и помнит бóльшую их часть. Он самый надоедливый человек, которого я когда-либо встречал в своей гребаной жизни.

— Шесть месяцев, — выпаливаю я, просто чтобы увидеть выражение её лица, выбирая случайное число и полагая, что оно достаточно близко к точному, чтобы успокоить её.

— Не-а, я тебе не верю.

— Ты не обязана мне верить. Это факт.

— Шесть месяцев? Прекрати. Прямо сейчас.

— Хорошо. — Я сжимаю губы, чтобы позлить её, так же, как делал со своей мамой в детстве, когда она говорила мне прекратить делать что-то.

— Серьезно? Как такое может быть?

— Работа, работа, сон, еда... — Перечисляю все причины, по которым у меня не было мотивации заниматься сексом с кем-либо. — Стресс. — Наконец-то я смотрю ей в глаза. — А у тебя?

Пейтон крутит вилку между пальцев.

— Не знаю, может... два года?

Я чуть не падаю со стула.

— Два года?

— Плюс-минус.

И теперь мне известно: Пейтон Левек не трахалась семьсот тридцать дней, и она хочет покувыркаться со мной, и теперь я должен задаться вопросом...

Что, бл*дь, я собираюсь с этим делать? Потому что между нами больше не существует правила, запрещающего близкие отношения между сотрудниками. Но я всё ещё думаю о выражении её лица, когда она была прямо передо мной в моем кабинете. *Я не могу*. Три слова, которые преследуют меня с тех пор.

ПЕЙТОН

Я играю нечестно. Я прекрасно это понимаю.

Я также не слушаю свой внутренний голос бизнес-леди, который говорит мне в довольно драматичной манере: НЕ ВХОДИ В ЭТОТ ЛИФТ.

Возвращайся в кофейню.

Погрузись с головой в работу.

Даже не думай о мужчине, с которым ты ужинала вчера вечером.

Или о факте, что у него не было секса уже шесть месяцев.

Или о том, как он несколько раз окинул тебя взглядом, покусывая нижнюю губу, когда откровенно пялился на твоё декольте.

Уходи прямо сейчас, Пейтон. Уходи. Прочь.

Я никогда не умела слушать свой внутренний голос, и вот я здесь, вхожу в лифт и нажимаю на кнопку его этажа, зная истинную причину, по которой я одета сногшибательно, и направляюсь в кабинет Рима.

Конечно же, для обеда с Лорен.

Потому что зачем ещё мне здесь быть?

Я хихикаю вслух, когда двери лифта захлопываются за мной, закрывая вестибюль, кабина лифта поднимается, этаж за этажом по небоскребу, с которым я уже хорошо знакома.

Глубоко вздохнув, поправляю белую блузку, заправленную в обтягивающую юбку темно-синего цвета. Переминаюсь с ноги на ногу в туфлях на каблуках. Перекидываю распущенные волнистые волосы через одно плечо. Поджимаю блестящие губы.

Просто обедаю с другом — вот и всё.

С давней подругой.

Подругой, которую я иногда навещала, чтобы украдкой взглянуть на её симпатичного босса, Рима. Заходила просто, чтобы увидеть, как он усердно работает во имя своей компании. Мельком взглянуть на него, надеясь, что когда-нибудь я тоже привлеку его внимание.

Наблюдать за работающим Римом — вдохновляюще и чертовски сексуально.

Лифт дзинькает, и двери распахиваются, я вижу Лорен за своим столом, которая внимательно слушает Рима, в то время как он навис над ней. Я улавливаю отрывки их разговора.

— Мне нужно, чтобы этот файл был распечатан и лежал на моем столе в течение часа. Это не проблема?

— Нет, сэр.

Рим вздыхает.

— Может, ты перестанешь меня так называть?

— Не могу, сэр. — *Она такая проказница.*

— *Лорен, клянусь богом...*

Лорен громко смеется, когда я подхожу, хотя моё внимание сосредоточено на заднице Рима, так как он наклонился над столом. Темно-синие брюки, туго заправленная белая рубашка, коричневый кожаный ремень.

Наша одежда подходит друг другу, на такое девушки обращают внимание.

Его плечи напряжены, рукава закатаны до локтей, волосы взъерошены, как будто он сегодня неустанно ерошил их пальцами.

Что Рим, без сомнения, и делал, учитывая, как легко он выходит из себя.

— *О, расслабьтесь, босс. Вы так взвинчены сегодня утром, что не можете успокоиться?*

Это заставляет меня рассмеяться.

Из-за чего Лорен смотрит в мою сторону и испытывает неловкость.

Попалась на том, что поддразнивала босса.

Её красивые светлые брови хмурятся, затем приподнимаются, и она наклоняет голову в сторону Рима, глаза расширяются.

Блин, она собирается отменить встречу со мной. Я вижу сожаление в её взгляде.

Рим замечает меня, поэтому я выпрямляюсь, когда он поднимает голову при звуке моих каблучков, цокающих по мраморному полу, и осматривает меня с головы до ног.

Он распахивает глаза от удивления, когда видит, что я стою перед ним, но затем прищуривается, глядя на переднюю часть моей блузки. Юбки. Отсюда я замечаю, как расширяются его зрачки, как хмурятся брови, когда его стальной взгляд скользит вверх по моим обнаженным ногам. Вплоть до моей не совсем правильно застегнутой блузке, потому что я выставила напоказ декольте. *Риму нравится то, что он видит.*

— Пейтон, — его голос грубый и обиженный, он продолжает: — что ты здесь делаешь?

Я сажусь рядом со столом Лорен и кладу руку на столешницу.

— Пришла пообедать с подругой. — Я смотрю на неё. — Но, судя по всему, нам придется перенести встречу.

— Лорен занята, — огрызается Рим. — У неё нет времени на обед.

Я шиплю сквозь зубы и постукиваю пальцем по мраморной столешнице.

— Ай-ай-ай. Это нарушение прав человека, Рим. У неё должен быть перерыв.

— Она может есть и работать за своим столом, как все остальные. — Рим снова переводит взгляд на Лорен, а затем говорит: — Я доплачу тебе. Отсканируй эти файлы и принеси мне как можно скорее.

Развернувшись на пятках, он молча направляется обратно в свой кабинет, пальцами правой руки взъерошивая каштановые пряди темных волос.

Немного шокированная, я поворачиваюсь к Лорен и спрашиваю:

— Что, черт возьми, это было?

Она вздыхает и откидывается на спинку стула, выглядя опустошенной и уставшей.

— Дерьмо попало на вентилятор сегодня утром.

— Я вижу. Что случилось?

— Сегодня утром компания «Project Mountain» анонсировала новую женскую линию, почти точную копию той, что выпускаем мы. Она настолько похожа, что Рим думает, что в нашей компании, возможно, завелась крыса.

О. Блин.

Бросаю взгляд в сторону кабинета Рима — он в ярости, сидит за своим столом, обхватив голову руками, напряжение, исходящее от его тела, ощутимо с того места, где я стою. Должно быть, это убивает его.

Я не виню Рима за то, что он угрюмый мудака.

Учитывая, что я возглавляю отдел маркетинга его женской кампании, мой долг —

пойти к нему и узнать, что я могу сделать.

Не потому, что мне неприятно видеть его таким.

Не потому, что я хочу утешить его, обнять.

Потому что это мой долг.

— Перенесем обед на другой день?

Лорен просматривает свой стол, заваленный документами.

— Похоже на то. Мне так жаль.

Я отмахиваюсь от нее.

— Не стоит. Я все понимаю. — Иногда Рим ведет себя, как тиран, но сегодня, похоже, у него есть на то веская причина. — Пойду, посмотрю, могу ли я что-нибудь сделать со своей стороны, чтобы помочь в этой ситуации. Спасибо, что ввела меня в курс дела.

— Удачи. Босс вел себя сегодня, как полный придурок. На секунду я подумала, что, может быть, он стал другим, немного счастливее, понимаешь? В последнее время у него действительно было хорошее настроение, на этой неделе он даже несколько раз приносил мне кофе и обед. Мне. Я чуть не упала со стула, когда он сделал это в первый раз. Но сегодняшней день просто напомнил мне о том, какой он на самом деле человек.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Мне нравится думать, что, возможно, именно благодаря мне он стал немного веселее и счастливее, ослабил тугую галстук на своей шее в метафорическом смысле. Прямо сейчас я хочу ослабить его еще больше.

— Полегче с ним. Я уверена, что сейчас на него куча всего навалилось. — Уровень его стресса, должно быть, зашкаливает. — Напишешь мне, на какой день мы можем перенести встречу?

Лорен кивает.

— Обязательно.

Я несколько раз стучу костяшками пальцев по стойке и слегка машу ей рукой, прежде чем без стука открываю тяжелую стеклянную дверь Рима.

Закрываю её за собой, осторожно, стараясь не шуметь.

Держа голову опущенной, Рим поднимает глаза и замечает меня. Сделав долгий выдох, он откидывается на спинку кресла и пытается вести себя как можно более непринужденно, но я вижу его насквозь.

— Я занят, Пейтон.

— Да, я слышала. — Поставив сумочку на пол, обхожу его стол и облакачиваюсь на край, глядя прямо на него сверху вниз.

Его одеколон успокаивает меня — так на меня влияет его запах, а уязвимость в глазах напоминает мне о том, что он, на самом деле, обычный человек, несмотря на ту суровую маску, которую любит носить. Я больше не сотрудница его компании, и у меня нет причин бояться. Этому влюбленному в своё дело человеку нужна поддержка. И я, по крайней мере, могу это сделать.

Рим трет пальцами щетину, не пытаясь скрыть, что вопиюще пялится на моё тело, его взгляд задерживается на моей груди, а затем поднимается к моим губам. Невольно я облизываю их. Его глаза темнеют, становятся более зловещими.

— Тебе лучше уйти, Пейтон.

— Почему? — Мое дыхание учащается, когда Рим ерзает в своем кресле, V-образный вырез его рубашки распахивается, обнажая загорелую гладкую кожу его ключиц — моё любимое место на мужском теле.

— Потому что из меня *дерьмовая* компания. Мне нужно закончить работу, а прямо сейчас ты меня отвлекаешь.

— Отвлекаю? — Я изображаю удивление. — Я здесь, чтобы узнать, могу ли я чем-то помочь.

— Ты здесь больше не работаешь, ты не обязана оставаться и помогать мне. — Рим облизывает губы, тянется к своему столу и нажимает кнопку. Я точно знаю, что делает эта кнопка. Я видела это множество раз, когда он проводил важные встречи в своем кабинете. Она тонирует окна.

Моё сердце неистово колотится, грудь вздымается и опускается, растягивая и без того тесную ткань блузки на пуговицах.

— Может, я и не работаю в этом здании, но я работаю на тебя, Рим. — И я подумала, что мы становимся друзьями, а я делаю все, чтобы помочь своему другу, если могу.

— Правда? Неужели я официально нанял тебя, не зная об этом?

О, ничего себе — Рим сегодня в ужасном дурном настроении; жаль, что он не пугает меня так, как всех остальных в этом офисе. Угрюмый ворчун — может, мне стоит начать называть его Оскаром (*прим. пер.: отсылка к детской передаче «Улица Сезам». Оскар Ворчун — монстр зеленого цвета, который живет в мусорном баке.*)

— Перестань вымещать на мне свой гнев.

— Если бы я вымещал на тебе свой гнев, то чертовски уверен, что знал бы об этом.

Мои щеки вспыхивают, но это не мешает мне опустить глаза на его колени.

Находясь всего в нескольких футах от Рима, я могла бы легко протянуть руку и снять часть того беспокойства, которое он сейчас испытывает. Убрать нахмуренные брови, немного расслабить его.

Просто потянуть... быстро расстегнуть молнию спереди на его брюках.

Это было бы так просто.

— Почему ты на самом деле здесь, Пейтон? — Рим выдыхает, прежде чем встать и обойти свой стол, чтобы пройтись по кабинету, выводя меня из задумчивости своим строгим отношением.

Я думала, у нас был прорыв...

Выбросив из головы все мысли о его пахе, я говорю:

— Ты знаешь, почему я здесь — чтобы забрать Лорен на обед. Потом она рассказала мне о «Project Mountain». Поскольку я отвечаю за маркетинг, хотя сегодня ты почему-то это отрицаешь, я хочу знать, с чем имею дело.

— Ты хочешь знать, с чем имеешь дело, — передразнивает он меня и качает головой, барабанив руками по деревянной столешнице стола. Проводит пальцами по поверхности. — Мы имеем дело с огромной компанией, которая, похоже, украла всю продуктовую линейку прямо у меня из-под носа. Они планируют запуститься на неделю раньше нас.

Дерьмо.

У Рима вот-вот хрустнут зубы от скрежета челюстей. Для него это был огромный проект — открытие нового филиала компании. Много зависит от этой женской линии, так что иметь дело с его главным конкурентом, запускающим ее раньше нас, — это просто удар по самому больному месту.

Как, блин, я могу получить эту информацию от конкурента?

Прикусываю губу, пытаюсь придумать решение.

— Тогда мы должны сделать все возможное, чтобы запуститься раньше них.

— У нас почти нет маркетингового плана, — фыркает Рим. — Мы не можем стартовать за неделю до них. Нам нужно запланировать работу СМИ, закончить рекламные ролики, завершить всю кампанию.

— Тогда хорошо, что ты меня нанял, — говорю я, подходя к Риму и кладя ладонь ему на плечо, привлекая внимание его обеспокоенных глаз. — Я злой гений.

Он обхватывает рукой шею сзади, его бицепсы туго натягивают рукава рубашки.

— Это слишком много работы.

— У меня в буквальном смысле нет больше других дел в моем календаре. Всё моё внимание сосредоточено на «Roam, Inc» Мы *справимся*, Рим. Поверь мне.

Большим пальцем провожу по мягким волоскам на его предплечье. *Боже, его кожа.* Внутри меня все бурлит, потребность притянуть его в свои объятия, погладить по спине, дать ему понять, что все будет хорошо, слишком заманчива.

Рим изучает меня, когда я провожу подушечками больших пальцев по его коже, по линиям его бровей, он своей рукой всё ещё поглаживает шею.

— Ты доверяешь мне? — спрашиваю я, моё дыхание сбивается с каждым морганием его глаз. Я не могу перестать пялиться. Я так сильно хочу его.

Мои пальцы продолжают исследовать.

Он делает глубокий вдох и вынимает руку из кармана. Когда я думаю, что Рим собирается оттолкнуть меня, он удивляет. Кладет руку мне на талию, нежно прижимая меня к стене — знакомая поза, в которой, помню, я была прямо перед тем, как ушла из «Roam, Inc».

— Ты хочешь, чтобы я доверял тебе? — спрашивает Рим, его голос такой низкий, что он отзывается эхом в каждом дюйме моего тела, посылая волну возбуждения по моим венам. — Я едва могу сосредоточиться, когда ты рядом, Пейтон. Я даже себе не доверяю рядом с тобой. Я не верю, что не разрушу наши профессиональные отношения. Я не верю, что не сорву эту белую блузку с твоей груди и не возьму в рот твои соски. Я не верю, что смогу удержаться от того, чтобы не погрузиться в тебя так охрененно глубоко, что у тебя не останется другого выбора, кроме как выкрикивать моё имя. И я чертовски не верю себе, что смогу держаться от тебя подальше, когда все, чего я хочу, — это чувствовать твою нежную кожу на своей.

Его руки обхватывают мою голову, его глаза смотрят прямо в мою душу, его колено вдавливаются между моих ног.

Я не могу дышать.

Я не чувствую свою нижнюю половину тела.

Я не могу придумать ни единого слова, которое могло бы его остановить.

Я не хочу, чтобы он останавливался, хотя знаю, что должен, хотя понимаю, что мы на грани того, чтобы перейти профессиональную черту, которую мы никогда не сможем вернуть.

— Рим... — выдыхаю я, протягивая руку и просовывая палец в одну из петель его ремня.

Он резко втягивает воздух, когда его бедра придвигаются ближе. Его лоб опускается, дыхание такое же прерывистое, как и моё.

— Я... — Он замолкает и облизывает губы. — Мне нужна помощь, Пейтон.

Все вокруг меня замирает. *Мне нужна помощь, Пейтон.* Все условности исчезают.

Рим — уязвимый, взволнованный генеральный директор, нуждающийся в сильном

защитнике и деловом партнере, который поддержит его. Я. Господи... он такой... настоящий. Искренний. *Невероятный*. Вожделение, которое я испытываю к этому мужчине, отходит на второй план, когда до меня доходит смысл его слов.

Я нужна ему.

Впервые за всё время, что я знаю Рима, он просит о помощи, и не в манере начальника, а с оттенком отчаяния.

Это Рим, которого больше никто не видел, Рим, который, как я знала, был заперт глубоко внутри него, показываясь только в самые уязвимые моменты.

И я имею возможность увидеть этого прекрасного мужчину во всей красе — искреннего, незащитного и полностью откровенного.

— Чем я могу помочь?

Оттолкнувшись от стены на несколько дюймов, он прикасается одной рукой к моей щеке, а затем ловит мой взгляд.

— Пужинай со мной сегодня вечером.

— Ужин с тобой поможет?

— Принеси работу. — Рим делает глубокий вздох. — Это будет долгая ночь.

Я киваю.

— Напиши мне, где именно. Я буду там, а пока начну переносить даты выступлений в СМИ.

Он гладит большим пальцем мою щеку, его лоб разглаживается, напряжение в плечах ослабевает.

— Хорошо.

Одним последним движением он отходит от стены и дает мне немного пространства, ненужную передышку.

— Я, э-э... Мне нужно кое-что сделать, — говорит Рим, подходя к своему столу, затем берет мою сумочку и приносит её мне.

— Тогда я оставлю тебя в покое. — Беру сумочку, наши пальцы соприкасаются на мгновение, прежде чем я направляюсь к двери его кабинета.

Его рука ложится мне на спину, мягко направляя меня к тяжелой двери, скользя вниз, пока не оказывается прямо над моей задницей. Я закрываю глаза, когда его грудь прижимается ко мне, его мужской запах снова вторгается в мои чувства.

Наклонившись, Рим прижимается губами к моему уху и говорит:

— Спасибо, Пейтон.

Он протягивает руку передо мной и открывает дверь, пропуская меня вперед.

Когда я оборачиваюсь, он опирается о стеклянную стену, его взгляд пристальный и манящий.

Не сводя с меня глаз, Рим говорит:

— Лорен, пожалуйста, закажи для нас с Пейтон столик в ресторане Number 9. На семь часов.

Лорен поднимает голову и кивает.

— Будет сделано.

Не колеблясь, он произносит:

— До встречи.

А затем закрывает дверь, и я чуть не падаю в обморок.

Семь часов — ждать совсем недолго.

РИМ

Я делаю глоток вина и откидываюсь на спинку диванчика, который я делю с Пейтон, совершенно измотанный. Мы сделали двадцатиминутный перерыв, чтобы поесть, но всё остальное время мы потратили на то, чтобы продумать все мельчайшие детали кампании.

Несмотря на то, что мы находимся в пятизвездочном ресторане в самом центре Нью-Йорка.

Это заняло много времени, и мы хорошо поработали, но сегодня я впервые чувствую себя спокойно и воодушевленно, и всё это благодаря красивой женщине, сидящей рядом со мной и потягивающей бокал красного вина.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она, разглядывая меня, её взгляд задерживается на моей шее, на том месте, где расстегнута рубашка. Пейтон облизывает губы, рот приоткрыт, глаза блестят.

Я смотрю на неё, мой собственный бокал с вином в нескольких дюймах от моих губ.

Пей свое вино. *До дна, идиот.*

Эта женщина только что спасла твою задницу. Не приставай к ней — это непрофессионально. Господи Иисусе, так бы поступил Хантер.

Только не я.

С другой стороны, я не могу придумать лучшего способа отблагодарить Пейтон, чем отвести к себе домой и раздеть догола, чтобы я мог исследовать своими руками, языком и телом каждый ее дюйм.

— Как ты себя чувствуешь? — повторяет она, полагая, что я не расслышал вопрос в первый раз.

— Я чувствую, — говорю я медленно, подбирая слова, — облегчение.

— Правда? — Она поднимает брови от удивления. — Облегчение?

— Да, облегчение. — Киваю. — Ты хорошо справилась, Пейтон.

— Я... ты не представляешь, как много значит... — Она замолкает и делает глубокий вдох. — Спасибо. Это много значит для меня, Рим. Я работала не покладая рук, как только ушла из офиса. Я хотела убедиться, что всё будет хорошо.

Она действительно потрясающая.

Почему мне потребовалось так много времени, чтобы увидеть это? *Видимо, потому что я не отрывал глаз от своего стола.* Эта женщина, сидящая передо мной, научила меня еще кое-чему. Красивая и умная.

— Это видно, и я действительно не знаю, как тебя отблагодарить.

Улыбаясь, Пейтон слегка наклоняет голову в сторону и делает глоток вина, в ее глазах появляется игривый огонек, от которого мне становится неловко, я ерзаю на стуле.

— Что? — Каким взглядом она смотрит на меня? Я не хочу истолковать его неправильно. Я пытаюсь быть профессионалом, но это охренеть как сложно.

— Рим Блэкберн, ты действительно милый, когда хочешь таким быть.

— Ты думаешь, я сказал все это только для того, чтобы быть милым?

— Ну, нет, но...

— Ты проделала чертовски хорошую работу. Ты спасаешь мою задницу и, возможно,

компанию. Ты действительно офигительно хороша в своём деле, и я злюсь на себя за то, что не заметил этого, пока ты работала в моем офисе.

— Что ты имеешь в виду — не видел этого, пока я работала в твоём офисе? Ты имеешь в виду... что я хороша в своей работе?

Она напрашивается на комплименты, но я пропускаю это мимо ушей. Сейчас я чувствую себя настолько ох*енно, что мне хочется поднять её и кружить вокруг себя.

Должен ли я сказать ей, что работа — не единственное, в чём она хороша? Возможно, она хороша в других вещах? Например, то, что, благодаря ей, я чувствую, что не являюсь таким уж и придурком? Сейчас меня беспокоит то, что сотрудники ходят вокруг меня на цыпочках и считают неприступным, и это даже более выражено, чем раньше.

Все всегда думают, что могут лучше управлять компанией, считают, что это чертовски легко, когда от тебя зависит жизнь столько людей.

Это не дает мне спать по ночам.

Вот почему эта хрень с «Project Mountain» напугала меня до смерти. Конечно, все подумали, что я разозлился, — и так оно и было, но в основном я с ума сходил от беспокойства. Я не могу проиграть этой компании; эта линия нужна мне, для *моих* людей. Моим сотрудникам.

— Ты не просто хорошо делаешь работу, Пейтон — ты... — Бл*дь. Почему слова застряли в моем гребаном горле? Что я хочу сказать?

— Ты хороша для меня.

Здесь темно, но, я клянусь, она покраснела.

— Правда?

— Да.

— Дай определение фразы «хороша для тебя». — Пейтон понимающе ухмыляется, пальцами делая воздушные кавычки, когда произносит фразу «хороша для тебя», и на этот раз я счастлив объяснить ей.

Я наклоняюсь вперед, кладу руки на стол перед нами. Соединяю наши руки.

— Благодаря тебе мне хочется быть...

Ладно, это не так просто, как я думал.

— Хорошим? — добавляет Пейтон с надеждой в голосе.

— О, нет. — Не то слово, которое я искал.

— Добрым?

— *Тожже нет.*

Я смеюсь, потом она начинает смеяться, и вскоре мы оба смотрим друг на друга, как полные идиоты. Любой наблюдатель со стороны подумал бы, что мы влюбленные дураки.

Потому что прямо сейчас я чувствую себя таковым. Господи, пристрелите меня.

— И? Благодаря мне каким тебе хочется быть?

Пейтон смотрит на меня с ожиданием во взгляде, и мне действительно хочется сказать что-нибудь с глубоким смыслом, что-то чертовски хорошее, но сложно показывать проклятые эмоции, когда уже целую вечность не произносил ничего приятного или значимого.

— Благодаря тебе я чувствую... что не являюсь огромным мудаком.

Не самый глубокий ответ в мире, но он нашел отклик в её душе, потому что вместо того, чтобы скривиться от моего выбора слов, выражение лица смягчается.

— Правда?

— Да, но я думаю, что это прозвучало неправильно. — Я сопротивляюсь искушению провести пальцами по волосам. — Ты меня чертовски заводишь. Ты возбуждаешь меня.

— Я? Правда?

— Ты мне не веришь?

— Нет, верю. Просто никто никогда не говорил мне такого раньше.

— Тогда другие твои кавалеры были идиотами.

— У нас свидание?

Я замираю. *Так ли это?* Нет. Да.

Оглядываюсь по сторонам, прекрасно понимая, что это изысканное заведение, и мы сидим за уединенным столиком. Свет приглушенный. Меню великолепное.

Я пригласил ее, очевидно, под предлогом работы — таков мой стиль. Это то, чем я занимаюсь. Работаю. Работаю. Еще больше работы.

Но если быть честным с самим собой, то да — у меня были романтические намерения, когда я попросил Лорен забронировать столик в этом ресторане, и я окажу услугу Пейтон и себе, если не буду это отрицать.

— Да. Я думаю, это было похоже на свидание, не так ли?

Её глаза загораются, на этот раз не от удивления. Взгляд восторженный, манящий, жизнерадостный и красивый.

— Вау, — говорит она с легким смешком. — Я не могу поверить, что ты только что признался в этом.

— Почему?

— Потому что ты все время такой упрямый. У тебя слишком много гордости, Рим Блэкберн, и иногда ты делаешь что-то просто назло себе.

Возможно, это правда.

— Итак. Свидание, да? — Пейтон откидывается на спинку дивана, скрестив ноги и бросив на меня кокетливый взгляд. — Ты не мог просто спросить? Тебе не пришлось бы притвориться, что мы здесь только для деловой встречи? Так типично.

— У нас действительно была деловая встреча, — не могу не отметить я, указывая на ее портфель и мои записи.

— Мы только и делали, что проводили встречи с тех пор, как я предложила взять на себя этот проект и сокрушить черепа всем конкурентам. — Пейтон изображает пантомиму, которую она, вероятно, считает «сокрушением черепов», сжимает в кулак левую руку и бьет им в раскрытую правую ладонь.

Боже, она очаровательна, когда ругается. Или пытается это сделать.

Милая.

Сексуальная.

Смущенная тем, что я наблюдаю за ней, Пейтон опускает голову и прикусывает нижнюю губу, уклоняясь от моего пристального взгляда. Но я ничего не могу с собой поделать. Я хочу пососать её губу, убрать волосы в сторону и также пососать шею.

Для начала.

Мы заканчиваем трапезу, и когда официант возвращается с меню десертов, я предлагаю его Пейтон. *Хочешь?* Я вопросительно поднимаю брови.

А ты?

Нет.

— У меня дома есть бутылка вина.

Мой дом, который находится прямо за углом, в нескольких минутах ходьбы.

Как удобно.

— Только чек.

— Прекрасно, сэр. — Официант кивает, доставая из-за фартука узкую черную кожаную папку. Кладет её на мою сторону стола и, я не колеблясь, протягиваю ему свою кредитную карточку.

— Десерт у тебя дома? — спрашивает Пейтон. — У тебя действительно он есть?

— Не совсем. — *Я не отвожу взгляд.* — Не хочешь зайти пропустить стаканчик перед сном (*прим. пер.: nightcap — алкогольный напиток, употребляемый перед сном, чтобы снять напряжение дня*)?

Пейтон заметно сплывает, откидывает волосы, спадающие ей на плечо, и выпрямляется.

— Я думала, ты никогда не спросишь.

ПЕЙТОН

Мыбудемкувыркаться, мыбудемкувыркаться, мыбудемкувыркаться. Я напеваю эти слова, не могу выкинуть их из головы. Я просто знаю, что мы собираемся... могу сказать это по тому, как Рим смотрит на меня — как будто я самое вкусное блюдо в меню.

Его рука обжигает мою поясницу, когда мы идем по темным, сырým улицам Нью-Йорка, уворачиваясь от людей на протяжении всех трех кварталов до его дома.

По необходимости, поскольку я на высоких каблуках, хватаю Рима за предплечье и крепко сжимаю после того, как в первый раз мой каблук зацепился за канализационную решетку и чуть не оторвался.

Он поддерживает меня всю оставшуюся дорогу.

Еще. Один. Квартал.

Мое сердце готово выскочить из груди, оно так быстро бьется.

Мы подходим к зданию, где стоит швейцар в зеленой куртке. Он улыбается, кивает и с размаху открывает тяжелую дверь, пропуская нас в роскошный вестибюль.

Почему-то здание кажется слишком изысканным, слишком элитным. Слишком глянцевым и холодным, как будто оно возлагает большие надежды на каждого, кто входит в дверь.

Приподнимаю подбородок.

Прижимаюсь спиной к прохладным металлическим стенкам лифта, когда двери открываются, и мы заходим внутрь, поднимаясь на последний этаж. Когда двери дзинькают и открываются, Рим сбрасывает пальто.

Я делаю то же самое, вешаю его у двери и поворачиваюсь к нему лицом.

Как и во всем остальном, он не теряет времени даром, сосредотачиваясь на желаемом и добываясь этого точными движениями. Уверенный в себе, Рим подходит ко мне и кладет руки на мою талию.

Я отступаю назад, пока не прижимаюсь спиной к стене, а его горячий рот оказывается на моей шее, чуть ниже уха. Он посасывает мою сережку, закатывает глаза эротическим образом, что мои собственные, черт возьми, чуть не закатываются к затылку.

— Хочешь осмотреть мою квартиру сейчас или утром?

Вау.

Мы делаем это.

Будем.

Кувыркаться.

— Утром, после того, как ты накормишь меня блинчиками с большим количеством масла и сиропа, — стону я, наслаждаясь его теплым дыханием.

— У меня нет теста для блинов, — бормочет Рим в ответ.

— Ммм. Тебе лучше купить, а то эта одежда не будет снята.

Он отступает назад, чтобы изучить мое выражение лица.

— Ты, бл*дь, серьезно?

Я смеюсь.

— Да. Я хочу блинчики.

Его ворчание уморительное. Сексуальное.

— Отлично. Боже, какая ты властная.

— Мм-хмм. — Я притягиваю его рот обратно, к своему, раскрывая его, чтобы язык Рима мог проскользнуть внутрь. Это происходит, и мой язык танцует с его, поглаживает.

Кружит.

Влажный и горячий.

Мы ласкаем друг друга довольно непристойно. *Я целую Рима Блэкберна.*

Целую. Рима. И это еще сексуальнее, еще лучше и интенсивнее, чем я думала. Но сейчас во мне живет потребность, которую я должна удовлетворить.

Немедленно.

— Покажи мне свою спальню.

Офигеть, я только что это сказала? Это так на меня не похоже. Я могу подумать о том, чтобы сказать что-то подобное, но я точно никогда не говорила ничего похожего вслух мужчине.

Тем не менее, Риму это явно нравится, потому что он наклоняется, и не успеваю я опомниться, как он берет меня на руки и несет по коридору.

Он не останавливается, пока не входит в темную комнату, задевает локтем розетку, и две лампочки на прикроватном столике не загораются.

Они тусклые — скорее для настроения, чем для освещения — и создают красивое сияние в темной спальне. Она именно такая, какой я ее себе представляла: большая и внушительная, с огромными панорамными окнами, из которых открывается вид на район. Небо освещено благодаря городу, и хотя вид загораживают высокие здания, он все равно впечатляет.

Бетонные полы. Серая кровать. Белое постельное белье, что меня удивляет. Все остальное черное. Суровое и серьезное.

Холодное и неумолимое.

Таким, каким я Рима себе представляла до того, как узнала его поближе.

Я подхожу к нему, тереблю синий галстук на его шее, затем ослабляю его, чтобы снять через голову и отбросить в сторону, но недалеко, чтобы я могла использовать его позже для... по любой причине.

— Я мечтала об этом целую вечность, — шепчу я, перебирая пальцами верхнюю пуговицу его рубашки — душной для свидания, но подходящей для деловой встречи.

— Расскажи мне. — Мои уши обманывают меня, или его голос надломился? — Подробнее.

— Ну, — начинаю я, — в своих фантазиях я снимаю с тебя галстук вот так и держу его поблизости на случай, если захочу связать им твои руки.

— Действительно?

— Да. Или... Я могу заткнуть тебе рот кляпом, если ты будешь мне мешать. Что, как мы оба знаем, является наиболее вероятным сценарием в данном случае.

— Ты думаешь, что ты главная?

Я ухмыляюсь.

— О, Рим. Я не думаю, что я здесь главная. Я знаю, что я главная. Ты можешь быть боссом на работе, но я буду боссом в этой спальне.

Я так уверена в себе. Так агрессивна.

Мне это *нравится*.

Нравится, как Рим смотрит на меня, глаза полуприкрыты и взгляд ленивый, ему нравится, как я беру контроль.

Я не хочу *доминировать* над ним, я просто хочу делать с ним то, что хочу...

— Хорошо. — Его ответ звучит тихо. Он удовлетворен.

Рим все еще смотрит на меня настороженным взглядом, когда я начинаю расстегивать его рубашку. Ткань, потертая и мягкая, скользит сквозь мои пальцы, и когда я вытаскиваю подол из его джинсов, у него перехватывает дыхание.

Просунув ладони под майку, я касаюсь его груди, сначала осторожно.

Затем более уверенно, проделывая путь вверх по его прессу и грудным мышцам.

Ммм... Кто-то из нас стонет, и я почти уверена, что это не я. Неторопливо, позволяю своим рукам блуждать по его верхней части торса, наслаждаясь его гладкой плотью. У него не так много волос на груди, как я думала, только легкая россыпь на твердых грудных мышцах. Она едва заметная, но она есть.

Когда я заканчиваю исследовать, проникаю руками под его рубашку. Тяну ее вверх, через голову, пока полностью не снимаю с тела Рима, и она не падает на пол.

Рим Блэкберн, стоящий передо мной в одних брюках, — я не думала, что когда-нибудь это увижу. Он — в моем полном распоряжении, он — пластилин в моих руках.

Мои руки слегка дрожат. Я могу много говорить о *трахе*, но на самом деле я не самая опытная девушка в мире... У меня было всего несколько сексуальных партнеров. Около трех.

Один почти не считается, потому что мы учились в колледже, и никто из нас ничего не знал. Возились, лапали друг друга. И я уверена, что с первого раза он даже не вставил свой член в нужную дырочку.

Я почти смеюсь от этих воспоминаний, нервный смех клокочет в моем горле, когда серьезные серые глаза Рима встречаются с моими.

Его губы подрагивают — ему весело. Он не знает, почему я смеюсь, но звук моего смеха заставляет его улыбаться. Мой голос заставляет его улыбаться.

— Я тебе нравлюсь, — легко говорю я, проводя кончиком большого пальца по его нижней губе. Взад-вперед, медленно, подушечкой пальца запоминая, какие мягкие у него губы.

— Да, — отвечает Рим, что так на него не похоже.

— Не могу поверить, что ты это признал.

— Я тоже не могу в это поверить. Но ты кинула мою рубашку на пол, а твои пальцы обводят мой рот и... бл*дь. Я просто хочу постоять здесь и посмотреть, что ты будешь делать дальше.

Но он лжет.

Рим не ждет, чтобы увидеть, что я буду делать дальше, потому что он невыносим и нетерпелив.

Его руки опущены по швам, но ненадолго. Он кладет их мне на талию и проводит ими по бедрам, по шелковистой ткани платья, скользит вверх по грудной клетке.

Рим дергает за пояс, завязанный на моей талии, медленно вытаскивая его из петли. Тянет так, что он полностью развязывается, платье распахивается, и я обнажаюсь. Бюстгальтер и трусики на виду.

— Что ж, это забавный сюрприз.

«Я полна сюрпризов», хочу похвастаться. Но мне не хватает смелости. К тому же, я бы задохнулась от нервов, если бы попыталась заговорить.

Вместо этого я ахаю, когда прохладный воздух его холодной спальни касается моего тела. Я дрожу от рук Рима и от температуры.

— Холодно? — бормочет Рим, хотя его больше интересует, когда наступит его очередь исследовать. Он проводит пальцами по моему животу, который теперь покрыт мурашками, вплоть до кружевной отделки красного лифчика.

Да, я надела красный лифчик. Да, это банально. Но он подходит к моему платью, и, надеюсь, к моему настроению. Мне нужно было чувствовать себя сексуальной сегодня вечером, чтобы я могла делать сексуальные вещи.

Смелость в кружеве, так сказать.

— Мне было холодно, но уже нет.

Он проводит руками по моей округлой ложбинке — *я разочарована*, — не останавливаясь, пока не достигают изгиба моей ключицы, неторопливо скользя вдоль нее. По моей спине пробегает дрожь от его рук.

Моя кожа бархатисто гладкая и покалывает от прикосновений его пальцев.

— Такая красивая, — шепчет Рим, подходя чуть ближе. — Такая сексуальная.

Он находит ртом пульс на моей шее и прижимается к нему губами.

— Не смей ставить мне засос, — ругаюсь я, надавливая на его плечи ладонями. Это бесполезно. Его тело — стена мужской энергии.

— Не помешает. — Он смеется мне в шею, придурок.

— Я серьезно, Рим. Завтра на работе я должна ходить с высоко поднятой головой. Я умру, если кто-нибудь заметит.

— Ты работаешь на себя, никто не будет тебя сдавать.

— Я убью тебя. — Я отстраняюсь и смотрю на него. — Никаких. Засосов.

Он корчит гримасу.

— С тобой не весело.

— Хочешь, я сделаю тебе один?

— Бл*дь, нет.

— Тогда оставь мою шею в покое.

Когда Рим все-таки убирает рот, я стону — было так чертовски приятно ощущать его губы там, но он вознаграждает меня, когда скользит вверх по моей челюсти, кончиком носа, касаясь моего уха. Я закрываю глаза, ощущая его теплое дыхание в раковине.

— Ммм...

Я чувствую, как он улыбается, в то время как его руки скользят вниз по моим рукам.

Снова вверх, большие пальцы зацепляют хлопок моего платья. Стягивают его вниз по моим рукам, как я сделала с его рубашкой. И, точно так же, как его рубашка, оно соскальзывает с моего тела в лужицу красной жидкой ткани, стекающей на пол.

Красный лифчик. Красные трусики.

Больше ничего.

Рим целует меня, пока я проворно вожусь с пряжкой его ремня, а затем расстегиваю пуговицу его джинсы. С жужжанием опускаю молнию.

Его член упирается в плотную ткань. Я чувствую его под своими пальцами, когда расстегиваю молнию. Мои жадные пальцы хотят почувствовать его, жадные глаза хотят увидеть его.

Я рада, что Рим включил свет. Я хочу видеть его всего, каждый дюйм. Опускаю глаза — я просто не могу ничего с собой поделать. Я видела этого мужчину только в костюме,

джинсах или шортах и футболке. И никогда даже близко не видела его голым.

Рим такой взвинченный и чопорный.

Теперь он обнажен, практически голый для моего пытливого взгляда.

Широкая грудь. Загорелая кожа.

Живот в виде великолепного V-образного пресса над поясом его черных боксеров.

— Все в этой комнате подходит друг к другу, — не могу не отметить я. Что я могу сказать? Я придаю большое значение деталям. — Пол. Твоя кровать. Рубашка. Боксеры. Ты делаешь это специально?

— Может быть, — дразнит Рим в ответ.

— Ммм... — это все, что я могу сказать, потому что помогаю ему снять штаны и стянуть их с его тела.

Мы почти голые.

Кожа, кружева и хлопковые трусы.

Руки, губы, язык и зубы.

Я хочу лечь на кровать, поэтому делаю несколько шагов назад, пока колени не упрутся в матрас. Жду, пока Рим не положит меня на спину. Я ползу на четвереньках к центру; у меня не хватает смелости стянуть с него нижнее белье и сделать ему минет — во всяком случае, пока.

Но он, кажется, доволен, наблюдая, как я опускаюсь на его подушки — красные трусики на фоне белого постельного белья, мои темные волосы разметались, руки широко раскинуты, приглашая его присоединиться ко мне.

— Боже, ты сексуальна.

Я маню его пальцем.

Он направляется ко мне.

Рим нависает надо мной, упираясь руками по бокам от меня и проводя языком по ложбинке между моими грудями. Игриво. Сладко. Мое дыхание учащается, когда он опускается, устраиваясь между моих ног, и его твердый член упирается в мое лоно. Он пульсирует.

Далее, мне не следует говорить, что это та часть, где мы трахаемся всухую в течение десяти минут, но... это та часть, где мы трахаемся всухую в течение десяти минут.

Как подростки. Рим двигается надо мной, имитируя секс.

Вонзает кончик эрекции в ложбинку между моими бедрами, задевая влажный, горячий центр. Я откидываю голову назад и стону, прикусив губу. Все, что он делает, это трется об меня, ради всего святого.

Мы все еще в нижнем белье... и мне это нравится.

Боже, это так приятно, а мы даже не трахаемся.

— Еще, — хнычу я. — Сними их.

Вместе мы стягиваем его боксеры. Я никогда не видела Рима Блэкберна таким... отчаянным. Возбуждение светится в его глазах, он сильно хочет меня.

И, боже милостивый, его член бесподобный.

Большой.

Толстый.

Большой и толстый? *Перестань повторяться, Пейтон. Ты собираешься кувыркатся со своим боссом. Ты собираешься кувыркатся с мужчиной своей мечты.*

Перестань говорить «кувыркаться». Это не стильно.

Я пытаюсь сосредоточиться на задаче и отвлечься от своих мыслей, но это трудно — у меня не было секса два года, а его невероятный пенис затуманивает мой разум.

Рим раздвигает мои ноги.

Спускается по моему телу, осыпая поцелуями мой живот — он не идеальный, едва ли плоский, но Рим, кажется, не возражает. Кажется, ему это нравится, он облизывает мой пупок и проводит носом по моему тазу.

— Такая охренительно сексуальная, — говорит он мне уже в тысячный раз за сегодняшний вечер, и я лежу под ним, как кошка, нежащаяся на солнышке. — Я уже несколько недель хочу поласкать эту киску своим ртом.

— Правда? — вскрикиваю самым несексуальным образом, вытягивая шею, чтобы лучше его видеть. Затем наблюдаю, как Рим касается ртом моих трусиков, посасывая мою киску через прозрачный красный нейлон. Его язык скользит вверх и вниз по моей промежности, увлажняя местечко между ног.

Сосет.

Оттягивает трусики в сторону и вылизывает меня вдоль и поперек.

— О, господи. — Склонив голову набок, я лежу безвольно, словно тряпичная кукла.

Ноги расставлены, его большие ладони лежат на моих раздвинутых бедрах, держа их открытыми.

Открытыми.

Горячими. Мокрыми.

Готовыми.

Рим посасывает, раздвигая пальцами мою киску, и, о, боже, я не могу поверить, что только что назвала ее этим словом. Проходит совсем немного времени, и нервные окончания во всей моей нижней половине дрожат — он настолько хорош в этом. Кто-нибудь, дайте этому человеку медаль.

Я хватаю его за волосы, сжимая их в горсть.

— Я не хочу кончать, пока ты не будешь внутри меня, — протестую я, когда Рим поглощает ртом мой клитор.

— Шшшш. — Он качает головой, едва отрывая рот от меня. — Ты кончишь. Позже.

Вот дерьмо.

Проклятье, как же это приятно.

— О, боже... да... ммм. — Сами по себе мои бедра начинают медленно, уверенно вращаться, и я слегка приподнимаю их, когда его зубы задевают мой клитор. Всего лишь чуть-чуть. Но этого достаточно, чтобы я откинула голову на подушку и прикусила нижнюю губу.

Его плоский язык ласкает мою...

— Я собираюсь... о, господи, не прекращай делать это... прямо здесь, Рим, ммм...

Ничто, кроме бессвязных мыслей, не проносится в моем сознании и теле. Нижней части тела.

— Твоя киска оху*нна на вкус, — стонет он, выныривая, чтобы плотнеть воздуха. — Мне нужно трахнуть ее. Я собираюсь трахнуть эту киску.

О, господи боже.

Я не выношу пошлые разговоры, только не от него.

Рим непоколебим и серьезен.

Что я вообще могу ответить? *Да, трахни меня жестко?* Я не умею говорить

непристойности — я никогда этого не делала, и это кажется странным и неестественным.

Но я все равно пробую.

— Да, Рим, трахни меня. — Затем, хотя я чувствую себя идиоткой, добавляю: — Ммм.

Звук моего «ммм» сводит его с ума, и он добавляет палец к своему рту. Он попадает в нужное место, в нужное время, и мои бедра отрываются от кровати.

Он прижимает их к себе, расправляя плечами.

Остекленевшими глазами я смотрю на его макушку. Наблюдаю, как его язык и пальцы ласкают мою киску. Это зрелище возбуждает не меньше, чем сам акт, когда он делает это так сексуально.

Темпераментно.

Опьяняюще.

Мне уже целую вечность никто не делал куни, и я получаю кайф, наблюдая, как это делает Рим. Так обалденно горячо.

Я нервничаю. Бедра дрожат. Голова откидывается назад, руки тянутся к белым простыням. Я сжимаю их, поднося уголок ко рту, прикусывая ткань зубами.

— О, боже... о...

Я не могу вымолвить ни слова, когда кончаю, но все мое тело оживает от наслаждения, поражающего меня в самый центр, вспыхивая, словно фейерверк, пронзая все мои нервные окончания.

Я не в состоянии говорить. Немного вспотела.

Истощена.

— О нет, ты этого не сделаешь, — предостерегает Рим снизу, прокладывая себе путь вверх по моему телу, теребя прозрачные чашечки красного бюстгалтера. Он оттягивает одну вниз, что становится видно мой сосок, и опускает голову, чтобы пососать.

Рим скользит рукой мне за спину, его пальцы возятся с застежкой, пока бюстгалтер не расстегивается, а затем он стягивают его с моего тела. Бросает в кучу одежды на полу. Спускает мои трусики, пока я томлюсь на матрасе, раскинувшись и ожидая, что он будет делать дальше.

— Ты выглядишь как богиня, — шепчет Рим мне в шею, и я ему верю.

— Мне нравится твое тело. — Это мой вклад в разговор о сексе, мой мозг совершенно бесполезен для того, чтобы связывать разумные слова воедино.

Я чувствую его твердый член на своем бедре, на моей коже влажный след от предэякулята. Несмотря на то, что я только что испытала потрясающий оргазм, я хочу, чтобы он был внутри меня.

Там, где ему самое место.

Рим соглашается, а затем тянется через меня к прикроватной тумбочке, бесцеремонно выдвигает ящик и достает коробку презервативов — от этого зрелища я краснею, а мое тело уже пылает. Словно горит.

Я все еще возбуждена — может быть, даже больше, чем раньше, внезапно ставшая ненасытной.

— Боже, я так сильно хочу, чтобы ты меня трахнул. — Я извиваюсь на матрасе в простынях, потирая бедра друг о друга. Он так сильно меня возбуждает.

— Да, мэм.

Рим натягивает презерватив, и, наблюдая за ним, прикусив нижнюю губу, предвкушение течет по моим венам, как будто я впервые занимаюсь сексом.

Мышцы бицепсов Рима напрягаются, когда он располагается надо мной, и я кладу свои ладони на них, сжимая. Я дышу с трудом, когда Рим протягивает руку между нами, обхватывает свой член и вводит его в мое влажное, скользкое тепло.

Одно медленное прикосновение, а затем он вводит его на несколько дюймов.

— Господи Иисусе, ты такая чертовски тугая, — говорит Рим, издавая глубокий стон.

— Тебе это нравится? — спрашиваю я, закрывая глаза от ощущения того, как он медленно скользит во мне, дюйм за дюймом.

— Я никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо, — вновь стонет Рим, на этот раз громче.

— Вау. Столько комплиментов. — Почему я дразню его?

— Теперь тебе хочется шутить?

— Ничего не могу с собой поделаться. — Я смеюсь. — Не останавливайся. Продолжай.

— Ни за какие деньги я не покину эту оху*тельную киску.

Эти слова.

Этот мужчина.

Он выходит, затем толкается, вонзаясь... и выходит... уткнувшись носом в изгиб моей шеи, касаясь губами моего пульса. Мой рот, в свою очередь, приоткрыт.

— Бл*дь, Пейтон... — стонет Рим в мои волосы. — Охренеть!

Да, еще. Повтори мое имя.

Он произносит:

— *Пейтон.*

Старый добрый секс, лучший из существующих способов — он сверху, жестко вбивается в меня. Изголовье кровати начинает ударяться о стену, и я концентрируюсь на звуках и ощущениях, наряду с его стонами, которые переходят в мягкое, животное ворчание. Звуки нашего секса.

Пот на его лбу.

Влажность между моих ног.

Я все это чувствую и слышу.

И Рим был прав; он заставит меня кончить снова. Я чувствую, как оргазм нарастает... медленно, но уверенно, ощутимое сжатие в моем тазу посылает ударную волну по позвоночнику, и я выгибаю спину. Рим обхватывает губами сосок, посасывает, и это почти сводит меня с ума.

— Ты сведешь меня с ума. — Его голос вторит моим мыслям.

— Хорошо. — Это то, чего я хочу. — Я хочу, чтобы ты потерял контроль.

Рим ускоряет темп, толкаясь сильнее. Глубже. Хватает меня за задницу обеими руками и проникает так глубоко, как только может.

— Ухх, — стону я. Потому что *ммм...*

— Пейтон... — Он снова произносит мое имя, и я знаю, что никогда не забуду, как оно звучит на его губах.

— Рим, — шепчу я в ответ, поглаживая его лопатки, пока он покачивает своими стройными, спортивными бедрами.

Я так близко. Как и он сам. Я чувствую это по тому, как напрягается его тело, и лицо преобразуется в благоговение, когда он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

Мы встречаемся взглядами.

Бедра двигаются.

Тела потеют.

Это фантастическое ощущение, все, о чем я когда-либо мечтала.

— Бл*дь, — выдыхает Рим, напряженно и сексуально.

И точно так же, ракета наслаждения взлетает вверх по моему позвоночнику, ударяя меня с такой силой, что мои глаза закрываются, спина выгибается дугой, и все внутри меня словно горит, когда мной овладевает оргазм.

— Господи Иисусе. — Его бедра двигаются сильнее, его губы прижимаются к моим, и он безжалостно целует меня, пока не замирает и не стонет в мой рот.

Я чувствую, как он пульсирует во мне, его оргазм охватывает меня, его тяжелое дыхание поглощает меня.

Рим Блэкберн адски горячий, особенно когда кончает, а он кончает сильно.

Сделав глубокий вдох, он падает на меня сверху, а затем делает самую удивительную вещь. Приподнявшись на локтях, он обхватывает мое лицо ладонями и поглаживает щеки большими пальцами, а затем очень нежно покрывает мое лицо легкими поцелуями. Они неторопливы, дарят уверенность в том, что он здесь, в моих объятиях, исполняя все мои фантазии.

И это, скорее всего, будет моим концом, потому что никто другой не видел этого Рима, кроме меня.

Чувственный, милый и любящий. *Пылкий.*

Я вздыхаю, уткнувшись в матрас, мое сердце бьется со скоростью мили в минуту. Я не собираюсь этого говорить, но...

Мне кажется, я влюбляюсь в него.

РИМ

Мне в лицо ярко светит солнце, а на плече чувствую легкое постукивание. Я крепко сжимаю подушку, ощущая под собой шелковые простыни, которые задевают мой утренний стояк.

— Привет. Есть тут кто-нибудь?

Пейтон.

Черт возьми, Пейтон.

Мои мысли возвращаются ко вчерашнему вечеру.

Пейтон в моей постели, Пейтон в душе, Пейтон на кухонном столе.

Её запах.

Вкус.

То, как она обволакивает меня, словно перчатка.

Я могу сказать только одно. Она потрясла мой гребаный мир прошлой ночью, и я имею в виду не только секс, но и то, как я ей открылся.

Рядом с ней я становлюсь другим, более уязвимым, лучше понимаю свои чувства.

Не такой мудака.

И хотя мне неприятно это признавать, учитывая то, с чего мы начали, Пейтон делает меня счастливым.

Застонав, перекатываюсь на бок и заключаю её в объятия, каштановые волосы резко контрастируют с моим ярко-белым постельным бельем. Она смеется, когда я сплетаю наши конечности и прижимаю к матрасу.

— Это неподходящий способ разбудить мужчину, который подарил тебе лучшую ночь в жизни.

Пейтон приподнимает бровь.

— Лучшую ночь в моей жизни? Откуда ты знаешь, что она была лучшей?

Я прижимаюсь своим пахом к её, моя эрекция касается живота, в то время как я шевелю бровями.

— Когда ты кончала на мой язык в третий раз, ты сказала, цитирую: «Это лучшая ночь в моей жизни». — Я немного имитирую выражение её лица, закатывая глаза к затылку.

Она бьет меня по груди, смеясь.

— Я не так выгляжу, когда кончаю.

— Откуда ты знаешь? Ты когда-нибудь смотрела в этот момент в зеркало?

Пейтон прищуривается, скривив губы в сторону.

— Ладно, если я выгляжу так, то ты выглядишь таким образом. — Она высовывает язык изо рта, тяжело дышит и двигает ногой вверх-вниз, как гребаная собака.

Я не могу сдержать свою улыбку или смех, который вырывается из меня.

— То есть, по сути, ты сравниваешь меня с собакой.

— В основном.

Киваю.

— Справедливо. — Схватив её за руки, я сжимаю их и опускаю голову к шее, слегка облизывая место чуть ниже уха, а затем двигаюсь к ключице, где останавливаюсь и

улыбаюсь про себя. Внезапно втягиваю кожу в рот и покусываю.

— Рим! — кричит Пейтон, извиваясь подо мной. — Не смей, мать твою.

Я усердно сосу и покусываю.

— Рим, я не шучу.

Я не сдаюсь, оставляю свой след и наслаждаюсь каждой секундой этого.

— Клянусь богом, если ты сделаешь мне... — Голос обрывается на полуслове, когда мой член скользит между её бедрами. — Ооо, — стонет она, раздвигая ноги для меня.

Прошлой ночью у нас был неловкий разговор о противозачаточных средствах и о том, как она их принимает, что означало лишь...

Я провожу членом по её щели, гладкой и уже влажной.

— Проклятье, Пейтон, ты такая сексуальная.

Она ничего не говорит, вместо этого покачивает бедрами и переплетает наши пальцы, крепко прижимаясь ко мне.

Я опускаю голову, наши лбы соприкасаются, глаза прикованы друг к другу. На время я отпускаю её руку и сжимаю свой толстый член, направляя его в нее. Возвращаюсь к её руке, я удерживаю Пейтон в неподвижном состоянии, пока полностью вхожу в киску. Лицо Пейтон искажается, прежде чем она делает глубокий вдох, и всё тело расслабляется.

Когда её глаза снова открываются, остекленевшие и жаждущие, я безумно целую её. Наши рты сливаются, языки соприкасаются, когда я начинаю быстро входить и выходить из нее.

В этом нет ничего медленного. Несмотря на проведенную ночь, мы отчаянно нуждаемся в разрядке.

Я не снижаю темп, и когда Пейтон обхватывает меня ногами за талию, я погружаюсь еще глубже, ударяя в нужное место.

— О, боже, да. Прямо здесь, Рим.

Мне нравится, как она разговаривает со мной, как она не стесняется быть громкой в постели. Это чертовски привлекательно и заводит меня еще больше. Секс с этой женщиной просто невероятен.

— Ты близко? — хриплю я, моя кульминация ощущается у основания позвоночника, готовая прорваться сквозь меня.

Есть что-то особенное в утреннем сексе, от чего я возбуждаюсь намного быстрее, и данный момент не исключение.

— Я... — Её язык скользит по моему, губы атакуют мои, прежде чем она отстраняется и прикусывает нижнюю губу. Из неё вырывается долгий стон, когда киска сжимается вокруг моего ствола. — О. Боже, — практически кричит она, выгибая спину. — Да, Рим.

Кряхтя, я врываюсь в нее еще несколько раз.

Раз.

Два...

*Бл*дь.*

Три.

Мой оргазм накрывает меня, яйца напрягаются, и я изливаюсь в неё, лихорадочно двигаясь, пока из меня не вытекает все до последней капли.

Господи.

Я всё ещё прижимаюсь лбом к её лбу, наши носы соприкасаются, дыхание неровное, как будто мы только что пробежали марафон.

Когда наше сердцебиение начинает замедляться, Пейтон, наконец, говорит:

— Если ты поставишь мне засос, этот маленький роман закончится.

— Если я поставлю тебе засос, это значит, ты, бл*дь, моя.

— Это жульничество.

Пейтон сидит на моем кухонном столе, в одной из моих рубашек на пуговицах, скрестив ноги, выглядя охренительно прекрасно.

Я захлопываю дверь ногой и направляюсь в сторону кухни, держа в руке пакет с дымящейся едой

— Ты не просила, чтобы я готовил блины. — Я подмигиваю и ставлю пакет рядом с Пейтон только для того, чтобы раздвинуть её ноги и скользнуть между ними, положив руки ей на бедра.

Она опускает свои на мои плечи.

— Я не думала, что мне нужно уточнять.

— Всё дело в деталях, малышка. — Я быстро целую её в нос, прежде чем отойти в сторону и начать распаковывать еду.

Пейтон не двигается, поэтому я поворачиваю голову и спрашиваю:

— Ты собираешься есть? Почему ты просто сидишь и так смотришь на меня?

Её улыбка настолько ошеломляющая, что у меня перехватывает дыхание, когда она, наконец, говорит:

— Ты назвал меня «малышкой».

Я облизываю губы, глядя на неё сверху вниз. Она — крошка. Этого нельзя отрицать.

— И?

— Иииии, — произносит она, притягивая меня обратно к себе между ног, а затем проводит пальцами по моим волосам. — Это очень мило.

— Я не милый.

— Ты действительно такой, особенно когда у тебя появляется эта маленькая морщинка между глаз. — Пейтон прижимает указательный палец к моему лбу.

Скользя руками вверх по бедрам к попке, я крепко сжимаю её и касаюсь ртом подбородка, осыпая её поцелуями.

— Ты пытаешься отвлечь меня от моих блинчиков? — спрашивает Пейтон, наклоняя голову набок, чтобы дать мне больший доступ к шее.

— Это работает?

— Сначала ты называл меня «малышкой», теперь это, я бы сказала, что, возможно, так и есть.

— Возможно? Или определенно?

— Ммм... — стонет она, когда я просовываю руки под рубашку и поднимаю их к её грудной клетке, прямо под идеальными грудями.

Черт, я не могу насытиться ею. Каждый раз, когда мы находимся в одной комнате, я чувствую, что моя потребность в ней возрастает до некомфортного уровня, что, если я не возьму её прямо в тот момент, я могу взорваться.

— У тебя такая нежная кожа, — бормочу я, поднося руки к груди и пощипывая соски.

Её голова откидывается назад, волосы развеваются, а ноги обвиваются вокруг моей

спины.

Я кручу и поворачиваю маленькие бугорки между пальцами, проводя губами по коже, отчаянно желая заставить её кончить просто от игры с сосками. Пейтон сделала это прошлой ночью, и это была самая сексуальная гребаная вещь, которую я когда-либо видел: мои пальцы теребили чувствительные груди, а её голова моталась из стороны в сторону, таз упирался в мой, ища облегчения от нарастающего давления, пока она не кончила сама.

Я хочу этого снова.

Провожу большими пальцами по соскам и пощипываю. Повторяю процесс снова и снова, пока Пейтон не начинает тяжело дышать, вцепившись пальцами в край столешницы. Её рот приоткрывается, грудь вздымается.

Бл*дь, да. Она так близко...

Я уже собираюсь поцеловать её, когда дверь в мою квартиру распахивается, врезаясь в стену, напугав нас обоих до полусмерти.

— Рим? — кричит в панике Хантер, прямо перед тем, как замечает меня на кухне, мои руки поднимает испуганная Пейтон, которая сейчас прижимается ко мне, обхватив руками мою шею. — О. — Хантер расплывается в широкой улыбке.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — я усмехаюсь, собираясь убить своего лучшего друга.

— Я, эм, я думал, что ты умер или что-то в этом роде. — Он кладет ладонь на затылок, и эта злая улыбка всё ещё не сходит с его лица.

— Почему, бл*дь, ты подумал, что я мертв?

— Потому что, — друг переминается с ноги на ногу, — ты не пришел на работу. Ты всегда на работе. Ты пропустил совещание. Я подумал, что, может быть, вся эта история с «Project Mountain» доконала тебя, и ты откинул копыта в своей квартире. Я не хотел, чтобы ты замёрз на цементном полу в одиночестве.

Я уже собираюсь ответить, когда Пейтон поворачивает голову и показывает своё лицо, вызывая у Хантера шок.

— Хантер, не беспокойся о «Project Mountain», я всё предусмотрела.

Он усмехается и кивает головой.

— Действительно?

— Ты можешь идти.

Привстав на цыпочки, он смотрит на пакет на стойке и указывает на него.

— Что там? — Хантер принохивается. — Блинчики?

— Иди. Намхер. — Я указываю на дверь.

Подняв руки, он начинает пятиться назад.

— Ты можешь хотя бы сказать спасибо за то, что я убедился, что ты не умер.

— Не заставляй его уходить. Он может присоединиться к нам за завтраком. — Пейтон откидывает волосы в сторону.

Да хрен с ним, пусть остается. Хантер ни за что на свете не присоединится к нам на блины. У меня есть планы на завтрак, и они не связаны с моим лучшим другом, который может запихнуть в рот полную тарелку еды и все равно остаться голодным.

— Он не присоединится к нам за завтраком.

Дверь закрывается. Хантер хлопывает себя по животу и идет на кухню, где берет пакет и несет его к обеденному столу.

— Возьми салфетки, братан, а то будет беспорядок.

Господи Иисусе.

— Передай сироп. — Хантер протягивает ко мне руки, когда я откидываюсь на спинку стула, полностью раздраженный тем, что он испортил моё утро, а Пейтон, похоже, наслаждается этим. Но каждый раз, когда она смотрит в мою сторону с этой офигительно милой и огромной улыбкой на лице, я не могу злиться. Она слишком великолепна. *Счастливая. Со мной. И моим другом-идиотом.*

Я поддвигаю к Хантеру сироп и наблюдаю, как он поливает им стопку блинов, одновременно засовывая в рот кусочек бекона.

— Кстати, мне нравится твой наряд, Пейтон. У тебя вид *«у меня было много секса прошлой ночью»*.

— Осторожнее, — бурчу я, забирая кусочек бекона из его тарелки.

— Что? Это комплимент. — Хантер улыбается и подмигивает Пейтон, которая краснеет, румянец на щеках так чертовски очарователен.

Она расправляет воротник и говорит:

— Спасибо. Она Рима. Представляешь, он её больше не носит. Рубашка такая шикарная.

С набитым ртом Хантер указывает на неё вилкой, с которой на мой стол стоимостью в две тысячи долларов стекает коричневый сироп.

— Тебе очень идет, и ты без лифчика, отличная идея. — Он показывает большой палец вверх, кивая при этом и сдерживая улыбку.

Я собираюсь врезать ему по гребаным зубам, если он не прекратит делать комплименты моей девочке.

Да, *моей* девочке. Я поставил ей засос, чтобы доказать это.

И он прав, отсутствие лифчика — действительно отличная идея. Было бы ещё лучше, если бы проклятый Хантер не присутствовал здесь, блокируя наш секс, и я мог бы вернуться к сиськам Пейтон.

— Не хочешь взять блинчики с собой? — спрашиваю я, делая намек Хантеру, что пора уходить.

— Мне и здесь хорошо. Но все равно спасибо. — Он на секунду прекращает жевать, чтобы улыбнуться мне. — Итак, когда это началось? — Друг указывает на нас.

— Прошлой ночью, вообще-то, — весело говорит Пейтон. — Рим вел себя так, будто это был всего лишь бизнес, но у этого симпатичного парня были другие планы. — Она толкает Хантера локтем и шевелит бровями.

Он смеется.

— Ах, ты, есть ещё порох в пороховницах.

Господи боже. Я провожу руками по лицу и глубоко выдыхаю.

— Я думаю, мы его расстраиваем, — шепчет Хантер, как будто я его не слышу.

— Мне кажется, это потому, что он играл с моими сосками до того, как ты нас прервал.

— Пейтон, не могла бы ты? — спрашиваю я, желая, чтобы некоторые вещи оставались между нами.

Она пожимает плечами.

— Что? Твоя рука была под моей рубашкой, когда он вошёл, так что я уверена, что он сложил два и два.

— Неправда. — Хантер встает на мою защиту. — Он мог массировать твою грудь, это совсем другое дело, нежели игра с сосками. — Хантер складывает ладони чашечкой для демонстрации. — Видите...

— Я уволю вас, если вы сейчас же не прекратите болтать.

Как будто они лучшие друзья, они оба смеются и возвращаются к своим блинчикам.

Отлично, как раз то, что мне нужно, Хантер и Пейтон становятся друзьями. Мне и так плохо, что приходится иметь дело с выходками Хантера. Мне не нужно, чтобы он втягивал в это и Пейтон. О чем я только думаю? Вот почему они так хорошо ладят.

Они оба относятся ко мне одинаково. *Едва меня уважают.* Закатываю глаза.

— У тебя был секс, а ты все еще раздражен, я должен был это предвидеть. — Хантер качает головой, а затем становится серьезным. — Я собираюсь предположить, что раз тебя не было в офисе на рассвете, ты нашел решение, как победить «Project Mountain».

Подношу свой стакан с апельсиновым соком ко рту, конденсат стекает по пальцам.

— Да. Пейтон проделала впечатляющую работу.

— И ты не хотел её нанимать.

Пейтон бросает взгляд в мою сторону. Не сводя с меня глаз, она спрашивает:

— Как сильно Рим сопротивлялся?

— Больше, чем я ожидал, но, в конце концов, он сдался, потому что понял, что ты лучшая.

— Это правда? — спрашивает она немного скептически, но я пресекаю этот скептицизм.

— Так и есть. Бесспорно.

Я говорю с такой уверенностью, что могу сказать, когда она принимает мои слова. Её лицо смягчается, и она откладывает вилку.

Пейтон смотрит на меня и говорит:

— Тебе придется взять блинчики с собой, Хантер. Мне нужно как следует поблагодарить твоего друга за то, что он так верит в меня.

Словно теннисный мячик, глаза Хантера скачут туда-сюда между нашими пристальными взглядами. Он отодвигает свой стул, забирая с собой тарелку и вилку.

— Э-э, я просто заберу эту посуду, верну позже.

Дверь закрывается со щелчком.

Я наклоняю голову к Пейтон, которая встает со стула и поворачивает ко мне свою идеальную попку, одновременно расстегивая рубашку, обнажая дюйм кожи за раз. *Охренеть. Она заставила Хантера уйти, сказав лишь пару слов. Теперь, она молча направляется ко мне.*

Я опускаюсь на стуле и хватаю её за бедра, когда она подходит ко мне. Пейтон роняет рубашку на пол и наклоняется вперед, кладя руки мне на плечи. Мои ладони скользят вниз по спине к попке, и я сильно сжимаю её.

Едва слышный вздох срывается с её губ, прежде чем она произносит:

— Спусти штаны, Рим. Я собираюсь перевернуть твой гребаный мир.

Разве Пейтон не знает?

Она уже это сделала.

ПЕЙТОН

— Не смей крутить передо мной носом.

— Я этого не делаю.

Обвиняюще тычу пальцем.

— Делаешь. Мне нужно зеркало, ты бы видел свое лицо прямо сейчас.

— Прекрати.

— Рим.

— Пейтон, — отвечает он тем ровным и сладким голосом, который, я знаю, использует только для меня. Когда Рим разговаривает с кем-то другим, в его словах больше резкости, но для меня у него другой тон, и это что-то делает со мной, вызывает бабочек в животе.

— Скажи честно, ты немного напуган.

Он смотрит на хот-дог, который я только что купила для него у уличного торговца с заросшей бородой и сомнительным выражением лица. Мы только что провели последние два часа, отдыхая и читая в Нью-Йоркской публичной библиотеке, рассматривая все произведения искусства и любуясь прекрасной архитектурой. И вот...

Вы готовы?

Мы держались за руки все это время.

В душе я вижу, как маленькая девочка. Я держала Рима Блэкберна за руку, переплетая наши пальцы, а также периодически поглаживала его тыльную сторону ладони большим пальцем. Это такая простая вещь, но она значила для меня очень много, потому что я так долго мечтала быть с этим мужчиной, что до сих пор не могу поверить, что это правда.

И мы не только вместе, но и встречаемся в моногамных отношениях уже три недели. Три недели Рим звонил мне, писал смс, присылал цветы.

Много цветов.

Вы бы когда-нибудь подумали о Риме, как о мужчине, который дарит цветы? Я тоже, но он такой. Он также присылает секс-игрушки, настоящие извращенные штучки. Это меня не удивило.

Я вижу его почти каждый вечер. Иногда мы говорим о бизнесе, но чаще всего просто болтаем. Рим рассказал мне о том, как с нуля основал компанию «Roam, Inc», как я пытаюсь сделать это с «Fresh Minted Designs».

Также поведал мне о своих родителях, о детстве, проведенном в северной части штата Нью-Йорк, и о своей мечте однажды пожить в этом городе. Рим рассказал мне о своих отношениях с Хантером и о том, почему он все еще любит его, несмотря на то, что большую часть времени тот сводит его с ума.

У меня такое чувство, что я знаю о Риме больше, чем когда-либо другой, и что самое приятное во всем этом? Кроме умопомрачительного секса?

Когда я прихожу в офис, он весь в делах. Мы обсуждаем стратегию, просматриваем макеты и работаем как профессионалы. И только когда он шлепает меня по заднице и целует перед моим уходом, я вспоминаю, что мы пара.

Как будто я получила лучшее из обоих миров, и я до сих пор не могу понять, как у меня все это получилось. С маленькой глупой шутки по электронной почте на мой тридцатый

день рождения.

Удивительно, как иногда все складывается.

— Знаешь, я живу в городе уже много лет и ни разу не останавливался у тележки уличного торговца и не покупал у него какую-либо еду. Даже выпивку.

— Это потому что ты сноб. — Подношу хот-дог к его рту. — А теперь ешь, это тебя не убьет.

— У того парня свисал сыр с бороды, когда он нам их подавал.

Я пожимаю плечами и откусываю огромный кусок от своего хот-дога, наслаждаясь вкусом сочного лука.

— Эй, не сбрасывай этого парня со счетов. Сырная борода действительно знает, как приготовить хороший хот-дог. Эта штука просто восхитительна. — Я приподнимаю хот-дог еще выше и прижимаю его к губам своего парня. — Давай, ешь.

Он не открывает рот. Уф, он действительно сноб.

— Рим, это вкусно. Попробуй.

— Я думаю, что со мной все в порядке. Можешь взять мой.

Кладу руку на бедро, чувствуя разочарование. Он не только сноб, но и упрямец.

— Рим Майкл, если ты сейчас же не съешь этот хот-дог, я больше никогда не сделаю тебе минет.

Как раз в тот момент, когда эти слова вылетают из моего рта, мимо проходит пожилая пара в дизайнерской одежде и смотрит мне вслед. Я быстро отдаю им честь, а затем говорю:

— Вот молодежь в наше время, да? Говорят об оральном сексе на улице, с ума сойти.

Они оба издают звук отвращения и убегают, явно оскорбленные моей грубостью. Ну и ладно.

— Это было необходимо? — спрашивает Рима.

— Не меняй тему. Я больше никогда не прикоснусь губами к твоему члену, если ты не съешь этот хот-дог. — Провожу пальцами по его бедру. — А ты знаешь, какой оргазм я могу подарить тебе одним лишь языком. Вспомни прошлую ночь...

Как он может не помнить? Прошлая ночь была невероятно жаркой. Я взяла его в рот в душе, усадила на маленькую скамеечку и отсасывала ему, казалось, целых десять минут. Каждый раз, когда он был близок к оргазму, я вытаскивала член, не позволяя ему кончить, пока не была готова. Я никогда не видела Рима таким злым и возбужденным одновременно.

Застонав, он сдается и откусывает большой кусок хот-дога, кривляясь, как ребенок. Постепенно его лицо начинает расслабляться, и я вижу, что хот-дог ему действительно нравится, даже если он не хочет этого признавать.

— Вкусно, да?

Рим поджимает губы, делая вид, что хот-дог — это «ничего особенного», хотя мы знаем, что это рай на наших языках.

— Нормально.

Лжец. Я тыкаю его в бок, вызывая смех, когда он пытается увернуться от моего пальца.

— Ты такой упрямый.

Поймав мой палец рукой, он притягивает меня ближе к себе и сладко целует в губы.

— Может, я и упрямый, но, по крайней мере, я твой.

Это чертовски верно.

— Когда ты превратился из упертого в мягкотелого?

— Я все еще упрямец.

Качаю головой.

— Не со мной. Как будто я запала тебе в душу.

Становясь серьезным, он подносит руку к моему лицу и поглаживает пальцем мою щеку.

— Мне неприятно это признавать, но ты действительно запала мне в душу. Я думаю, ты сделала это в тот момент, когда написала то первое письмо.

— Ага, сделала мягкое твердым, да? — Я шевелю бровями, глядя на него. — Ты же понимаешь, я говорю о твоём пенисе.

Рим закатывает глаза, глядя на меня, и откусывает еще кусочек. Я знала, что хот-дог ему понравится.

— Я понял.

— Просто хотела убедиться, раз уж ты все время такой напряженный. — Прицеливаюсь в него пальцем. — Бах.

Стоя, он качает головой.

— Думаю, нам пора идти разными путями.

Его джинсы обтягивают его во всех нужных местах; не оглядываясь, Рим встает и уходит без меня.

— Эй, — окликаю я, хватаю свою сумочку и бегу за ним. Беру своего парня за руку и дергаю, чтобы он притормозил.

Смеясь, Рим наклоняется и целует меня в макушку, прежде чем замедлить свой шаг и вместе со мной насладиться Нью-Йорком в послеобеденное время.

— Где мы? — спрашиваю я, пока мы долго поднимаемся в длинном лифте.

— Я же сказал, что это сюрприз, — отвечает Рим, кладя руку мне на бедро и притягивая меня к своей груди.

Единственное, что я знаю о нашем сегодняшнем ужине, это то, что он сказал мне одеться сексуально и взять с собой пальто.

Поэтому я провела день, приводя в порядок все свое тело с головы до ног — в буквальном смысле, сделала педикюр, завила волосы, надела свое самое сексуальное нижнее белье и убийственное черное платье с глубоким V-образным вырезом и коротким подолом, достигающим до середины бедра.

Также на мне каблуки, будем надеяться, что мне не придется идти слишком далеко, потому что я никак не смогу это сделать.

Лифт над нами звенит, сообщая, что мы добрались до нужного этажа. Придерживая меня за поясницу, Рим выводит меня из лифта в помещение, похожее на зал.

Обхватив меня рукой за талию и крепко прижав к себе, он снимает повязку с моих глаз и целует в макушку, говоря:

— Сюрприз.

Проходит несколько мгновений, прежде чем мои глаза привыкают, но как только это происходит, наступает шок. Меня приветствует ряд окон, из которых открывается прекрасный вид на ночной Нью-Йорк. Огни мерцают, река Гудзон протекает совсем рядом, отражая живописный пейзаж.

— О, боже, — потрясенно произношу я.

Взяв меня за руку, Рим ведет нас в небольшую отделенную зону, где накрыт столик на двоих, освещенный свечами, на котором стоит охлажденная бутылка нашего любимого вина, которую нам предстоит открыть.

Я поворачиваюсь к нему и обхватываю его шею руками.

— Рим, я не могу поверить, что ты все это сделал.

Он легонько целует меня, его губы задерживаются на несколько секунд, прежде чем сказать:

— Пейтон, для тебя все, что угодно. — Он снова целует меня, а затем спрашивает: — Хочешь прогуляться, полюбоваться пейзажами перед ужином?

— С удовольствием.

Когда мы оказываемся снаружи и смотрим на оживленные улицы города, я, все еще захваченная романтикой этой ночи, понимаю, что мы находимся на крыше монументального здания.

— Мы на крыше Эмпайр Стейт Билдинг?

— Ага. Снял его на ночь для нас.

— Ты шутишь.

Рим качает головой, плотно сжав губы.

— Ты серьезно арендовал все здание?

Он обнимает меня, согревая от холодного ветра.

— Не все здание целиком, только та часть, которая предназначена для туристов. А потом ты сможешь выбрать любой сувенир в магазине.

— О, ты действительно знаешь, как завоевать сердце девушки, не так ли?

Он тихо смеется мне в ухо, звук такой сексуальный, в стиле Рима.

— Я знаю, как завоевать сердце моей девушки. Давай скажем так. Сколько мы уже вместе? Месяц? Я понял, что когда мы что-то делаем, ты всегда хочешь получить сувенир, даже если это просто наклейка.

Прислоняю голову к его плечу и смотрю в темную бездну, раскинувшуюся перед нами, освещенную, кажется, лишь маленькими огоньками с того места, где мы стоим.

— Мне нравится вспоминать места, где я бываю, вещи, которые я делаю.

— Я думаю, это мило.

— Я думаю, это мило, что ты считаешь меня милой, или что ты вообще произносишь слово «мило». Если бы кто-то сказал мне два месяца назад, что Рим Блэкберн будет называть меня милой, я бы ответила, что они обкурились.

— Я не думаю, что *ты* милая. Твоя личность — да, но ты — нет. Ты сексуальна, горяча и просто великолепна.

Вау.

Учитывая, насколько великолепен этот мужчина, меня все еще поражает, что он видит меня такой.

Я трусь своими бедрами о его, издавая низкий горловой звук.

— Ты добр ко мне, Рим.

— Потому что ты мне безразлична. — Он разворачивает меня в своих объятиях и опускает руки на мою спину. — Мне неприятно это признавать, но ты как бы незаметно вторглась в мою жизнь.

— Почему тебе неприятно это признавать? — Поглаживаю щетину на его челюсти, грубую и шершавую, как и он сам.

Рим крепче прижимает меня к себе.

— Потому что я упрямый, и с самого начала ты хотела быть со мной, и мне пришлось поддаться всепоглощающим чувствам, которые я испытывал к тебе. Эту пилюлю было нелегко проглотить.

Он лезет целоваться, но я обхватываю ладонью его лицо, останавливая его.

— Не хочешь выразиться иначе? Это была не самая романтическая вещь, которую ты когда-либо говорил.

Усмехаясь, он целует мою руку и говорит:

— По сути, ты пиявка, от которой я никак не могу избавиться.

— Рим. — Дергаю за лацканы его пиджака.

— Ладно, извини. — Он прочищает горло. — Ты пиранья...

— Я тебя ненавижу. — Начинаю уходить, когда он притягивает меня обратно к своей груди и завладевает моим ртом. Его гладкие, словно шелк, губы скользят по моим, покусывая, облизывая и посасывая до такой степени, что мои колени начинают подкашиваться, и я вынуждена вцепиться руками в бицепсы Рима, чтобы устоять на ногах.

Когда он отстраняется, то нежно заправляет прядь волос мне за ухо, не сводя с меня глаз.

— Ты особенная для меня, Пейтон, и я бы ни на что не променял этот последний месяц. Не потому, что ты профессионал в своем деле, и не потому, что ты охрененно сексуальна в спальне, а потому, что ты вызываешь у меня искреннюю улыбку, и я могу сказать, что не так много людей способны на это.

Сердце, успокойся.

Этот человек лишил меня дара речи, потому что никто никогда не говорил мне таких слов раньше. Никто не видел меня такой, как он. Я с трудом сдерживаю слезы, потому что, несмотря на то, что слова романтичны и сентиментальны, похвала от этого человека все еще ошеломляет меня.

Прикусываю нижнюю губу, чтобы та не дрожала, и запускаю пальцы в его волосы, обхватывая его лицо ладонями.

— Ты был мужчиной моей мечты очень долго, Рим, и... на самом деле нет. Это неправильно. Ты даже лучше — великолепнее, чем в моих мечтах. И тот факт, что я могу стоять здесь, прикасаться к тебе, как захочу, и твои прекрасные глаза уделяют мне все свое внимание, это значит для меня все.

Он щиплет меня за подбородок и большим пальцем оттягивает нижнюю губу.

— Продолжай говорить такие вещи, и мы никогда не доживем до ужина.

— Что на ужин?

— Твой любимый пирог с курицей.

Я взвешиваю свои варианты.

— Секс или пирог с курицей. — Делаю паузу, хорошенько обдумывая это. — Боже, мне так жаль, Рим, но мне придется выбрать пирог с курицей.

Посмеиваясь, он берет меня за руку и ведет внутрь, к нашему столику.

— Не волнуйся, я знал, что твой ответ будет таким. Страсть, которую ты испытываешь к пирогу, очень сильна. Я знаю, чего стою.

— Если бы это была запеканка, мы бы сейчас были голыми.

Рим выдвигает для меня стул.

— А если бы это был киш?

— Ооо, — съезживаюсь я. — Сложный выбор. Позволь мне ответить на этот вопрос. Ты же знаешь, как я люблю вкусный киш.

Положив руки мне на плечи и наклонившись вперед, Рим быстро целует меня в подбородок и шепчет:

— Я слишком хорошо знаю, как сильно ты любишь киш... детка.

— Пейтон, какого черта ты так долго?

Я иду по коридору в квартире Рима, бетон холодный под моими ногами, когда я направляюсь к своему мужчине.

Это был долгий день, полный напряженной работы, подготовки к запуску новой женской линии, который состоится через несколько недель, и это сказалось на мне. Я измотана.

Причиной также может быть ненасытный мужчина, сидящий на жестком диване, без рубашки, в спортивных штанах — да, у Рима есть несколько пар, — который около десяти минут назад кончил в меня с таким злобным ревом, что я была уверена, что он потеряет сознание. Но нет, он сидит в гостиной, ждет меня, чтобы обняться и посмотреть фильм.

— У меня немного болит, — говорю я, ковыляя к нему.

Его лоб морщится, острые брови сходятся вместе.

— Болит? Почему?

Медленно я сажусь рядом с Римом, чувствуя небольшую боль в спине, когда устраиваюсь на твердой как камень поверхности, но я не говорю об этом ему.

Я ненавижу его диван. Он безумно неудобный. Все в его квартире вызывает дискомфорт, но ради справедливости в этих недавних отношениях, я предложила разделить ночи, которые мы проводим друг у друга. Моя квартира, хоть и не такая шикарная, но чертовски более удобная, с, возможно, проблемным сумасшедшим соседом, который любит много кричать. Риму не нравится ночевать у меня, но, по крайней мере, он может сидеть на моем диване, не сломав бедро. Я говорила ему, что через некоторое время привыкаешь к крикам, но он, похоже, не согласен со мной.

Повернувшись ко мне, Рим оценивает мое тело, его пронзительный взгляд непоколебим, когда он осматривает меня с ног до головы.

— Почему у тебя болит?

Я держусь за поясницу.

— Не знаю, может быть, это из-за акробатических трюков, которые ты заставляешь меня ежедневно делать.

В момент, когда он прижимает меня к своей груди, я вижу, как озабоченность на его лице сменяется ленивой улыбкой.

— Детка, боль от секса отличается от настоящей боли. Сексуальная боль — это то, чем можно гордиться.

— Э-э, говорит парень, который не хотел бы прямо сейчас натереть свое тело мазью Bengau (*прим. пер.: Bengau — мазь, используется для лечения незначительных болей в мышцах/суставах*).

Он утыкается носом в мою шею, его мягкие губы скользят по моей коже.

— Кто сказал, что у меня ничего не болит?

— Я. Это не ты принимаешь на себя основной удар бедрами. — Поворачиваю голову и смотрю ему в глаза. — Не хочу раздувать твое и без того раздутое эго, но у тебя мощные толчки, друг мой, и когда ты заставляешь меня извиваться, входя в меня вот так, да, девушке будет больно.

— Мощные толчки, да? — Его красивое лицо расплывается в улыбке, и хотя мне хочется закатить глаза от того, насколько Рим счастлив, я не могу. Потому что он счастлив. Я делаю его счастливым, и это именно то, что нужно.

— Не будь слишком самоуверенным, хорошо? Есть вещи, которые ты мог бы улучшить. Я прячу свою ухмылку.

Прочищая горло, совершенно ошеломленный, он крепко обнимает меня и говорит:

— Прости? Что значит, у меня есть вещи, которые я мог бы улучшить? Судя по звукам, вырывающимся из твоего рта, когда я нахожусь глубоко внутри тебя, не похоже, что мне есть что улучшать.

Небрежно пожимаю плечами.

— Знаешь, может, больше прелюдии.

— Что? — Он почти вскакивает со своего места, отталкивая меня в сторону, чтобы пристально посмотреть мне в глаза. — Ты жалуешься на прелюдию?

Поднеся руку к лицу, я рассматриваю свои ногти и небрежно произношу:

— Все в порядке, Рим, некоторые люди проявляют слабость в постели. — Похлопываю его по ноге. — Думаю, тебе просто нужно понять, что прелюдия — это не разговоры о работе. Меня не возбуждают беседы об электронных письмах и макетах, как тебя.

Рим изучает меня, его взгляд буравит мою душу, выискивая хоть какой-то намек на ложь, и когда он прочищает горло, я больше не могу притворяться. Я улыбаюсь.

Его глаза расширяются — в них читается недоверие, — и он берет подушку из-за спины и швыряет ее в меня, вскакивая со своего места.

— О, у тебя, черт возьми, проблемы, детка. — Он огибает диван и указывает на меня. — Большие проблемы.

Я швыряю в него подушкой, от которой Рим легко уворачивается, отмахиваясь от нее.

— Какого рода проблемы?

Возбужденный и адски сексуальный, он раскачивается с пятки на носок, мышцы на его груди напряжены.

— Худший вид неприятностей.

Мне нравится эта его супер игривая сторона, я сажусь, подогнув ноги под себя, и говорю:

— Ооо, что за неприятности?

— Не те неприятности, на которые ты надеешься.

Опускаю голову.

— То есть, не те неприятности, когда ты наказываешь меня своим членом?

Плотно сжав губы, он качает головой.

— Нет. Это те неприятности, когда ты не получаешь член.

— Ха! — Я смеюсь. — Я бы хотела, чтобы ты попытался наказать меня таким образом, мистер Утренняя эрекция.

— Поверь мне. Ты будешь умолять о моей «ужасной» прелюдии. — Рим использует воздушные кавычки, его улыбка ослепительна.

— Я никогда не говорила «ужасная».

Взяв еще одну подушку с ближайшего стула, он швыряет ее в меня.

— С таким же успехом могла бы.

Между прочим, когда Рим что-то задумал, он этого добивается. Я должна была догадаться об этом, учитывая его трудовую этику.

Но, очевидно, я забыла, с кем имею дело.

У нас не было секса целую неделю. Долбаную неделю.

Я вот-вот сойду с ума от накопившегося внутри меня сексуального напряжения.

Мы по-прежнему спим в одной постели, чередуем квартиры. *Это убивает меня.*

Попробуйте спать рядом с мистером «Я сплю голым», когда все, чего вы хотите, — это его рот на вашем теле, его руки на вашей груди и его член внутри вас, трахающий, словно обезумевший моряк в отпуске.

Рим воздерживается от секса со мной, и, кажется, что это совсем на него не влияет. Если бы я не знала, что он на сто процентов верен мне, то подумала бы, что у него есть кто-то на стороне.

Должно быть, его рука действительно хорошо справляется.

Моя — не очень. Она не сравнится с настоящим Римом. Он командует моим телом, заставляет меня чувствовать то, что я никогда не испытывала ранее, а после, когда он обнимает меня, зарываясь носом в мои волосы, это чистое блаженство.

Я скучаю по этому.

И то, что я сейчас нахожусь на собрании, где должна вести себя, как профессионал, медленно съедает меня заживо, особенно когда Рим не отводит взгляда от моей блузки, которую я, возможно, расстегнула на несколько верхних пуговиц специально для него.

— И все на стадии производства готово к выпуску? — спрашивает Рим, вертя ручку между пальцами. Он сидит во главе стола для совещаний, одетый в темно-синюю рубашку на пуговицах и светло-серые брюки. Я наблюдала, как он одевался сегодня утром, и не могла не обратить внимание на то, насколько плотно сидят на нем брюки.

— Да, мистер Блэкберн, — говорит какой-то парень справа от меня. Я не могла бы вспомнить его имя, даже если бы от этого зависела моя жизнь, не тогда, когда Рим медленно покусывает уголок своей губы.

Клянусь богом, он делает это специально.

— Мисс Левек, не хотите высказаться?

— А? — Я качаю головой, быстро моргая глазами. Я была слишком невнимательна.

Лицо Рима становится суровым, но в его глазах появляется блеск, который говорит мне, что он забавляется.

— Было бы лучше, если бы вы слушали, а не витали в облаках.

— Извините. — Прочищаю горло. — У меня была не очень хорошая неделя. Какой был вопрос?

Ухмыляясь за своей ручкой, Рим спрашивает:

— Как продвигается наше сотрудничество с «Adventure Protein Bars and Fuelade»?

— Все готово. Контракты подписаны, продукция уже снята для рекламы.

— Хорошо. — Рим постукивает ручкой по своему блокноту и говорит: — На сегодня это все. Уже поздно, идите домой и поспите немного. Следующие несколько недель будут

трудными, так как мы определяемся с датой релиза. Я попрошу Лорен напечатать заметки и разослать их завтра. — Он встает со стула, как и все остальные. Я медленно собираю свои вещи, зная, что Рим последним покидает конференц-зал.

Засунув руки в карманы, невозмутимый, как всегда, он наблюдает, как его сотрудники один за другим покидают помещение. Это был тот Рим, в которого я влюбилась, тот, который привлек мое внимание. Деловой, безжалостный и очень умный, когда дело касается управления компанией. Но Рим, которого я вижу за пределами офиса, — это тот, к кому я пристрастилась, и сейчас самое время утолить свою зависимость.

Я встаю со стула, задвигаю его под стол, а затем направляюсь к Риму, который не сводит с меня глаз.

Когда я подхожу к нему, он окидывает меня пристальным взглядом.

— Не самая удачная неделя, да?

Качаю головой, надув губы.

— Нет, совсем нет.

Все еще держа руки в карманах, он наклоняется вперед, приближаясь ко мне, и его одеколон проникает в мои вены, пробуждая все внутри меня.

— Было бы лучше, если бы вы не думали о своей личной жизни в офисе, мисс Левек.

Большой засранец.

Я откидываю волосы в сторону и прижимаю свои записи к груди.

— Было бы лучше, если бы вы не трахали меня глазами во время совещаний, мистер Блэкберн.

Едва заметная ухмылка трогает его губы, едва достигая глаз.

— Не расстегивайте так низко блузку, и я не буду вас трахать глазами.

Выпятив грудь, я говорю:

— Хватит пытаться доказать свою точку зрения, трахни меня уже, Рим.

Я пытаюсь добиться от него реакции, но он даже глазом не моргает. Вместо этого он раскачивается на каблуках и произносит:

— Не, я в порядке. — А затем жестом показывает на дверь, чтобы я уходила.

Я убью его.

Пыхтя, прохожу мимо него, но вдруг чувствую, как он скользит рукой по моей пояснице и прижимается к моей спине грудью, его дыхание смешивается с моим.

Я замираю, когда его рука опускается немного ниже, чуть выше моей задницы. Я резко вдыхаю, и запах его одеколona попадает в мои легкие, заставляя меня чувствовать головокружение и возбуждение одновременно.

Мои соски напрягаются, когда Рим скользит большим пальцем по моей спине.

Мои губы приоткрываются, когда я чувствую, как его грудь касается моего плеча.

И мое дыхание сбивается, когда его рот опускается к моему уху.

Очень тихо он шепчет:

— Всю неделю между нами происходило то, что ты называешь прелюдией, детка. Ставлю тысячу долларов на то, что, если бы я сдвинул твои стринги в сторону и пощупал твою восхитительную киску, она была бы мокрой.

Черт бы его побрал.

Посмеиваясь над моим молчанием, Рим снова шепчет, его губы задевают мое ухо:

— Никогда, бл*дь, не говори, что у меня плохая прелюдия, потому что ты прекрасно знаешь, что это ложь. Быстро беги в мою квартиру, раздевайся и раздвинь ноги к тому

времени, как я приду. Я буду трахать тебя до утра.

Я хочу быть непокорной девушкой, той, которая скажет ему отвалить, но я сейчас безумно возбуждена, что киваю и выхожу из конференц-зала с одной мыслью: восхитительно жесткий, горячий секс с Римом.

И я не могу быть счастливее.

РИМ

— Как прошел твой день? — спрашивает Пейтон, сидя напротив меня. Она выглядит чертовски привлекательно: ее волосы собраны в тугий пучок, платье подчеркивает ее красивые ключицы.

Не проходит ни одного проклятого дня, чтобы я не думал о том, как мне повезло.

Какой же я везучий ублюдок, что завоевал эту девушку.

Но вот я здесь, Пейтон сидит напротив меня в ресторане, в который я бы не пошел под страхом сметы еще несколько недель назад, и все же я изменил свое мнение ради нее, потому что она никогда не была здесь.

— Отлично, — отвечаю я, оглядываясь вокруг.

С потолка беспорядочно свисают люстры из витражного стекла всех форм, размеров, цветов и тематик. Изящные белые стулья и столики заполняют пространство и повсюду гребаные маленькие помпоны.

Это мечта маленькой девочки.

Мой долбаный кошмар.

— Разве здесь не мило? — Пейтон наклоняется и берет меня за руку. — Спасибо, что привел меня сюда.

И когда она вот так хлопает ресницами, глядя на меня с безумно счастливым выражением лица, мне приходится проглотить свою гордость и смириться с тем, что я чувствую себя полным мудаком в известном нью-йоркском ресторане «Интуиция».

Поддавшись ее улыбке, я говорю:

— Все, что угодно для тебя, детка.

Она сжимает мою руку и делает глоток воды с улыбкой на губах.

Опустив свой бокал, она наклоняется вперед и произносит:

— Я отблагодарю тебя классным сексом сегодня вечером.

— О... я знаю. — Наклоняю свой бокал в ее сторону, а затем делаю глоток. — Кстати, я тут подумал. — Делаю паузу, чувствуя, как начинаю нервничать.

Мы встречаемся уже два месяца, проводим вместе каждую ночь, и когда сегодня я шел с работы, меня осенило. Я почувствовал непреодолимая потребность перейти к следующему шагу. По дороге сюда я снова и снова прокручивал в голове разговор — что сказать, как спросить, но сейчас, в этот момент, я потерял дар речи.

Я.

Потерял.

Дар речи.

Со мной такого никогда не случалось. Я выступал на совещаниях, где нужно было предоставлять новый современный продукт, и у меня никогда не было проблем, но здесь, прямо сейчас, разговаривая с Пейтон, я дышу с трудом.

— Есть ли конец у этого предложения? — Она наклоняет голову в сторону, изучая меня. — Рим, ты в порядке?

— Да. — Тянусь к воротнику, пытаюсь впустить воздух на мою пылающую кожу.

Что, если она скажет «нет»?

Что если еще слишком рано?

Слишком рано?

Господи.

Официантка ставит перед нами огромную чашку замороженного горячего шоколада с несколькими соломинками — единственное, что Пейтон хотела здесь попробовать.

— Наслаждайтесь, — произносит девушка, прежде чем уйти, и никто из нас не обращает на нее внимания.

— Рим, ты выглядишь бледным.

— Правда? — Я нервно смеюсь. — Ха.

Ее глаза сужаются, разум, вероятно, перебирает возможные варианты. Она видит, что я даю заднюю, и не собирается этого допустить.

Подвинув свой стул ко мне, Пейтон берет меня за руку и нежно проводит большим пальцем по костяшкам, снимая напряжение с моих плеч.

— Хорошо, мы можем сделать это легким или трудным путем. Ты можешь либо сказать мне то, что собирался, — ее голос мягкий и приятный, заботливый, — либо я буду доставать тебя всю ночь, пока ты мне не скажешь.

Это правда, она уже делала это раньше.

Понимая, что мне нужно собрать свою волю в кулак, я делаю большой вдох и смотрю в ее красивые, выразительные глаза.

— Я думаю, мы должны жить вместе.

Прямо, по существу, идеально.

Выражение лица Пейтон не меняется. Она едва моргает, и, мне кажется, что я шокировал ее до чертиков, пока она не говорит:

— Вот так ты просишь меня переехать к тебе? Заявляя? Это был даже не вопрос.

Пейтон отодвигается к краю своего стола и качает головой.

— О нет, Рим. Не так. — Она делает большой глоток замороженного горячего шоколада, а затем обхватывает голову руками.

— Ооо, голова болит от мороженого.

Эээ... так это значит «нет»?

Глядя на нее, совершенно сбитый с толку, я спрашиваю:

— Я расцениваю это как «нет»?

Она качает головой.

— Нет, я перееду к тебе, но только после того, как ты попросишь, как следует.

Господи Иисусе. Женщины.

Воздерживаюсь от того, чтобы закатить глаза.

— Хорошо, ты переедешь ко мне?

Пейтон хмурит брови, соломинка на полпути ко рту, она насмехается надо мной.

— Хорошо, ты переедешь ко мне? О нет, не спрашивай в таком тоне. И не пытайся сегодня перефразировать этот вопрос. Тебе придется хорошенько все обдумать, сделать широкий жест.

— Ты серьезно?

Пейтон смотрит мне прямо в глаза.

— Совершенно серьезно. — Затем она поднимает соломинку, широко улыбается и говорит: — Пей, красавчик, это вкусно.

Что, бл*дь, здесь только что произошло?

— Грандиозный жест, да? — произносит Хантер, похлопывая меня по плечу, когда мы направляемся в конференц-зал на наше утреннее совещание во вторник.

— Удачи.

— Я даже не знаю, что это значит.

— Это значит, что тебе лучше поискать в Pinterest или в другом месте, набраться каких-нибудь идей.

Поправляю рукава своего костюма и тихо говорю, когда мы входим в зал:

— Я не буду искать в гребаном Pinterest.

Лорен закрывает за мной дверь с понимающей ухмылкой на лице. Она единственная в офисе знает, что мы с Пейтон встречаемся, и только потому, что однажды поздно вечером застучала нас, когда мы целовались. Она забыла что-то на своем столе, и когда увидела, что кто-то в моем кабинете, полагая, что я уже ушел, решила проверить, кто там. К ее огромному удивлению, это были мы с Пейтон, прижавшиеся друг к другу губами, причем моя рука была наполовину засунута ей под блузку.

На следующее утро я подарил ей небольшую подарочную карту и поблагодарил за осмотрительность.

И мне неприятно это признавать, но моя помощница была очень полезна, когда дело доходило до отправки вещей Пейтон в течение дня, особенно таких, как обед и... киш.

Осматриваю зал, убеждаясь, что все здесь. Пейтон не приходит на эти собрания, потому что они больше посвящены еженедельным новостям, нежели стратегическому планированию.

Как и все остальные сотрудники, сидящие на своих местах, с кофе в руках и грозным выражением лица, я ненавижу эти собрания, но проводить их необходимо.

Мы всегда начинаем с обсуждений за круглым столом, поэтому если кто-то хочет сказать что-то интересное, касательно компании, он может высказаться.

Сотрудники используют это время, чтобы обсудить, пользовались ли они определенным продуктом в выходные, или, когда кто-то проработал в компании определенное количество времени, — неважная и безобидная ерунда, которая меня не волнует, но я знаю, что она поднимает моральных дух сотрудников.

Я сажусь, закидываю ногу на ногу и киваю женщине, сидящей рядом со мной. Думаю, ее зовут Андреа.

— Начните с позитивных новостей.

Ярко улыбаясь, она кивает и начинает рассказывать о новой женской линии, о том, как она использовала одну из защищающих от пота футболок с длинными рукавами, и о том, насколько это было потрясающе и удобно.

Хорошо, мне нравится слушать подобную хрень.

Следующий — Джордж. Он лишь хотел сообщить нам, что его жена снова испекла брауни, и они лежат на этаже маркетингового отдела, если кто-нибудь желает.

Лорен спустится позже, чтобы прихватить немного для меня. Эти пирожные убийственно вкусные. Перевожу взгляд на Лорен, которая заговорщицки подмигивает мне.

И мыдвигаемся дальше. Некоторым нечего сказать, другие говорят о бессмысленном дерьме, пока не наступает очередь рыжей, которую я видел раньше, но она никогда не

присутствовала на этих встречах.

Кто она такая?

Помахав рукой, она говорит:

— Привет, я Саша, и Джордж пригласил меня на эту встречу, потому что у меня есть довольно интересные новости, которыми я хочу поделиться. — Голос у нее чертовски отвратительный, высокопарный и писклявый. Чем меньше она говорит, тем лучше.

— Продолжайте. — Я делаю движение рукой.

Рыжая говорит со спокойным выражением лица:

— Вы знаете, что в эти выходные у нас произошла утечка информации касательно головных уборов в нашей линии женской одежды?

Не начинайте, бл*дь, об этом. Слава богу, меня не слишком волнуют эти шапки. У нас есть четыре варианта, и это все. Они не будут способствовать запуску или срывать его, но я был чертовски раздражен, когда «Project Mountain» вчера объявил о линии головных уборов.

— Да, — побуждаю ее продолжить.

— Ну, мне кажется, я вычислила доносчика.

Так, теперь становится интереснее. Она кивает кому-то, кто стоит возле выключателей. В конференц-зале становится темно, а на экране телевизора появляются фотографии.

— Я сделала их в эти выходные. Сначала я думала, что мне мерещится, но когда я подошла поближе, я была просто потрясена.

Фотографии — полное дерьмо. Похоже, кучка людей сидит снаружи возле собачьего кафе (*прим. пер.: dog café — это тип заведения, где обычно клиенты платят за то, чтобы провести время с домашними животными в целях развлечения и релаксации*) и завтракают.

Но потом Саша переходит к следующему снимку, и в этот момент мое сердце замирает, а кровь начинает закипать. Хантер сразу кладет руку на мое плечо, пытаясь успокоить меня.

Пейтон сидит, скрестив ноги, и смеется, с чашкой кофе в руке, одетая чертовски профессионально. Она разговаривает с Ленсом Холидеем, генеральным директором «Project Mountain».

Какого хрена?

— Для тех из вас, кто не знает, я заняла место Пейтон, начала работать с социальными сетями в «Roam, Inc», когда она уволилась. Сейчас она работает над нашей женской линией и ведет всю маркетинговую кампанию. Так что вы можете представить мое удивление, когда я обнаружила, что она разговаривает с Ленсом. — Саша переключает на другой слайд.

Пейтон с Ленсом смотрят на макет, она показывает на него, а он внимательно слушает.

Мне становится плохо, когда Саша продолжает перелистывать картинку за картинкой, каждая из них как гвоздь в мое гребаное сердце.

Как Пейтон могла так поступить со мной? С «Roam, Inc»?

Я знаю, что она нуждалась в работе, но неужели настолько отчаянно, чтобы предать меня?

Она так страстно желала победить «Project Mountain», но неужели все это время она меня обманывала?

Я ни хрена не понимаю.

Оттолкнувшись от стола, я встаю со стула и говорю:

— Совещание отменяется.

Выбегаю из конференц-зала и направляюсь к лифту, где быстро нажимаю указательным пальцем на кнопку «Вниз». Слышу за спиной тяжелые шаги, и мне не нужно оборачиваться,

чтобы понять, кто это.

— Чувак, должно же быть какое-то объяснение.

— Какое, например?

Хантер молчит, пытаюсь придумать оправдание. Хотел бы я думать о том же, но у меня перед глазами лишь те проклятые фотографии. Как женщина, которой я полностью доверял, улыбается тому, кого я считаю своим главным соперником. Нет, этому нет объяснения.

— Я не знаю, но прежде чем набрасываться на нее, почему бы тебе не успокоиться и не попытаться подумать об этом рационально.

Лифт звенит, и я вхожу внутрь, нажимая кнопку этажа вестибюля.

Когда двери закрываются, я говорю:

— Прямо сейчас во мне нет ни одной рациональной мысли.

— Именно этого я и боюсь, — отвечает Хантер прямо перед тем, как двери закрываются.

По дороге в вестибюль я достаю из кармана телефон и быстро отправляю Джорджу электронное письмо, в котором прошу его, чтобы Марта отправила мне эти фотографии по электронной почте как можно скорее. Через пять минут, когда я еду на заднем сиденье своего «Бьюика», которым управляет водитель, фотографии уже у меня в руках. Всю дорогу до кофейни я изучал их, внимательно рассматривал, и, как бы я ни старался, единственный вывод, к которому я пришел, — это то, что она пытается меня обмануть.

Я просто ни хрена не понимаю, почему.

Вот она, потягивает кофе, выглядит дерзкой и красивой в своем ярко-желтом платье и туфлях на высоких каблуках в тон, усердно работает на своем iPad и компьютере. На мгновение можно было подумать, что ей действительно есть дело до моей компании. А может, она трудится сейчас не для «Roam, Inc», а для «Project Mountain».

Через шесть шагов я оказываюсь перед ее столом, глядя на нее сверху вниз.

Пейтон вздрагивает и поднимает глаза. Широко улыбается, но затем ее улыбка быстро исчезает, когда она замечает выражение моего лица.

— Рим, все в порядке?

Я, бл*дь, не хожу вокруг да около. Сажусь напротив нее и говорю достаточно тихо, чтобы никто не мог слышать наш разговор:

— Признайся мне прямо сейчас, если ты на*бала меня.

— Что? — Она откидывается назад, как будто я только что дал ей пощечину.

— Не пудри мне мозги, Пейтон. — Ее имя звучит как ругательство. — Просто скажи мне правду.

Она складывает руки на груди, немедленно переходя к обороне.

— Извини, но для начала ты мог бы поздороваться со мной как нормальный человек, сказать «привет», может быть, поступить как мой парень и поцеловать меня в щеку, а затем спокойным тоном объяснить мне, почему ты обвиняешь меня в том, что я, как ты так красноречиво выразился, «на*бала тебя».

В отчаянии провожу рукой по лицу и достаю телефон из кармана. Открываю электронное письмо со всеми фотографиями и разворачиваю экран в ее сторону.

Она разглядывает их с бесстрастным выражением лица, а затем смотрит на меня.

— Ну... — спрашиваю я, давая ей шанс объяснить.

— Ну, что? Похоже, ты уже сделал для себя выводы.

— Какой вывод я должен сделать? Кто-то слил информацию касательно нашей женской

линии. Как раз в эти выходные произошла утечка, и так уж случилось, что в те же выходные тебя застукали с генеральным директором «Project Mountain».

В моей душе бушует неистовый гнев, что я почти забываю, что мы находимся в общественном месте.

Когда я преодолеваю кипящую внутри ярость и смотрю на Пейтон, мне кажется, что она вот-вот заплачет.

Она плачет... потому что ее поймали?

Не говоря ни слова, она собирает свои вещи, запикивает их в сумку, встает из-за стола, не удостоив меня даже взглядом, и выходит из кафе, направляясь в свою квартиру.

Она что, издевается надо мной?

Я не теряю времени и бегу за ней.

Беспощадные жители Нью-Йорка вокруг нас продолжают свой день, когда я хватаю Пейтон за руку и оттаскиваю ее в сторону, подальше от людей, идущих из пункта А в пункт Б.

— Отпусти меня, — говорит она со слезами на глазах.

— Просто признайся, — отвечаю. — Просто, бл*дь, скажи мне, чтобы я мог жить дальше.

Сделав глубокий вдох, Пейтон, наконец, поднимает на меня взгляд, слезы застилают ее глаза, в которые я раньше любил смотреть. Сейчас я вижу только предательство. *Как я мог быть таким гребаным дураком?*

— Ты хочешь правду?

— Правда сейчас была бы чертовски кстати.

— Ладно. — Она лезет в сумочку, достает папку с документами и протягивает ее мне. — Это краткое изложение всего, что есть у «Project Mountain» для их женской линии. Они позвонили мне на прошлой неделе, хотели встретиться, чтобы предложить работу. Я подумала, что это будет отличная возможность изучить конкурентов. Идиоты рассказали мне обо всем, что планируют сделать. Я провела весь вчерашний день и сегодняшнее утро, сравнивая и сопоставляя обе линии и выделяя те моменты, о которых тебе следует беспокоиться, предлагая решения для борьбы с ними. Я ничего не сказала, потому что не хотела обнадеживать тебя, что у нас наконец-то может быть нечто большее, нежели просто сдвиг в этом вопросе. Я планировала отдать тебе это сегодня вечером. — Пейтон прижимает папку к моей груди, заставляя меня взять ее, в то время как мои мысли начинают метаться в миллионе направлений.

Я не знаю, начать ли мне с «Прости» или «О, черт».

— Было бы мило с твоей стороны, если бы... Нет. Я *не могу* поверить, что ты обвиняешь меня в том, что я пыталась поймать тебя. Ты же знаешь меня.

Я с трудом сглатываю. Бл*дь, какой же я идиот.

— Пейтон...

— Нет. — Она качает головой. — Я понимаю твою страсть к своему бизнесу и сотрудникам, которые работают на тебя. Я с самого начала знала, что ты ценишь каждую минуту работы, но никогда бы не подумала, что ты будешь относиться ко мне так отвратительно, как сегодня. — Пейтон поправляет ремешок сумочки на плече, притягивая ее ближе к телу. — Я ожидала, что ты, как никто другой, будешь уважать меня и мой бизнес настолько, чтобы понимать, что я никогда так с тобой не поступлю. Никогда не обману тебя и не поставлю под угрозу твой бизнес.

— Я не знал, что думать, — быстро оправдываюсь я, пытаюсь придумать причину, чтобы смягчить боль в ее глазах и опустошение в моем сердце.

— Ты мог бы подумать: «Я действительно нравлюсь своей девушке. Нет, возможно, она любит меня. Поэтому, несмотря на то, как выглядят эти фотографии, я знаю, что она не способна на что-то настолько невероятно ужасное. И точка». — *Любовь?*

Мое сердце набухает так же сильно, как и сдувается от ее взгляда.

— Мне жаль. — Провожу рукой по волосам. — Я был застигнут врасплох.

Наклонившись вперед, Пейтон смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Тогда позволь мне снова застать тебя врасплох. Между нами все кончено, Рим.

— Что? — Она начинает уходить, но я снова ловлю ее за руку. — Пейтон, пойдём.

— Нет, Рим. — Она качает головой, из ее глаз текут слезы, которые она быстро вытирает. Затем указывает на кофейню. — Там ты впервые предложил мне работать с тобой над женской линией, для меня много значило то, что ты доверил мне этот проект. И да, я могла влюбиться в тебя в процессе всего этого. Но получается, ты никогда по-настоящему не доверял мне.

— Это неправда.

— Нет? Ну, мне кажется по-другому. — Она качает головой. — Не волнуйся, я закончу свою работу в «Roam, Inc», доведу до конца запуск женской линии, но буду работать только с Хантером. Когда все закончится, я уйду из «Roam, Inc». С меня хватит.

Моя грудь сжимается, тело немеет, и впервые с тех пор, как я начал встречаться с Пейтон, мной овладевает страх. Она говорит серьезно. Она действительно уйдет, и, бл*дь, это погубит меня.

На хрен бизнес.

На хрен женскую линию.

На хрен «Project Mountain».

Я не могу потерять Пейтон, не после всего, через что мы прошли, не после того, как я... Я...

Прежде чем я успеваю разобраться в своих чувствах, Пейтон идет по тротуару, даже не потрудившись оглянуться на меня.

Приказываю своим ногам двигаться, бежать за ней, но, хоть убей, они не слушаются. Потому что я слышу лишь ее слова: «*Между нами все кончено... Возможно, я влюбилась в тебя в процессе всего этого. Но получается, ты никогда по-настоящему не доверял мне... Между нами все кончено.*»

РИМ

— Это называется душ, — говорит Хантер, врываясь в кабинет и садясь напротив меня с папкой в руке. Этот мудака фактически выполнял мою работу в течение последних двух недель.

Мою совместную работу с Пейтон, и я, бл*дь, не могу это вынести.

Я знаю, когда происходит каждая встреча, когда она заканчивается и точный момент, когда они прощаются, потому что Хантер каждый раз присылает мне гребанные сообщения.

Как раз добираюсь до кофейни. Короткое платье. Она отлично выглядит, дружище.

Боже, она такая умная. Она действительно хороша в этом дерьме.

Что у нее за духи? Пахнет потрясающе.

Ты знал, что Пейтон часто красит ногти? Сегодня они розового цвета.

А как она прикусывает нижнюю губу... чувак.

Сегодня она обняла меня на прощание. Ее сиськи прижались к моей груди

смайлик «окей» — сложенное из большого и указательного пальцев кольцо.

О, и она покачивает задницей, когда уходит.

Я на самом деле могу убить его. Так было последние две недели.

Я знаю, что Пейтон пахнет, словно гребаный дождь и солнечный свет. И я знаю, что она красит ногти. Я видел, как она это делает, одетая только в мою рубашку.

И умная? Бл*дь, она самая умная девушка из всех, кого я знаю, мудрая и проникательная. Именно поэтому я нанял ее. Не из-за электронных писем или флирта, а потому что она офигеть как хороша в своем деле, и она была нужна мне в команде.

Теперь она нужна мне в моей жизни. Постоянно.

Скучаю по всему, что связано с ней. По тому, как она испытывает мое терпение или сияет от радости, когда я вхожу в комнату, или по тому, как она стонет мое имя, когда я погружаюсь в нее, не в силах насытиться.

Мне нравится, что Пейтон может поставить меня на колени благодаря своему острому уму, и мне нравится, что она знает, когда мне нужно, чтобы она села ко мне на колени, позволяя обнять ее, вдыхая ее запах, и успокаивала меня после тяжелого дня.

Мне нравится ее индивидуальность — дерзкая и умная, — как она держит меня в напряжении. И я люблю ее улыбку, ее пылкие глаза и пухлые губы.

Христос... Я... Я люблю ее.

Хантер стучит костяшками пальцев по моему деревянному столу.

— Э-э, привет. Ты вообще меня слушал?

Качаю головой и провожу рукой по лицу, трехдневная щетина превращается в настоящую бороду.

— Нет, я не буду тебя слушать, потому что всё, что ты скажешь, вероятно, будет мучать меня, а я не хочу об этом слышать. Просто отдай мне записи и уходи.

После каждой встречи с Пейтон Хантер первым делом заходит сюда, в офис, чтобы помучить меня подробностями о том, какая Пейтон замечательная.

Новость: я, бл*дь, знаю об этом, и я тот болван, который всё испортил.

— Ты прав. — Хантер лезет в карман и достает протеиновый батончик. Разворачивает,

откусывает, жуёт. От этого хрустящего звука мне хочется впечататься головой в стену.

— Скажу тебе, что Пейтон выглядела грустной сегодня. Её маска «я в порядке» исчезла, и ей не хватает блеска в глазах.

Бл*дь.

Я не могу справиться с этим образом в моей голове. Угрюмая Пейтон с трудом переносит встречу, её душевная искра потускнела и скрыта.

Черт, я идиот.

— На этот раз она даже не заказала напиток.

— Что? — Бросаю взгляд на Хантера. — Почему?

— Сказала, что не хочет ни пить, ни есть. Это не помешало мне съесть круассан и облизать пальцы после этого.

— Проклятье, — бормочу я и откидываюсь на спинку стула.

Хантер выдыхает и кладет лодыжку на колено.

— Чувак, что мешает тебе попросить прощения?

— Я уже извинился, но она ушла.

— Не будь идиотом. Конечно, она ушла. Ты сделал ей очень больно. И заметь, я говорил тебе не рубить с плеча, и смотри, что ты сделал.

— Спасибо за напоминание.

— Seriously, чего ты ждешь? Ты выглядишь дерьмово, она выглядит отстойно. Ты явно скучаешь по ней, так что иди и падай ей в ноги.

— Всё не так просто, — отвечаю я, уставившись на заставку на моем компьютере. Это наша фотография, которую Пейтон сделала в «Serendipity». Она сидит у меня на коленях, обвив рукой мою шею, когда я целую её в щеку, на лице великолепная улыбка.

— Почему?

— Потому что она даже не согласилась переехать ко мне...

— Потому что ей нужен был великий жест, а не какое-то дерьмовое заявление, что вы должны жить вместе. — Хантер щелкает пальцами и опускает ногу, приближаясь к моему столу. — Зайди на Pinterest. Держу пари, мы сможем найти несколько хороших идей о том, как вернуть её.

— Я не смотрю этот чертов Pinterest. — Отодвигаюсь от стола и расхаживаю по кабинету, потирая затылок. Голова гудит, но не от идей, а беспокойства. Что, если я ждал слишком долго? Что, если Пейтон больше не хочет быть со мной?

Наклонив голову вперед, будучи полностью опустошенным, говорю:

— Я люблю её, Хантер.

— Я знаю, и что ты собираешься с этим делать?

Повернувшись к нему, снова перевожу взгляд на свой компьютер, заразительная радость Пейтон напоминает мне, с чего мы начали...

— Думаю, у меня есть идея.

Хантер потирает руки и наклоняется вперед.

— О, мои соски только что стали твердыми. Выкладывай.

Мне действительно нужно завести нового лучшего друга.

Хантер предложил мне привести себя в порядок, прежде чем попытаться вернуть Пейтон, и я думаю, что в кои-то веки он был прав. Я не брился, мне вроде как нравилась щетина, но я подстриг её, чтобы не выглядеть так, словно грузовик только что протащил меня девять миль по ухабистой дороге. Решаю надеть черные джинсы и серый свитер с V-

образным вырезом и белую рубашку под низ. Пейтон всегда говорила, что любит, когда я в деловой одежде, но именно моя «уличная» одежда её заводит.

П*здец, я нервничаю.

Мне никогда не приходилось возвращать девушку. Я никогда не был заинтересован настолько, чтобы прилагать усилия, но Пейтон стоит каждой секунды моего времени.

Сидя в ресторане напротив кофейни, я прекрасно вижу её. На ней джинсы и простой синий свитер, коричневые сапоги до колен, она выглядит отлично. В ту минуту, когда я увидел её, зная, что она так близко, я почувствовал, как моё сердце готово выскочить из груди.

Вытащив телефон из кармана, открываю электронное письмо, которое составил, и просматриваю его еще раз, внося поправки, пока результат меня полностью не удовлетворяет.

Снова бросаю взгляд на Пейтон. Она уткнулась носом в свой компьютер, усердно работая, возле неё стоит чашка кофе. Что она купила сегодня? Латте? Она предпочитает его, но когда нуждается в кофеине, то выбирает эспрессо. Нужен ли ей сегодня кофеин, как мне, чтобы побороть бессонные ночи?

Есть только один способ это выяснить.

Сделав глубокий вдох, нажимаю кнопку «Отправить» и жду.

ПЕЙТОН

Этот латте прямо сейчас делает со мной черт знает что. Мне следовало взять пять порций эспрессо, потому что, боже мой, я едва могу держать глаза открытыми, когда просматриваю эти рекламные тексты. Моё зрение затуманено, и мысли витают где-то далеко — я думаю об одном мудаке, который, к сожалению, пленил моё сердце.

Прижимаю руку ко лбу, пытаюсь удержаться на ногах, несмотря на сонливость.

Ладно, может быть, мне хочется, чтобы Рим снова пришел и извинился. Да, я такая девушка. То, что он сделал, было самонадеянно, подло и соответствовало его характеру, но это всё равно причинило мне боль... потому что я думала, что особенная. Мне казалось, что я важна для него, что я была той девушкой, с кем он может поговорить, прежде чем делать поспешные выводы.

Я так зла на Рима, но в то же время хочу быть с ним.

Я люблю его.

Мне все это ненавистно.

Вздыхнув, делаю глоток своего чуть теплого латте как раз в тот момент, когда на моём компьютере появляется новое электронное письмо.

Ставлю напиток на стол и открываю его, нажимая мышкой.

Сначала я не узнаю адрес электронной почты, но когда приглядываюсь повнимательнее, мое сердце замирает в груди, а дыхание перехватывает.

HandsRoamingPeytonsBody (*прим. пер.: руки скользящие по телу Пейтон*).

Тема: Я не хочу кувыркатся с тобой...

Дрожащими руками прокручиваю до начала письма.

Тому, кого это касается (я имею в виду тебя, Пейтон):

Ты не представляешь, насколько я опустошен, когда печатаю это письмо, но я должен признаться.

*Потому что я, бл*дь, больше не могу терпеть.*

Я не могу дышать, на глаза наворачиваются слезы, из-за чего невозможно видеть экран передо мной. Это почти слово в слово первое письмо, которое я отправила ему как СЛИТ.

Прикрываю рот в благоговении, делая глубокий вдох, чтобы успокоить нервы.

Но... я полностью откровенен и хочу, чтобы ты знала, что я не употреблял алкоголь перед тем, как написать тебе. Да, возможно, за последние две недели я много пил, пытаюсь заполнить пустоту в своём сердце, но клянусь, что сейчас, набирая это письмо, я абсолютно трезв и изливаю тебе свою душу. Хотя, для протокола, сегодня утром я выпил пять чашек кофе, чтобы компенсировать бессонные ночи без тебя.

Думаю, важно быть искренним и честным с тем, кого любишь, не так ли? И полностью откровенным, да, Пейтон?

Я люблю тебя.

И я наконец-то честен.

Ты мне так нравишься, что это затуманивает мой рассудок, и заставляет меня делать то, чего я никогда бы не сделал, например, злиться на тебя и обвинять тебя в том, чего ты никогда бы не совершила. < — Ты прочитала это? Никогда за миллион лет я не думал, что ты ПРЕДАШЬ МЕНЯ. Я гребаный мудака, что даже на секунду допустил мысль об этом, и мне чертовски жаль.

Я безнадежно, глупо, как школьник, втюрился в тебя.

Знаешь ли ты, что люди в офисе называют МЕНЯ садистом? Эгоистом? Бесчувственным, высокомерным ублюдком? Но ты с самого начала знала, что я лаю, но не кусаю. Ты дала мне шанс доказать, что я не просто мужчина за столом, с галстуком, туго затянутым на шее.

Впервые, ты была той, кто вызвал улыбку на моём лице. На кого я хотел произвести впечатление. Кого я хотел больше остальных.

И если уж говорить начистоту, этот синий свитер на тебе?

С достаточно низким вырезом, чтобы я мог видеть твою округлую грудь? Это заставляет меня задать тебе очень важный вопрос...

Я не хочу кувыркаться с тобой... Я хочу любить тебя, если ты позволишь.

С любовью,

Искренне,

ВСЕГДА твой

Постскриптум: Подними голову.

Поднять голову? Что, черт возьми, это значит?

Я вытираю слезы и вижу Рима, стоящего передо мной с белой коробкой в одной руке, а другая — засунута в карман. Он выглядит нервным, но безумно сексуальным в своём свитере и джинсах.

О боже, я и забыла, какой он красивый.

— Привет, детка, — нежно говорит Рим, делая шаг вперед. И вот он, его одеколон, пробуждающий меня впервые за несколько недель. Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он опускается передо мной на одно колено и протягивает коробку. — Открой её. — Его пристальный взгляд устремлен на меня, одухотворенный и полный надежды.

*Дрожащими руками я поднимаю крышку коробки для выпечки и обнаруживаю, что на дне лежит мой любимый киш, а сверху, под приклеенным скотчем ключом, написано: *Я не могу прожить и дня без твоих объятий и «киша». Ты переедешь ко мне?**

Как девочка, которой я и являюсь, прикрываю рот рукой, а по щекам катятся слезы. Рим ставит коробку на стол и берет мои руки в свои, не сводя с меня глаз.

*— Пейтон, мне п*здец как жаль за то, что я сказал, за то, что не доверял тебе, когда, я знаю, должен был. Ты значишь для меня все, и не из-за всей той невероятной работы, которую ты для меня сделала, а потому что ты потрясающе мудрая и остроумная и делаешь меня охренительно счастливым. Я не могу представить и дня без тебя рядом со мной. — Он целует мою руку и произносит: — Ты простишь меня и, пожалуйста, переедешь ко мне?*

Не в силах сдержать своё волнение или заставить его ждать, я киваю головой и хихикаю, когда он притягивает меня к своей груди и обнимает до тех пор, пока я не чувствую, что вот-вот сломаюсь.

Вздыхнув, Рим целует меня в щеку, а затем шепчет:

— Я чертовски сильно люблю тебя, Пейтон. Мне жаль, что я причинил тебе боль.

Обезумев от радости, я обнимаю его ещё крепче, а затем отстраняюсь. Указываю на него пальцем и говорю:

— Не делай так больше. Я не так-то легко прощаю.

Он усмехается, и этот звук больше не кажется мне чужим.

— Никогда.

Обхватив его щеки, я приближаю его губы к своим, мягко и нежно целую его, а затем произношу:

— Я люблю тебя, Рим, и не могу дождаться, чтобы разделить с тобой дом, но...

— Но? — Он приподнимает бровь, глядя на меня.

— Но мы не будем жить в тех бетонных джунглях под названием «твоя квартира».

Ярко улыбаясь, Рим отвечает:

— Не волнуйся, у меня есть для нас квартира двумя этажами ниже. Новая и со свежим ремонтом.

— Ты такой хороший человек.

— Повезло тебе.

Рим целует меня, и хотя мы находимся посреди кофейни и, скорее всего, устраиваем сцену, мне всё равно. У него была репутация садиста и тирана, но в глубине души я знала, что он благородный джентльмен с наклонностями альфы, который поставит меня на колени.

И знаете что? Он весь МОЙ.

Когда Рим отстраняется, то вздыхает и прислоняет свою голову к моей.

— Боже, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Скривив губы в улыбке, добавляю: — И кстати, я не могу прожить и дня без твоих объятий и кишей. Умно, Рим. Очень умно.

Он застенчиво пожимает плечами.

— Кто знал, что Pinterest может помочь вернуть свою девушку?

ХАНТЕР

Я не могу даже смотреть на этих двоих. Они такие отвратительные.

Двое моих друзей: один, с которым я дружил полжизни, и вторая, потому что, ну, Рим влюбился в неё, и она офигительно классная. Я не мог удержаться, чтобы не стать другом Пейтон.

Она неотразима, и я тоже в неё влюблен, только не могу её трахнуть.

Это делает Рим, везучий ублюдок.

Внешне Пейтон выглядит как девушка по соседству, и я бы не стал её рассматривать, если бы пытался найти для Рима пару.

Брюнетка, в то время как ему нравились блондинки. Маленького роста, когда он предпочитал высоких.

Пейтон — полная противоположность всему, что, как Рим думал, ему нужно.

Не то чтобы он считал, что желает кого-то, непостоянный сученьш.

Потом ей пришлось сделать первый шаг и сказать, что она хочет с ним покувыркаться...

Дерзкая засранка.

— Почему ты просто стоишь там? Ты выглядишь странно. — Милый, но настойчивый голос Пейтон прерывает мои размышления.

— Я выгляжу странно?

— Да, ты выглядишь потерянным, и если ты не будешь осторожен, то уронишь этот комод прямо себе на ногу. — Она нетерпеливо постукивает ногой.

— И если ты это сделаешь, даже мысли не допускай ни на одну долбанную секунду, что для лечения этой травмы ты используешь мою страховку недвижимости. — Рим толкает меня другим концом тяжелого комода из красного дерева, который будет стоять в их новой спальне.

Мы находимся в их новой квартире — всего двумя этажами ниже той, где Рим жил раньше, и Пейтон заставляет нас таскать тяжести.

— Отдай мне должное, придурок. — Я поднимаю тяжелый деревянный комод, выдыхая. — Куда ставить? Я сейчас лопну.

Пейтон смеется, указывая на большую стену, примыкающую к их двуспальной кровати.

— Вот здесь будет хорошо, поставьте его по центру у стены. — Она показывает движением рук *в сторону... вправо... чуть-чуть*, а затем подает мне универсальный знак «стоп». — Идеально.

Эй. Я полностью за то, чтобы этот ублюдок переехал к любви своей гребаной жизни, но как, вашу мать, меня угораздило перевезти всё их дерьмо в мой единственный выходной?

Рим у меня в долгу.

Ненавижу такую херню; я бы лучше заплатил какому-нибудь студенту сто баксов, чтобы он занёс это барахло в мою квартиру.

Блин, иногда так хреново быть таким хорошим другом.

Рим опирается задницей о комод, скрещивая лодыжки и руки.

Изучает меня.

— Что ты делаешь сегодня вечером?

Сегодня суббота.

— Не знаю. Может, пойду куда-нибудь. Выпью рюмку или три.

Пейтон приподнимает брови.

— У тебя нет свидания?

Я смеюсь.

— Ты что, думаешь, у меня есть список цыпочек на быстром наборе, готовых и рвущихся на свидание со мной каждые выходные?

— Вау, — говорит она. — Я просто спросила. Не нужно защищаться. И к твоему сведению, тебе не стоит ходить по барам и напиваться в одиночку.

Обычно я так и делаю. Но почему-то после того, как я провел день с этими двумя отвратительными голубками, идея вернуться домой в свою холодную, темную квартиру не привлекает меня.

И Пейтон права, я не должен пить в одиночку.

Просто это выводит на новый уровень *одиночество и отсутствие любви*, и я не готов посетить это место в чистилище.

И всё же.

Забудьте об этом.

Поэтому я нацепляю улыбку, как делаю всегда.

— Ты шутишь? Дамы выстраиваются в очередь, когда я открываю дверь, компания мне не помешает.

Это ложь, которую я всегда говорю, чтобы они отвязались и оставили меня в покое насчет свиданий.

Это новое любимое занятие Рима и Пейтон, помимо публичных проявлений привязанности и совместного обучения игре в ракетбол.

Они должны и дальше гоняться за мячами и оставить мою личную жизнь к чертовой матери в покое.

— Не лги, Хантер. Ты несешь всякую чепуху, но мы все знаем, что ты врешь. — Пейтон самодовольна. — Ты, наверное, пойдешь домой и будешь смотреть мелодраму по Lifetime.

Близко. Скорее всего, это будет что-то на канале CW.

— Она шутит. Нам буквально наплевать, что ты будешь делать сегодня вечером.

— Рим. Будь милым. — Пейтон устремляет на меня своё прекрасное лицо, и я ёрзаю. Ненавижу, когда она так делает. — Что тебе нужно сделать, так это перестать валять дурака и...

— Найти себе хорошую девушку, я знаю. Бла-бла-бла. Ты говорила мне это миллион раз.

Пейтон ничуть не выглядит оскорбленной. Скорее, она смотрит на меня понимающим взглядом.

Всегда с ухмылкой.

— Знаешь, — медленно начинает она, обходя диван и направляясь на кухню. Здесь теплее, чем в старой кухне Рима — нейтральные тона и темно-синие акценты, приборы из нержавеющей стали и куча естественного солнечного света, — сестра Рима приезжает в город, может...

— Нет, — кричим мы с Римом одновременно.

Пейтон смотрит туда-сюда между нами.

— Что я сказала? Вы даже не дали мне закончить предложение...

— Ответ — нет. Неважно, что ты собиралась сказать.

— Я просто хотела сказать, что она приезжает в город, и было бы здорово, если бы вы...

— Нет.

Пейтон морщит лицо в ставшей уже привычной манере.

— Что с ней не так?

Ничего.

С сестрой Рима абсолютно всё в порядке, и в этом вся гребаная проблема.

Бейли Блэкберн — полная противоположность плохому; она — воплощение всего правильного, и мне не следует приближаться к ней ближе, чем на десять футов.

Я в шоке, что Пейтон предлагает такое.

— В последний раз, когда я видел Бэй, она участвовала в феминистском крестовом походе с несколькими подругами по колледжу, зареклась встречаться с парнями, отрезала половину волос и красила губы фиолетовой помадой.

Но.

Я случайно встретил её в интернете, и, ну, Бейли Блэкберн чертовски изменилась. Сильно.

Она еб*ть какая сексуальна. Нежная. Женственная.

Охренительно умна.

Раз или два я *случайно* просматривал фотографии, которые она выкладывала в купальнике во время недавней поездки на Гавайи. Я имею в виду — сообщение выскочило, и мне пришлось, бл*дь, уставиться. Не то чтобы я искал эти чертовы снимки.

— Да, нет. Она заноза в моей заднице.

Лжец.

— О. Ну, тогда не бери в голову. Мы можем найти кого-нибудь другого, чтобы показать ей офис.

Ещё раз?

— Что ты имеешь в виду, показать ей офис?

Пейтон избегает моего вопроса, её улыбка становится шире.

— Рим не упоминал об этом?

— О чем?

Мой партнер и лучший друг пожимает плечами, и мне хочется ему врезать.

— Она переезжает домой и ей нужна работа.

— И жильё, — вставляет Пейтон, доставая из шкафа сковороду и со звоном ставя её на плиту.

— Сначала мы побеспокоимся о работе. — Рим бросает на неё взгляд, а затем переводит его на меня. — Я собираюсь устроить её на работу в офис, чтобы она была на подхвате. Может быть, даже проводила некоторые полевые испытания.

Полевые испытания.

Это по моей части.

Я отказываюсь доставлять им удовольствие какой-либо реакцией.

— Когда?

— Где-то на следующей неделе. Она едет из Колорадо.

— Что она делала в Колорадо? На каком она курсе?

Я думал, она учится в колледже.

— Она работала в «The Rockies», занималась спортивным маркетингом, но скучала по дому, и я сказал ей, что, если она когда-нибудь захочет вернуться, у неё будет здесь свое

место.

— И она скучает по дому, — бурчу я.

— Ага.

— Подождите. Она уже достаточно взрослая, чтобы работать?

Рим смотрит на меня, как на гребаного идиота.

— Ей двадцать шесть, придурок.

О.

Ну.

— Расслабься, чувак, я не знал. Я думал, ей девятнадцать.

— Ты такой идиот. — Рим смеется, не в силах остановиться. Господи, как приятно видеть его счастливым и улыбающимся.

— Дети. Они так быстро растут.

— Не называй Бейли так в её присутствии. Она хороша в своем деле, её очень уважают.

— У котенка теперь есть когти? — шучу я.

Мой друг хмурится.

— Не называй Бейли так в её присутствии. Она буквально выцарапает тебе глаза.

Принято к сведению.

Прислоняюсь к спинке их нового дивана, переваривая эту информацию.

Сестра Рима, Бейли, возвращается домой, и она будет работать в «Roam, Inc». Я справлюсь с этим — я же не влюблен в неё или что-то в этом роде.

На самом деле, это она была влюблена в меня, а не наоборот.

То есть, ей было лет двенадцать, но всё же.

Любовь — это любовь, и она не знает возраста.

Особенно когда тебе двенадцать лет...

Бэй была сумасшедшей, следовала за мной повсюду. Краснела, когда я говорил с ней или произносил её имя. Дарила мне подарки (в основном жвачки и прочую дешевую дрянь, вроде конфет). Я чувствовал себя чертовски неловко, но мне было шестнадцать, а она была моложе, и я ничего не знал о женщинах, не говоря уже о впечатлительных, чувствительных девушках.

Бейли была без ума от меня в течение одного лета.

Пока я не сказал ей, чтобы она отвалила и оставила меня в покое, я использовал именно эти слова.

Она ответила, чтобы я шел на х*й.

Я улыбаюсь, вспоминая огонь в её глазах, разгоревшийся от унижения.

После этого она возненавидела меня, и я её не виню.

Я был напыщенным гаденышем, который вел себя, как мудак.

Бейли Блэкберн. Кто бы мог подумать?

И она возвращается домой...